

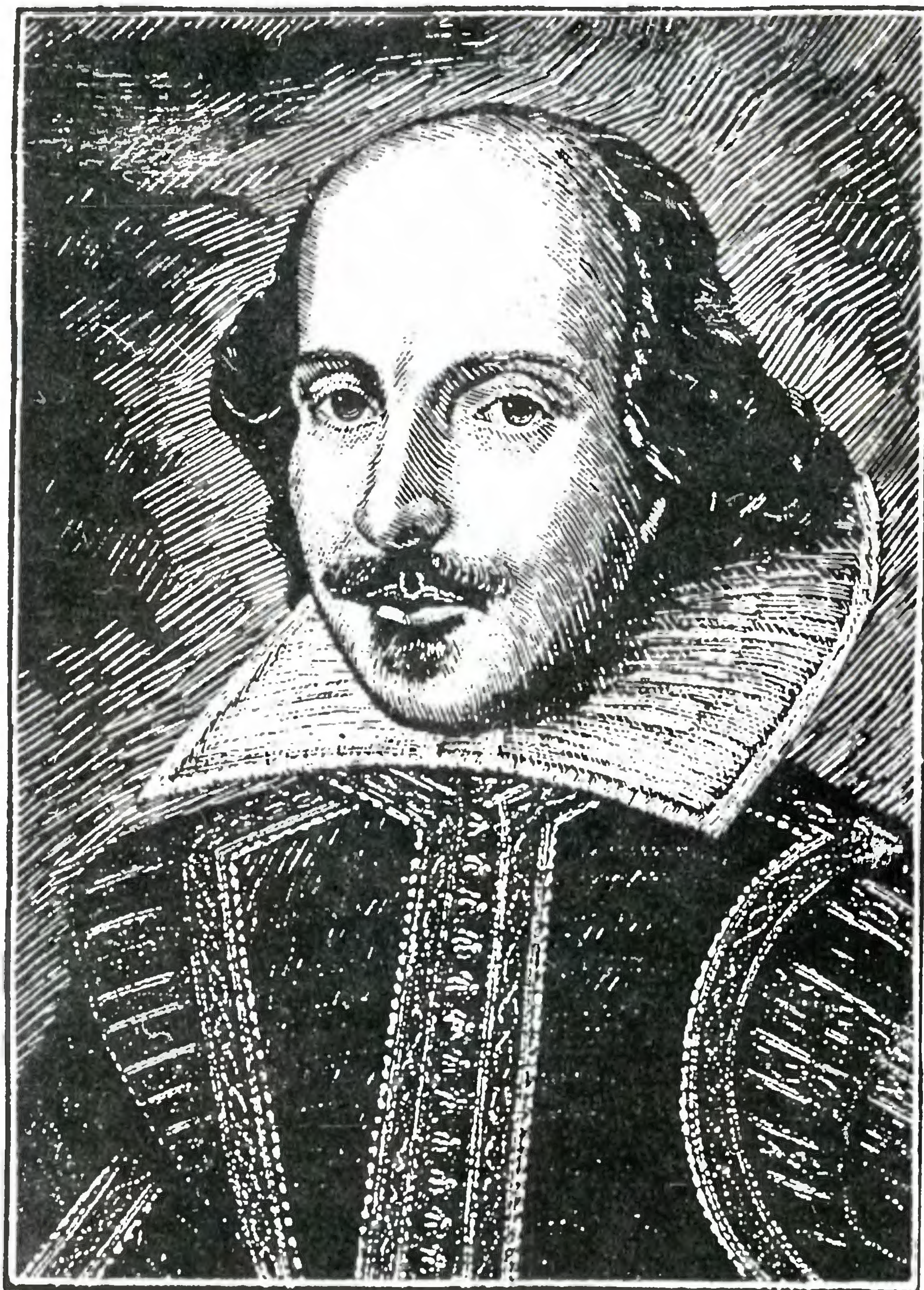
**ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР**

КОРОЛЬ ИОАНН

РИЧАРД II

ГЕНРИХ IV

ВЪВЕДЕНИЕ
ТЕКСТОВ

William Shakespeare

WILLIAME SHAKESPEARE

**complete works
in 14 volumes**

KING JOHN

RICHARD II

HENRY IV

**МОСКВА
«ТЕППА» — «TERRA»
1992**

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 1

КОРОЛЬ ИОАНН

РИЧАРД II

ГЕНРИХ IV
часть 1

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1992

ББК 84.4(Вл) 4-6
—Ш41—

**Внешнее оформление художника
А. Машезерской**

**В оформлении издания использованы рисунки:
Фрэнсиса Ф. Уитли (Fr. Weytley), 1747-1801,
Х. Силуза (G. Selous), 1812-1909,
Ф. Пехта (F. Pecht), р. 1814,
Джон Джильберта (J. Gilbert), р. 1817,
а также неизвестных художников
конца XV — начала XVI века.**

**Издание подготовлено издательством
«Золотой Век» (Санкт-Петербург)
при участии АО «ИКС» (Санкт-Петербург)**

Шекспир Вильям

**Ш41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 1 / Художник
А. Машезерская; Примеч. А. Смирнова. — М.: ТЕРРА,
1992. — 608 с.: ил.**

**ISBN 5-85255-193-7 (т. 1)
ISBN 5-85255-192-9**

**В первый том собрания сочинений В. Шекспира включены истори-
ческие хроники «Король Иоанн», «Ричард II», а также первая часть
хроники «Генрих IV».**

**Ш 4703010300-081 Подписное
А30(03)-92**

ББК 84.4(Вл)

**ISBN 5-85255-193-7 (т. 1)
ISBN 5-85255-192-9**

© Издательский центр «ТЕРРА», 1992

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Шекспир — одно из тех чудес света, которым не перестаешь удивляться: история движется гигантскими шагами, меняется облик планеты, а людям все еще нужно то, что создал этот поэт, отделенный от нас несколькими столетиями.

Чем более зрелым становится человечество в духовном отношении, тем больше открывает оно глубин в творчестве Шекспира. Десятки, сотни жизненных положений, в каких оказываются люди, были точно уловлены и запечатлены Шекспиром в его драмах. Ими можно мерить жизнь отдельного человека и можно отмечать стадии развития целого народа. Все драматичное, что случается с разными людьми и с обществом в целом, было изображено Шекспиром с той степенью типизации и художественного обобщения, какая позволяет в разные времена и в казалось бы изменившихся условиях узнавать себя и свою жизнь.

Да, самое большое, самое сильное впечатление, оставляемое Шекспиром, — жизненность его искусства. Оно не определяется точностью деталей, совпадением частных с тем, что непосредственно знакомо каждому. Быт, нравы, обстоятельства в его драмах, подчас далеки от наших, и тем не менее в том, что он изобразил, ощущается та высшая правда, какая доступна только самому великому искусству. Она не зависит от схожести с жизнью каждого из нас. Можно не быть в тех ситуациях, в каких оказались Ромео и Джульетта, Виола или Розалинда, Брут и Гамлет, король Лир или Макбет, но через их судьбы и переживания наш собственный

опыт становится богаче. Шекспир расширяет наш духовный горизонт. Мы познаем жизнь более драматически напряженную, чем наше повседневное бытие, выходим за рамки своего мирка и попадаем в большой мир. Благодаря этим и подобным творениям мы начинаем понимать, что такое настоящая жизнь.

Историк, философ, моралист и психолог находят у Шекспира подтверждения открываемых ими истин. А он, художник, не мудрствуя и не поучая, воплощал эти истины как историю отдельных человеческих судеб. И делал он это так, что читатель и зритель его драм приобщается к пониманию того, как движется история, проникается желанием поразмыслить над сущностью важнейших жизненных явлений, лучше постигает себя и окружающих.

Кажется, что художник, который столько увидел, столько знал и понимал, должен был сам быть человеком необыкновенным. А между тем, что известно о личности Шекспира, рисует его человеком ординарным.

Он родился 23 апреля 1564 года в провинциальном городке Стратфорд-на-Эйвоне, в центральной части Англии, в графстве Варвикшир. Его отец был довольно зажиточный торговец, одно время он был даже избран городским советником (олдерменом), а затем и городским головой. Будущий драматург и поэт учился в местной школе, где наряду с латынью и греческим преподавали основы логики и риторики. Закончить школу ему не удалось; отец его разорился и пятнадцатилетнему юноше пришлось самому зарабатывать на

жизнь. Согласно одному из многих преданий, которые окружают его жизнь Шекспир стал учеником у торговца мясом. Впрочем, другое предание гласит, что он поступил репетитором в сельскую школу.

Шекспир женился на дочери фермера, когда ему еще не было и двадцати. Однако вскоре он покидает родной город. (Предание гласит, что ему пришлось спастись от гнева одного из крупных местных землевладельцев, в заповеднике которого Шекспир будто бы тайком охотился на оленей. Кроме того, продолжает предание, он осмеял этого землевладельца в сатирической балладе. Как бы то ни было, приблизительно в 1585 году он оказывается в Лондоне.)

Здесь он сначала зарабатывает себе на жизнь занимая самые низкие должности в одном из лондонских театров. (По одному из преданий он должен был присматривать за лошадьми, на которых приезжали в театр богатые джентльмены). Первое упоминание о Шекспире мы встречаем в 1592 году, в памфлете драматурга Роберта Грина, в котором тот резко нападает на актера — “выскочку” и “простолюдина” осмелившегося соперничать в области драматургии с “изысканными умами”. Таким образом уже к 1592 году Шекспир становится не только актером, но и драматургом. Вероятно, он начал с переделки чужих пьес, но, возможно, что к этому времени он уже был автором нескольких самостоятельных произведений, которые не дошли до нас.

Попробовав свои силы в драме, Шекспир пытался завоевать признание как поэт, издав поэмы “Венера и Адонис”

и “Лукреция”. Поэмы были замечены и даже имели успех у образованных читателей. Но средств к существованию поэзия не давала, если не считать подачек меценатов. Не слишком много приносило и актерское ремесло. Здесь Шекспир достиг немногого. Из сыгранных им ролей к самым значительным принадлежали Призрак отца Гамлета и старый слуга Адам в комедии “Как вам это понравится” — роли более чем второстепенные. Однако как драматург Шекспир оказался настолько нужным театру, что в 1599 году, когда труппа, к которой он принадлежал, выстроила крупнейший театр “Глобус”, он был принят в число его пайщиков.

В 1603 году эта труппа удостоилась наименования королевской, но еще задолго до этого она признавалась лучшей среди лондонских актерских товариществ. Актеры играли обычно для самой разнообразной городской публики, а в праздники их приглашали играть при дворе. Иногда труппа отправлялась в турне по провинции, играя в аристократических замках и придорожных гостиницах, подобно актерам, с которыми мы встречаемся в “Гамлете”.

Так жил Шекспир год за годом, сочиняя пьесы, участвуя в исполнении их (а также пьес других авторов), копи деньги и вкладывая их в недвижимость в родном городе. Около 1612 года он покинул Лондон, оставив актерскую профессию, и вернулся в Стратфорд, где приобрел для себя самый большой каменный дом в городе. Здесь он прожил последние годы в кругу семьи (жена и две дочери, сын Гамлет умер одиннадцати лет). Он скончался 23 апреля 1616 года и был

похоронен в местном храме как один из самых почтенных горожан Стратфорда.

Есть несомненное несоответствие между красочной и полной драматизма жизнью героев Шекспира и будничным, монотонным существованием их создателя. Скептики стали сомневаться: как мог этот обыватель, жалкий актер без университетского образования написать драмы, содержащие столь много необыкновенных событий, таких грандиозных героев и такие бурные страсти? Есть люди, которые с трудом верят в это. Особенно смущает, как мог недоучка вложить в свои произведения столь глубокие мысли, что и поныне мудрейшие из мудрых восхищаются ими. Конечно, если отождествлять ум и талант с дипломами и учеными званиями, то это покажется невероятным.

Скромного стратфордского актера даже хотели лишить права считаться автором созданных им пьес. Сочинение их готовы были приписать либо философу Френсису Бэкону, либо одному из образованных аристократов того времени — графам Оксфорду, Дарби или Ретленду. Ложный романтический ореол, который благодаря этом выдумкам приобретает таинственный автор прославленных пьес, не приближает, а отдаляет от подлинного их создателя.

Для нас пьесы Шекспира, прежде всего, великое явление книжной литературы. Многие представляют себе, что Шекспир писал их для печати. Но в том-то и заключается особенность его пьес, что они писались не для чтения. Трагедии и комедии Шекспира были сценарием и либретто для те-

атральных постановок. Именно так создавал свои пьесы Шекспир. Поэтому он даже не стремился к тому, чтобы увидеть их напечатанными.

Шекспир писал свои пьесы для определенной труппы. Каждая роль предназначалась актеру, данные которого учитывались при создании образа. Количество главных персонажей зависело от состава труппы. Женщин-актрис в Англии тогда не было, и женские роли исполняли обученные этому мальчишки-актеры. В разное время в труппе Шекспира таких мальчиков было то больше, то меньше, сколько именно, нетрудно подсчитать, взяв пьесы, написанные Шекспиром в разные годы. Обычно у него две-три-четыре женских роли. Всего в труппе было не больше шестнадцати человек, поэтому, создавая пьесы с большим количеством действующих лиц, Шекспир делал так, чтобы один и тот же актер мог сыграть две роли, одну в начале, а другую во второй половине пьесы. Учитывал он также, что актеры, играющие большие роли, устают во время спектакля. Поэтому он строил действие так, чтобы Гамлет, Фальстаф, Отелло, Лир, Макбет не появлялись подряд в каждой сцене. Он устраивал передышки для исполнителей главных ролей. Шекспир учитывал также эмоциональное состояние зрителей. После сцен большого драматического напряжения он вводил веселые, смешные эпизоды, выпускал на подмостки шутов.

Подобные особенности пьес Шекспира могли возникнуть только оттого, что автор до мелочей понимал театральную работу и приспособлял свою творческую фантазию к

конкретным условиям сцены. Ничего подобного не могло прийти в голову философам и аристократам, если бы они сочиняли пьесы в тиши кабинета. Пьесы Шекспира родились на сцене народного театра его времени. Они настолько срослись с природой этого театра, что теперь, когда техника сцены Возрождения мало известна, по пьесам Шекспира можно в значительной мере восстановить особенности тогдашней сцены и актерского искусства.

Получить вкус к такого рода пьесам, научиться писать их в университетах того времени было просто невозможно. Тогдашняя университетская наука с презрением относилась к народному театру и безоговорочно осуждала пьесы, шедшие на его сцене. В ту эпоху в университетах изучали в качестве образцов пьесы древнегреческих и римских авторов, особенно последних. Авторы с университетским образованием, писавшие для образованной публики, сочиняя трагедии, как правило, подражали Сенеке, а в комедиях — Плавту или Теренцию. Когда же несколько молодых магистров из Оксфорда и Кембриджа — Марло, Грин, Пиль, Кид, поселившись в Лондоне, стали зарабатывать писанием пьес для народных театров, им пришлось забыть правила драмы, изученные в университетах, и писать в том духе, к которому привыкли зрители из народа. Эти “университетские умы” обновили драму не столько в силу своей образованности, сколько благодаря поэтическому таланту. Они обогатили язык драмы, подняв его на высоту подлинной поэзии. Они подготовили почву для Шекспира. Он воспользовался многи-

ми приемами, введенными ими в драму. Но главное он нес в себе — поэтический дар, превосходящий таланты его предшественников, и такое острое чувство драматизма, каким не обладал ни один из них.

Художественная система драматургии Шекспира выросла на почве традиций народного театра и лишь немногим обязана наследию античного театра. Драма классической древности отличалась строгим единством построения. В пьесах античных авторов действие, как правило, происходило в одном месте и на протяжении короткого периода, около суток; сюжет содержал одно событие, изображающееся без каких-либо отклонений. В трагедиях действие вообще начиналось уже накануне развязки конфликта.

Драматургия Шекспира не стыкована никакими жесткими рамками. Пьеса изображает не одно событие, а цепь происшествий, зритель видит зарождение, развитие, усложнение и развязку со множеством всевозможных подробностей. Нередко перед ним проходит вся жизнь человека. А рядом с судьбой главного героя и героини показаны и судьбы остальных участников событий.

Шекспир часто ведет две, а то и три параллельные линии действия. Некоторые эпизоды не всегда связаны с главным действием, но по-своему и они необходимы, — для создания атмосферы и для обрисовки жизненных условий, в которых развивается трагедийный или комический конфликт.

Сравнивая два типа драмы, немецкий критик начала XIX века Август Вильгельм Шлегель метко определил, что античная трагедия скульптурна, а трагедия Шекспира — живописна. И действительно, в античной драме величественная и неизменная фигура героя или героини подобна прекрасной статуе, тогда как в пьесах Шекспира много разнообразных персонажей, и в целом его драмы подобны пестрым, многокрасочным картинам с обилием интересных деталей.

Древность строго разграничивала пьесы по их общей тональности, тогда были либо мрачные, либо веселые представления — трагедии или комедии. У Шекспира в одной пьесе уживается серьезное со смешным, и в его трагедиях немало шутовства, а в комедиях подчас происходят события, находящиеся на грани трагического.

Шекспир принес в драму важные новые художественные принципы, которых до него вообще не было в искусстве. Характеры героев в древней драме обладали лишь одной какой-нибудь важной чертой. Шекспир создал героев и героинь, наделенных чертами духовно богатой живой личности. Вместе с тем он показал характеры своих героев в развитии. Эти художественные нововведения обогатили не только искусство, но и понимание природы человека.

Сделать подобные открытия мог только гений. Но и для высоко одаренных людей нужны условия, чтобы задатки, заложенные в них природой, могли развиваться. Шекспиру по-

счастливилось жить в эпоху, во многих отношениях благоприятную для творчества.

Нельзя сказать, чтобы то было время большой свободы. В Англии господствовала деспотическая королевская власть. В обществе существовали вопиющие различия между богатством верхушки и нуждой народа. Но повсюду происходили какие-то перемены. Менялось положение разных сословий общества. В частности, все большую силу приобретали богатые горожане. Утратила прежнее могущество церковь. Духовный горизонт расширился от того, что англичане все чаще бросались в рискованные морские путешествия в поисках новых товаров и новых земель.

Относительная свобода возникла оттого, что никто больше не был привязан к своей среде раз и навсегда, как это было в феодальную эпоху. Люди покидали насиженные места в поисках счастья и богатства. То была эпоха неожиданных удач, головокружительных карьер. В то время как одни находили удовлетворение в приобретении материальных благ, другие посвящали себя культурной деятельности. Были открыты просторы для всякого рода деятельности. И хотя власть зорко следила за тем, чтобы никто не посягал ни на существующий строй, ни на особу монарха, она не сковывала инициативы ни в предпринимательстве, ни в науке, ни в искусстве.

Жизненные противоречия могли поэтому свободно рассматриваться искусством. Особенно тем из искусств, самую сущность которого составляет изображение конфлик-

тов, — драмой. Театр становится любимым развлечением народа. В Лондоне конца XVI — начала XVII века было с полдюжины постоянных театральных зданий. Кроме того, актеры играли во дворах гостиниц. Бродячие труппы колесили по всей стране. Правда, набожные пуритане пытались препятствовать их деятельности, но власти защищали их, ограничивая лишь в двух вещах: нельзя было касаться живых царственных особ и подвергать сомнению догматы религии. Актеры подчинялись. Они могли сыграть пьесу, изображающую, как убивают Юлия Цезаря, Ричарда II или Генриха VI, а по окончании представления приглашали зрителей вместе с ними помолиться за здоровье королевы Елизаветы, правившей тогда Англией.

Театр заменял народу книги. Все, что было в древней и новой литературе интересного, инсценировалось драматургами. На сцене можно было увидеть и Троянскую войну, и гибель римской республики, и похождения средневековых рыцарей, и истории английских королей. Все это изображалось в духе гуманистического мировоззрения, возникшего в эпоху Возрождения.

Полностью развить в себе задатки, заложенные природой, быть всегда деятельным, испытать все, завоевать все блага, какие есть в жизни, — такова была та новая мораль, которую утверждали гуманисты. Созданное ими искусство, и в том числе пьесы Шекспира, изображают людей деятельных, могучих, непокорных, не боящихся никаких опасностей. Каждый из них хочет полностью проявить себя,

измерить все возможности жизни. В любви, в науке, на государственном поприще они не знают пределов своим стремлениям.

Зрители, приходившие в театр смотреть пьесы Шекспира и его современников, не интересовались повседневным и рядовым. То было время великих поисков и смелых авантюр. Живя среди невероятных возможностей открывшихся если не для всех, то для многих, видя взлеты и падения дерзновенных смельчаков, посетители театра хотели, чтобы сцена отвечала их взволнованному чувству жизни. И театр шел навстречу этой потребности.

Приключения молодых людей, преодолевающих все препятствия, чтобы соединиться с любимой; жадное стремление к богатству и власти, не останавливающееся перед преступлениями; благородная борьба за справедливость в личных отношениях и в государственных порядках — таковы особенно частые темы пьес, варьируемых на все лады.

Театр давал развлечение, в нем можно было увидеть много занятных историй; он давал знания, — изображал подлинные события прошлых времен; он обогащал разум и чувства раскрытием всей сложности жизни и человеческих характеров.

Некоторые стороны этого театра были просты до крайности. Сцена представляла собой площадку с нехитрыми декоративными приспособлениями. Кушетка, вынесенная на нее, превращала ее в спальню, а трон — в королевский дворец. Для изображения сражений на сцену выходило четыре

актера с мечами и щитами. Но сравнительная примитивность внешних средств не помешала этому театру стать местом, где были созданы величайшие драмы мира.

Драматическое искусство Шекспира существенно отличается от искусства тех мастеров драмы, которые имели в своем распоряжении сцену, богато оснащенную декорациями и всевозможными приспособлениями для того, чтобы точно воспроизводить время и место действия. Шекспир восполнял недостаточность внешнего убранства сцены поэтическими описаниями, которые он вкладывал в уста персонажей. Шекспир владел магией слова. Одними только краткими репликами стражей в первой сцене “Гамлета” он создает у читателя и зрителя ощущение тревожной ночи, а в “Короле Лире” речи старого короля в степи создают впечатление бури.

Но мастерство Шекспира не столько в том, что он умеет заставить нас почувствовать атмосферу и характер внешнего действия, сколько в том, как он раскрывает всю сложность жизненных конфликтов и человеческих характеров.

Он не сразу овладел этим искусством. В ранних исторических драмах Шекспира — “Генрих VI”, “Ричард III”, “Король Иоанн”, много драматических событий, изображения всякого рода злодейств. Правда, механика политической жизни здесь вскрыта точно и выразительно. Но участники этих драм люди нехитрого склада — они либо злодеи, иногда очень изощренные, как Ричард III, либо их жертвы.

В “Ричарде II” Шекспир впервые показал в облике короля человека, который был тираном, а став жертвой, обнаружил неожиданные глубины человечности в своей душе.

В полном блеске развернулось мастерство Шекспира — создателя исторических драм — в “Генрихе IV”, пьесе в двух частях, где каждый участник драмы борьбы за власть — это своеобразная, неповторимая личность. Главное достоинство этой пьесы в том, что она изображает не только то, что происходит на авансцене истории, в высших сферах, но и на задворки истории, где живут люди, далекие от больших государственных интересов, погруженные в свои маленькие и даже низменные интересы. Такое изображение истории, снимающее парадность и помпезность, было одним из художественных открытий Шекспира. Оно тем более значительно, что эту сторону истории, ее, так сказать, изнанку, он воплотил в образе огромной выразительной силы — в облике опустившегося рыцаря Фальстафа.

Фальстаф один из примеров той сложности и глубины, какие отличают шекспировское изображение характеров. Нет ничего проще, как составить перечень пороков Фальстафа, а между тем он нисколько не отвратителен, наоборот, в нем есть обаяние. Во всяком случае, он самый привлекательный из персонажей пьесы.

Секрет обаяния Фальстафа в его переливающимся через край жизнелюбией. В его облике воплощено торжество плоти над моральным долгом и обязанностями перед госу-

дарством. Присущее ему озорство придает любому его поступку задорную веселость.

Будь в Фальстафе одна плоть, он был бы отвратителен. Но все дурное, что мы о нем знаем, перекрывается умом и шутливостью Фальстафа. Он обезоруживает тем, что предупреждает своими шутками любые обвинения, которые выдвигаются против него. Его способность обыгрывать шутливо все вплоть до собственных недостатков заставляет нас не судить его теми строгими критериями, которые мы обычно применяем к другим.

В “Генрихе IV” Фальстаф шут среди героев. В “Виндзорских насмешницах” он сам тщится вылезть в герои, но эта роль не по нем, и его наказывают веселым обманом. Эта пьеса подводит нас к комедиям Шекспира.

Точно так же, как в исторической драме, Шекспир и в комедии начинал с овладения внешним действием. Его самые ранние комедии “Комедия ошибок” и “Укрощение строптивой” еще близки к фарсу. “Двумя веронцами” начинается серия романтических комедий. Основу их сюжета составляет какая-нибудь любовная история романтического характера, с приключениями, переодеваниями, недоразумениями и смешной путаницей. Таковы “Бесплодные усилия любви”, “Сон в летнюю ночь”, “Много шума из ничего”, “Двенадцатая ночь”, “Как вам это понравится”, “Конец делу венец”. Только в “Венецианском купце” и “Мера за меру” в сюжет вплетаются такие драматические мотивы и события, которые подавляют романтику и придают этим про-

изведениям мрачный колорит. Но в других комедиях царит дух праздничного веселья. И если тучи набегают на небо-склон, то лишь ненадолго. Они быстро рассеиваются.

Комедии Шекспира почти свободны от сатирических элементов. Смешное в них не связано с осмеиванием пороков отдельных лиц или всего общества. Оно здесь результат проделок или следствие забавных случайностей, совпадений или недоразумений. Юмор сопутствует в комедиях Шекспира лиризму, подчас переплетается с ним. Это особенно тонко проявляется в комедиях “Сон в летнюю ночь”, “Двенадцатая ночь” и “Как вам это понравится”.

Комедии Шекспира резко отличаются от комедий, господствующих на сцене с середины XVIII века вплоть до нашего времени. Послешекспировская комедия была преимущественно сатирической. Шекспировским комедиям присущ смех, но не осмеяние. Его комедии можно в полном смысле слова назвать праздничными, ибо они возбуждают радость и веселье. Они являются праздничными еще и в другом смысле.

После XVII века театр стал культурным учреждением, обособленным от повседневной действительности. Он настолько отделился от жизни, что стал развлечением лишь для незначительной части общества.

Не так было в древности. Театральные представления древней Греции были частью общенародных празднеств. То же можно сказать и о народном театре средневековой Европы. Шекспир жил на переломе. Его театр еще сохранял мно-

гие элементы народных празднеств, но уже в некоторой степени становился театром в нынешнем смысле.

В комедиях Шекспира есть непосредственные народно-игровые элементы — ряженые, веселые розыгрыши, песни и пляски. Представление некоторых пьес приурочивалось к определенным праздничным датам, и это отражено в их названиях: “Сон в летнюю ночь” — майский праздник (в России — ночь на Ивана Купала); “Двенадцатая ночь” — последняя ночь рождественских празднеств.

Поэтому трудно, да и не нужно определять темы большинства комедий Шекспира. Их содержание всегда любовь и дружба, а лейтмотив — радостное ощущение красоты жизни, праздничное веселье.

Еще одна важная черта комедий — чувство близости к природе. Недаром в большинстве комедий герои обретают счастье на лоне природы, в лесу.

Цельность и сила характера отличает молодых героев и героинь комедий. Особенно прелестны шекспировские девушки, преданные в любви, стойкие в жизненной борьбе, тонкие в чувствах и остроумные в беседах. Рядом с этими героями романтического плана Шекспир выводит целую галерею комедийных персонажей — это его чудаки-простолюдины; педанты и констебли, смешные и не сознающие своего комизма, тогда как шуты — потешники и остро словы по профессии.

Радостное весеннее ощущение жизни нигде не проявилось у Шекспира так полнокровно, как в его комедиях.

Но есть и другой Шекспир, тот, кто серьезно задумывался над противоречиями жизни, тот, кого до глубины души потрясло зло, которое он видел в жизни. Трагические мотивы встречались и в исторических пьесах молодого Шекспира, они ярко проявились в первой совершенной трагедии “Ромео и Джульетта”, написанной им приблизительно на тридцать первом году жизни. Трагическое стало основным содержанием творчества Шекспира, когда он приблизился к сорока годам. В тридцать семь лет он создает “Гамлета”, в сорок — “Отелло”, в сорок один — “Короля Лира”, затем “Макбета”, “Антония и Клеопатру”, “Кориолана” и в сорок четыре — последнюю из своих трагедий — “Тимона Афинского”.

Возраст, несомненно, имел значение. Художественным мастерством молодой Шекспир владел уже, когда он создал свою прекрасную лирическую трагедию “Ромео и Джульетта”. Но годы принесли большой жизненный опыт и большую зрелость мысли. И это сразу чувствуется при сравнении ранней трагедии с поздними. Ощущается и разница в общем умонастроении поэта. Вся трагедия юных веронцев звучит, как гимн любви, и завершается моральной победой Ромео и Джульетты над миром зла, над родовой враждой семейств Монтекки и Капулетти. В трагедиях более позднего времени герои уже не столь прекрасны, а главное, их гибель не искореняет зла в мире. Тон этих трагедий более мрачен. Трагизм жизни в них представлен с такой глубиной, какая редко встречалась и до и после Шекспира. И если эти произведения полны горестных замет о жизни, то это было отнюдь

не следствием каких-нибудь личных неудач или несчастий в жизни автора. Наоборот, годы, когда Шекспир создал свои трагедии, были в его жизни временем наибольшего успеха и благополучия во всех отношениях.

Что же побудило Шекспира обратиться к этому жанру? Может быть, чисто художественный интерес, стремление доказать, что, достигнув совершенства в комедии и исторической драме, он в не меньшей мере обладал умением писать трагедии?

Даже если допустить, что задачи чисто художественные возбуждали творческий дух Шекспира, все же, знакомясь с его трагедиями, нельзя не почувствовать, что дело было не только в стремлении автора освоить еще один вид драмы.

Шекспир был художником-мыслителем. Он много думал о жизни и о человеке. Мыслями об этом наполнены все его пьесы, начиная с самых ранних. Зло жизни он видел всегда. Оно непосредственно изображено в его исторических драмах о судьбе английских королей и в трагедии “Юлий Цезарь”. Даже в комедиях Шекспира более или менее ясно показано, что дружбе и любви мешают зависть, ревность, злоба, жестокость и ханжество. Но на протяжении первых десяти лет своего творческого пути Шекспир выражал веру в возможность победы лучших начал жизни над дурными.

В большинстве трагедий, написанных Шекспиром в зрелые годы, зло торжествует. Внешне оно, правда, терпит поражение в такой трагедии, как “Макбет”. Здесь злодей и

захватчик трона в конце оказывается побежденным. Но существо трагедии вовсе не в том, что идет борьба между кровавым королем Макбетом и его противниками, а в том, что некогда прекрасный и благородный человек, подлинный герой по своим личным качествам, подпал под влияние дурной страсти и властолюбие толкнуло его на множество кровавых преступлений.

В трагедиях Шекспира всегда сильны и значительны социальные мотивы: неравенство сословий, общественная несправедливость, деспотизм власти, — эти вопросы настолько ясно освещены в трагедиях Шекспира, что нет необходимости останавливаться на них подробно.

Проблема, волновавшая Шекспира, состояла вот в чем. Вместе с другими гуманистами он видел в человеке “венец природы”, богоподобное существо. Чем больше Шекспир познавал жизнь, тем очевиднее становилось ему, что человек далек от совершенства. Для него мерилom служили не мелкие и не рядовые люди. Ничтожества всегда встречались среди людей. Взор Шекспира обращался на людей по-настоящему значительных — умных, энергичных, волевых, выделяющихся различными способностями и доблестями. И вот среди этих поистине больших людей, к тому же вознесенных на самые вершины власти и могущества, он обнаруживал несовершенства даже более значительные и подчас страшные, чем у людей рядовых.

Откуда берется зло в человеке, как проникает оно в души людей, что побуждает их коверкать свою жизнь и

жизнь других, сеять смерть и разрушение вокруг себя и, в конце концов, погибать, не достигнув настоящего счастья?

Из пьес Шекспира при желании можно вывести моральные поучения. Однако ж они всегда будут плоскими. Можно осудить нерешительность Гамлета, ревность Отелло, самодурство Лира, властолюбие Макбета, гордость Кориолана, чувственность Антония, расточительство Тимона, — но разве одна черта, хотя и роковая для данного героя, исчерпывает содержание его личности? Вот тут-то и вступает в свои права шекспировское понимание человека, широта его взгляда, способность видеть личность во всем ее многообразии.

Каждый из его героев обладает богатой натурой. Гамлет — поистине царственная личность, воин, ученый, поэт, человек огромной силы мысли и тончайшей душевной чувствительности. Отелло — полководец, прекраснодушевный, доверчивый, человек с сильными и чистыми чувствами, беспощадный к чужой измене и еще более суровый по отношению к собственной ошибке. Лир — монарх, пользующийся любовью и преданностью самых лучших и морально взыскательных людей, вначале предстает как деспот-самодур; но он и человек большой души, однако его лучшие духовные качества заглохли из-за той большой власти, какою он обладал; они обнаруживаются лишь тогда, когда он сам становится жертвой несправедливости. Макбет — талантливый военачальник, волевой и несгибаемый человек, бесстрашный в бою, жестокий и одновременно душевно тонкий во всем, что

касается его самого. Владыка полумира римский полководец Антоний — умный политик, закаленный в битвах воин, но не очерстневший душевно; в нем есть своего рода артистизм, он стремится жить красиво, способен любить страстно и безрассудно.

Существо трагедии для самых шекспировских героев отнюдь не в том, что они погибают. Смерти они не боятся. Только Гамлета недолгое время терзала тайна ее, но и он преодолел страх. К смерти они относятся с героическим спокойствием. Ромео, Джульетта, Отелло, Антоний, Клеопатра сами убивают себя. Другие бестрепетно идут навстречу смерти, и Макбет втайне жаждет скорейшего конца своим душевным мукам, хотя и не сдается до последнего мига, ибо для него это вопрос чести. И хотя гибель значительного человека трагична, все же трагедия имеет своим содержанием не смерть, а моральную, нравственную гибель человека, то, что привело его на роковой путь, заканчивающийся гибелью.

В этом смысле истинная трагедия Гамлета состоит в том, что он, человек прекраснейших душевных качеств, надломился, когда увидел ужасные стороны жизни — коварство, измену, убийство близких. Он утратил веру в людей, в любовь, жизнь утратила для него свою ценность. Притворяясь безумным, он и в самом деле на грани сумасшествия от сознания того, насколько чудовищны люди, — предатели, кровосмесители, клятвопреступники, убийцы, льстецы и лицемеры. Он обретает мужество для борьбы, но на жизнь он может смотреть только со скорбью.

Что послужило причиной душевной трагедии Гамлета? Его честность, ум, чувствительность, вера в идеалы. Будь он подобен Клавдию, Полонию, Лаэрту, Розенкранцу и Гильденстерну, он мог бы жить, как они, обманывая, притворяясь, приспособляясь к миру зла. Но мириться он не мог, а как бороться и, главное, как победить, уничтожить это зло, — он не знал.

Причина трагедия Гамлета, таким образом, коренится в благородстве его натуры. В общем, то же самое можно сказать и об Отелло, хотя случай здесь совсем другой: он сам совершает ужасное убийство — душил верную и любящую Дездемону, которая ради него бросила отца и презрела различия возраста и расы. Отелло становится жертвой собственного доверия, той быстроты и легкости, с какой вспыхивает в нем страсть. Коварный Яго, одержимый желанием творить зло, портит жизнь людям, особенно лучшим из них, умело растравляет ревность Отелло. Благородный мавр мучительно переживает мнимую измену Дездемоны. Наконец, как ему кажется, овладев собой, он творит над ней суд и казнит ее за то, что она, как он думает, осквернила их любовь и нарушила самую священную связь между людьми — доверие и верность. Пережив трагедию ревности, Отелло затем узнает, что, доверившись негодному человеку и мнимым доказательствам, он совершил двойное преступление: и перед своей любовью, и перед доверием и любовью Дездемоны, сохранившей ему верность до последнего дыханья.

Хотя Отелло казнит себя, но умирает он с сознанием, что любовь Дездемоны, осветившая его жизнь, не была иллюзией и, значит, в жизни его было нечто подлинно прекрасное. Трагедия его в том, что он сам это прекрасное уничтожил, поддавшись слепой страсти. Ошибка его ужасна, но заметим, что и он был движим лучшими побуждениями.

Гамлет и Отелло на наших глазах утрачивают на время свои достоинства, становясь жертвами жизненных обстоятельств и лишь под конец обретая себя вновь. Лира мы впервые видим уже тогда, когда его врожденное душевное благородство оказывается искаженным из-за чрезмерной власти, которой он обладает. Его уверенность в своей значительности доходит до того, что он отказывается от власти, ибо не сомневается в возможности сохранить почет и уважение, не имея короны и земель. Ему приходится убедиться в том, что он страшно заблуждался. Он познает истину: человек в обществе ценен не сам по себе, а по богатству, титулам, которыми он обладает. Неимущий не имеет никакой цены. Среди таких обездоленных оказывается он сам.

Обезумев от того, что рухнули все понятия его прежней жизни, Лир проникся новым для него чувством — смирением и любовью ко всем несчастным. Но поздно, он сам дал власть и могущество коварным и злобным себялюбцам. Погибает чистая и прекрасная Корделия, воплощение преданности, и Лир, во второй раз утратив любимую дочь, теряет силы жить дольше. Те, кто творил зло, тоже погибают. Гордость и себялюбие погубили все семейство Лира. Ужас жизни

в том, что ее поток не разбирает правых и виноватых. Зло, которое люди вносят в мир, оказывается сильнее их, и ничем они не могут искупить вины перед собой и другими.

Макбет — злодей, но не такой, как Яго (в “Отелло”) или Эдмунд (в “Короле Лире”). Те не признают добра. Делать зло для них естественно, и у них нет ни совести, ни чести. Макбет понимает различие между добром и злом. Он сознает, что, убивая Дункана, нарушает нравственные законы, в значение которых верит. Более того, еще не совершив преступления, он заранее знает, какие душевные муки ожидают его. И все же он решается. Демон властолюбия оказывается сильнее совести и страха нравственной расплаты. Совершив подлое убийство, Макбет навсегда лишается покоя. Он перестает верить другим, его душой овладевают подозрения. Всюду видя возможных врагов, он беспощадно разит всех. Он добился власти, но лишил себя возможности насладиться ею. Вооружив против себя народ и дворянство, он сражается до конца. Понимая уже весь ужас и бессмыслицу того, что он сделал, превратив свою жизнь в кровавый кошмар, Макбет не сдается и тогда, когда всё и все оказываются против него, ибо в нем до конца живет душа героя, хотя и запятнанная его преступлениями.

Жизнь сурово мстит Антонию и Клеопатре за их двоедушие. Соединяла их любовь, а разобщали политические интересы. Антонию надо было бы заняться борьбой против своего соперника, тоже стремившегося к господству над миром, а он нежился в объятиях Клеопатры. А она, по-женски

любя Антония, как царица маленькой страны, стремясь сохранить ее, хитрила и маневрировала, то заманивая Антония, то предавая его, из расчета на возможность победы Октавиана. Они ничему не отдавались до конца, поэтому не достигли ни полного счастья в любви, ни удачи в политике. Но когда все их практические интересы перестали иметь значение и они сводили последние счета с жизнью, оба поняли, что самым большим их счастьем была любовь. Прекрасное и героическое спело в их предсмертный час свою лебединную песнь. На смену рыцарственному Антонию шел пошлый и расчетливый Октавиан.

Трагедии Шекспира изображают не только гибель и падение личности. Их герои необыкновенные люди, наделенные титаническими душевными силами. Они заблуждаются, падают, совершают роковые ошибки, и все же, если они не всегда возбуждают сочувствие, то безусловно, вызывают интерес. В них есть такие человеческие качества и силы, которые не могут не привлечь к ним хотя бы отчасти. И хотя трагедии раскрывают нам несовершенства людей, их ошибки и преступления, общее впечатление, оставляемое ими, не является мрачным. Это объясняется тем, что даже в самом падении своем они сохраняют достоинство. Шекспир стремится побудить не столько к нравственному суждению о своих героях, сколько приблизить нас к пониманию природы человека, независимо от того, придерживается ли зритель религиозной морали или является свободомыслящим и не скован никакой системой догматической морали. И тогда об-

наруживается подспудная вера в человека, которая лежит в основе даже тех произведений Шекспира, в которых люди проявляют себя не с лучшей стороны. Сознание не только мощи, но и красоты человека пронизывают все творчество Шекспира.

В этом Шекспир — человек и мыслитель — черпал надежду, что зло можно преодолеть. Мыслями об этом наполнены последние пьесы Шекспира, где реализм уступает место сказочности, утопическому решению жизненных противоречий, с которыми сталкиваются герои. “Цимбелин”, “Зимняя сказка” и особенно “Буря” выражают веру Шекспира в конечное торжество лучших начал жизни.

В Шекспире сочетались два великих дара: способность необыкновенно живо воспроизводить драматизм жизни и умение облечь свое видение жизни в неповторимую прекрасную поэтическую форму. Без действительности нет драм Шекспира, но их нет и без его поэзии.

В пьесах это сочетание драматического и поэтического органично. Но Шекспир пробовал свои силы и в лирике. Он оставил замечательный цикл “Сонетов”, в которых особенности его поэтического мастерства вырисовываются особенно наглядно.

“Сонеты” представляют двоякий интерес. В этих стихотворениях намеками отражена история дружбы и любви поэта. Неизвестны имена ни юноши, который вызывал такое восхищение поэта, ни той смуглой красавицы, которая истерзала его душу своей изменой. По-видимому, во всей этой

истории есть значительная доля личного, пережитого самим Шекспиром.

Но известно, что между биографиями поэтов и их стихами прямого соответствия нет. Обобщая свой жизненный опыт, поэт в своих творениях что-то усиливает, что-то ослабляет, и в качестве биографических документов поэтические творения весьма неточны.

Сила лирики не в ее автобиографичности, по большей части сомнительной и относительной, а в поэтическом выражении душевных возможностей человека, далеко не всегда практически осуществляемых поэтом в его реальной жизни. Эти душевные способности Шекспира в “Сонетах” выражены с огромной поэтической силой.

Лирика Шекспира не была просто непосредственным излиянием чувств поэта. “Сонеты” — образцы искусства, культивировавшегося в европейской литературе в течение нескольких веков, начиная с провансальских трубадуров XII века. Сонет имеет жесткую форму: в нем всегда четырнадцать строк с определенной системой рифм, которая, впрочем, иногда варьировалась. Шекспир придерживался такого чередования рифмованных строк: abab cdcd efef gg. Тематика и техника сонета были разработаны многими поколениями поэтов — итальянцами Данте и Петраркой, французом Ронсаром, англичанином Уайетом, Сарри, Синди и Спенсером.

Создавая свои “Сонеты”, Шекспир вступал в соперничество с великими мастерами лирики. Он стремился не столько сравняться с ними, сколько отличиться от них новиз-

ной и оригинальностью ситуаций и образов. Шекспир усилил драматизм сонетной поэзии и больше своих предшественников приблизил лирику к реальным чувствам людей.

Написанные на протяжении ряда лет, по-видимому, между двадцатью восемью и тридцатью четырьмя годами, “Сонеты” неоднородны. Многие из них, особенно начальные, посвященные другу, несут печать явной идеализации, тогда как более поздние поражают той же силой психологической правды, какая свойственна лучшим драмам Шекспира.

Но при всех внутренних различиях между отдельными группами сонетов, объединяет их общность поэтического принципа. “Сонеты” Шекспира от начала до конца метафоричны. Они наполнены сравнениями, уподоблениями, и никакое явление жизни не представлено в них в плоском отражении. Красочность образов Шекспира поразительна. Он следует в ранних сонетах условным поэтическим образам других сонетистов, но, обретя полное владение формой этих маленьких лирических стихотворений, смело вводит в них образы и сравнения, почерпнутые из всех сфер жизни, включая и прозаическую повседневность.

Мастерское владение поэтическим словом, сила образности проявились и в драматургии Шекспира. Чувства и мысли героев выражены их речами, которые подобны маленьким поэмам. Молодой Шекспир увлекался поэтизацией речи героев иногда даже в ущерб действию пьесы. Зрелость его гения проявилась в том органическом сочетании драматизма и поэтичности, которая характерна для комических и

трагических шедевров Шекспира. Особенно наглядна эволюция поэтической речи Шекспира при сопоставлении таких произведений, как “Ромео и Джульетта” и “Антоний и Клеопатра”. В ранней трагедии чуть ли не каждый монолог юных героев подобен небольшому лирическому стихотворению. В поздней трагедии лиризм скрыт, растворен в действии, поступках, скупее выражен в словах, но драматическая сила страсти героев выражена здесь с огромной мощью.

Шекспир всегда любил расцвечивать мысли своих героев поэтическими образами. Монологи Гамлета, Отелло, Лира, Макбета производят такое впечатление потому, что драматизм ситуации получает равноценное выражение в речах огромной поэтической выразительности.

Поэтическим словом Шекспир не только восполнял бедность убранства своей сцены. Она, кстати сказать, была менее бедна, чем кажется нам, привыкшим к декорациям. Театр того времени обладал своими приемами для создания необходимой иллюзии реальности. Поэзия служила Шекспиру вернейшим средством преодолеть в зрителе поверхностное любопытство к тому, что произойдет в пьесе, и, проникнув в его душу, возбудить ту силу воображения, которая помогает человеку увидеть мир лучше, чем тогда, когда он смотрит на него только с трезво практическими целями.

Это свойство Шекспира сохраняется поныне. Читаем ли мы его пьесы, смотрим ли их на сцене, наше восприятие их не ограничивается знакомством с событиями и героями. В нас возникает необъяснимое ощущение всей полноты жизни,

мы как бы поднимаемся на высоту, с которой видится то, что в повседневности от нас скрыто.

Наше воображение возбуждается не столько внешним действием, сколько поэзией Шекспира, связанной с этим внешним действием. Отсюда очевидно то значение, какое имеет перевод для тех, кто не может знакомиться с произведениями Шекспира в подлиннике.

Именно потому, что Шекспир был великим поэтом, очень важно, чтобы для читателя это утверждение не осталось отвлеченным понятием. Но поэзия не стоит на месте. За века, прошедшие со времени Шекспира, многое в ней изменилось. К тому же у каждого народа поэзия имеет свои неповторимые особенности. Все это очень усложняет задачу перевода и превращает ее в труднорешимую проблему.

Русские читатели, к счастью, находятся в выгодном положении. У нас имеется более чем полуторавековая традиция перевода произведений английского драматурга. Здесь не место излагать ее историю и оценивать отдельные переводы. Следует только сказать, что и в XIX и в XX вв. были созданы прекрасные переводы произведений Шекспира, соответствовавшие духу русской поэзии. Однако не будем забывать и другое: история поэзии показывает, что никогда ни один поэт не мог создать перевода большого произведения, который полностью, вплоть до мельчайших деталей, воспроизводил бы подлинник. Всякий перевод по-своему ограничен, даже при максимальной добросовестности переводчика. Более того, эта ограниченность состоит не в отсутствии точ-

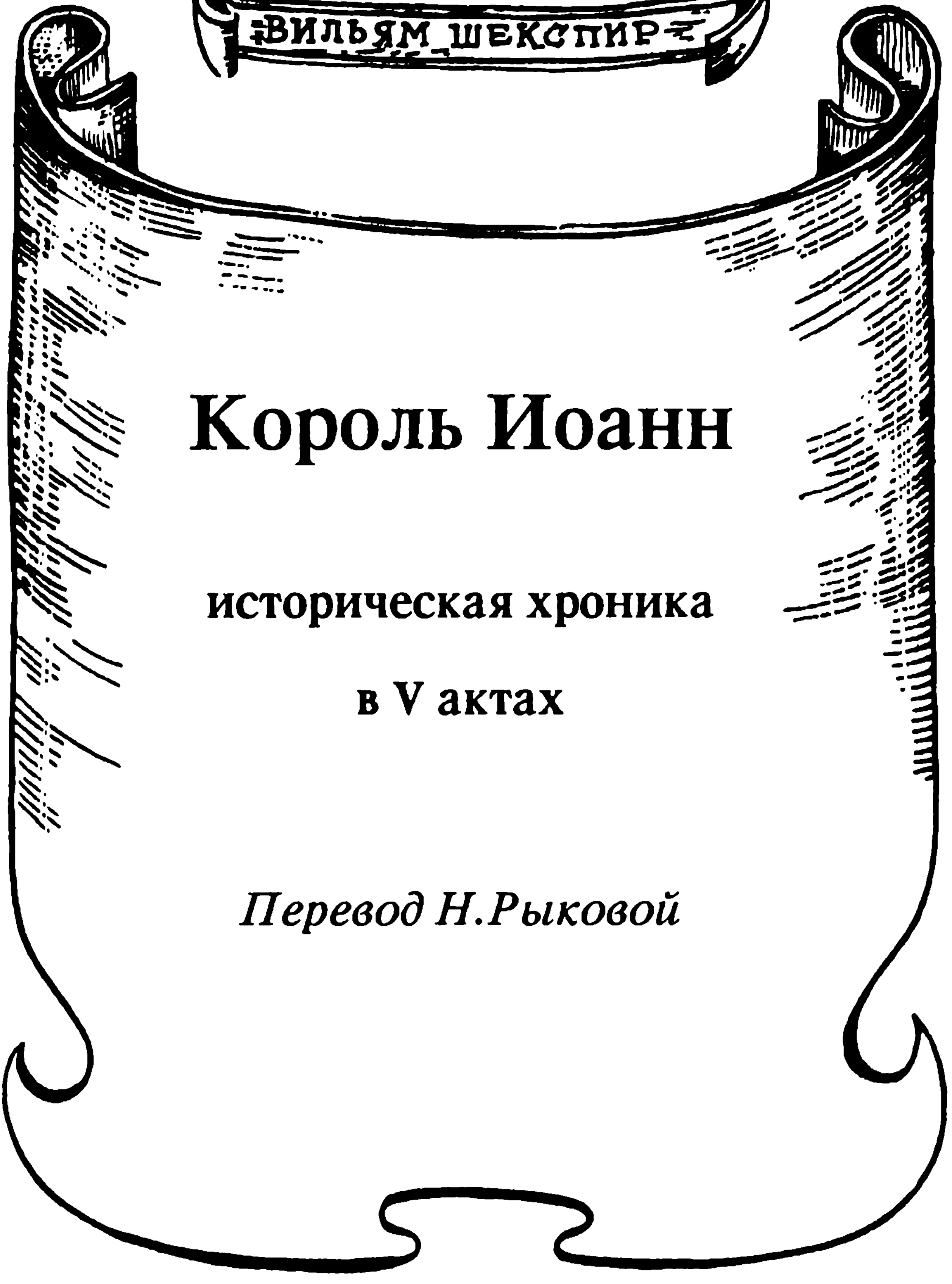
ности в мелочах, а в том, что каждая эпоха по-своему воспринимает поэзию прошлых веков.

И все же Шекспир всегда остается Шекспиром. Мы по-прежнему не перестаем поражаться его глубине и богатству. Как и столетия назад, встреча с гением обещает радость и тем, кто впервые открывает для себя Шекспира, и тем, кто давно знает и любит его. И это не удивительно. Ибо его произведения богаты и неисчерпаемы как сама жизнь.

А. Аникст.

Вильям Шекспир

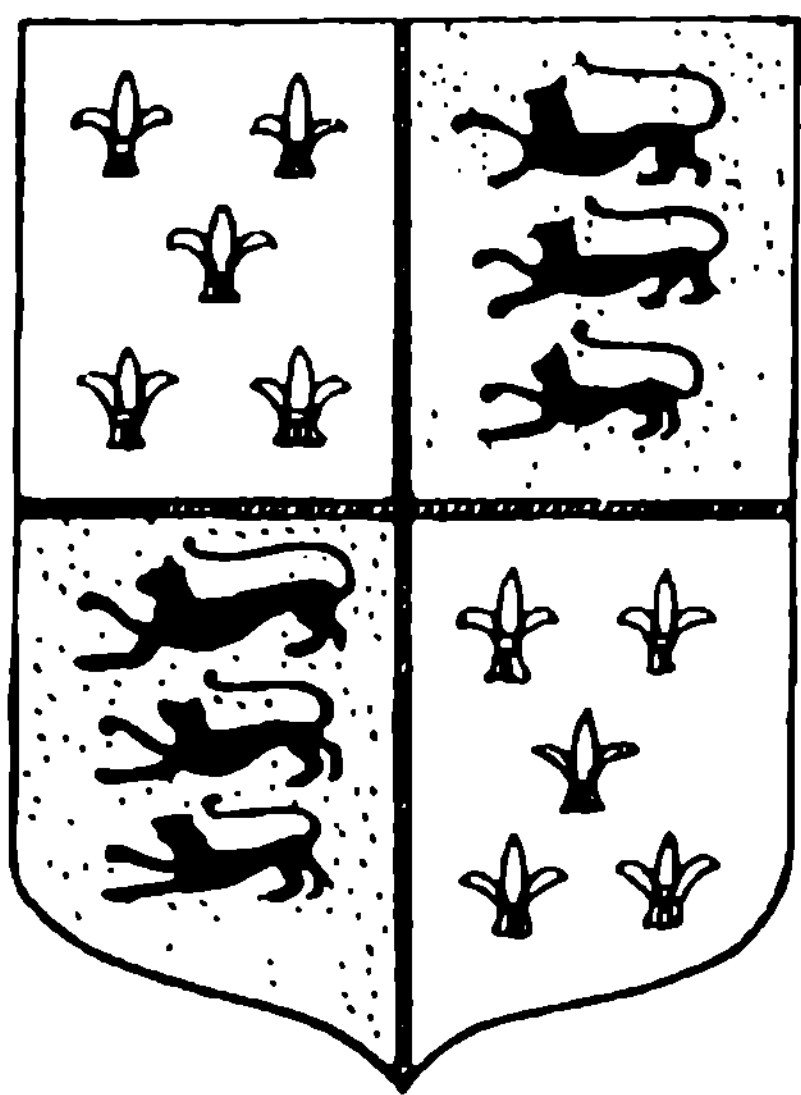

Король Иоанн

историческая хроника

в V актах

Перевод Н. Рыковой

Действующие лица

К о р о л ь И о а н н.

П р и н ц Г е н р и х, сын короля.

А р т у р, герцог Бретонский, племянник короля.

Г р а ф П е м б р у к.

Г р а ф Э с с е к с.

Г р а ф С о л с б е р и.

Р о б е р т Б и г о т, граф Н о р ф о л к.

Х ь ю б е р т д е Б у р г.

Р о б е р т Ф о к о н б р и д ж, сын сэра Роберта
Фоконбриджа.

Ф и л и п п Ф о к о н б р и д ж (Б а с т а р д), его брат.

Д ж е м с Г е р н и, слуга леди Фоконбридж.

П и т е р и з П о м ф р е т а, мнимый пророк.

Ф и л и п п, король французский.

Л ю д о в и к, дофин.

Л и м о ж, эрцгерцог Австрийский.

К а р д и н а л П а н д о л ь ф, папский легат.

М е л ё н, французский вельможа.

Ш а т и л ь о н, французский посол к королю Иоанну.

К о р о л е в а Э л е о н о р а, мать короля Иоанна.

К о н с т а н ц и я, мать Артура.

Б л а н к а И с п а н с к а я, племянница
короля Иоанна.

Л е д и Ф о к о н б р и д ж.

Лорды, леди, горожане Анжера, шериф, герольды,
офицеры, солдаты, вестники, слуги.

*Место действия — частью Англия,
частью Франция.*

АКТ I

Сцена 1

Нортемптон. Тронный зал во дворце.

Входят король Иоанн, королева Элеонора, Пембрук.
Эссекс, Солсбери и другие, а также Шатильон.

К о р о л ь И о а н н

Так что же, Шатильон, сказать нам хочет
Французский брат наш?

Ш а т и л ь о н

Вот что мне велел
Король французский передать с приветом
Назвавшемуся королем английским.

Э л е о н о р а

Назвавшемуся? Странное начало!

К о р о л ь И о а н н

Пусть, матушка, договорит посол.

Ш а т и л ь о н

Король Филипп, вступаясь за права
Артура, отпрыска Плантагенетов,

Король Иоанн (по его печати)

И сына брата твоего Готфрида,
Желает, чтобы ты ему вернул
Прекрасный этот остров и другие
Владения: Ирландию, Анжу,
Турень, и Пуатье, и Мен; чтоб ты,
Свой меч захватнический опустив,
Его племяннику вручил, как должно,
Законному монарху твоему.

К о р о л ь И о а н н

А если мы на это скажем: “Нет”?

Ш а т и л ь о н

Тогда — война. Ее жестокой силой
Неправое насилие сокрушится.

К о р о л ь И о а н н

Вот наше слово: на войну — войной,
И кровь за кровь, и сила против силы.

Ш а т и л ь о н

Прими же вызов короля. На том
Кончается мое к тебе посольство.

К о р о л ь И о а н н

Мой вызов передашь ему. Ступай:
Ты для него, как молния, сверкнешь,
Затем, что он, едва ты молвишь слово,
Меня услышит — гром английских пушек.
Тебе же — стать предвестьем роковым
И трубным гласом гнева моего,
Несущего французам гибель. — Пембрук,
С почетом проводить посла. — Прощай.

Ш а т и л ь о н и П е м б р у к у х о д я т .

Э л е о н о р а

Что, сын мой? Не была ли я права?
Констанция покоя не узнает,
Покуда не побудит встать за сына
И Францию и всех на белом свете.
И это мы могли предотвратить,
Всего добившись миром и согласием.
Теперь же — два великих королевства,
Судьбу решая, кровью истекут.

К о р о л ь И о а н н

За нас — и наша власть и право наше!

Э л е о н о р а

Доверься лучше нашей твердой власти,
Не то придется плохо нам с тобой.
Мой шепот, совести тревожный вздох,
Пусть кроме нас услышит только бог.

Входит ш е р и ф и шепчется с Эссексом.

Э с с е к с

К вам, государь, явились двое. Просят,
Чтоб вы решили спор их — самый странный
Из всех, какие знал я. Что сказать им?

К о р о л ь И о а н н

Впустите их.

Ш е р и ф уходит

Аббатства и монастыри дадут
Нам средства для войны.

Входят Р о б е р т Ф о к о н б р и д ж и Ф и л и п п ,
его побочный брат.

Вы что за люди?

Б а с т а р д

Ваш верноподданный и дворянин
Нортемтонширский; полагаю также —
И старший сын Роберта Фоконбриджа,
Который в рыцари на поле битвы
Был Львиным Сердцем славно посвящен.

К о р о л ь И о а н н

А ты кто?

Р о б е р т

Я того же Фоконбриджа
Сын и наследник.

К о р о л ь И о а н н

Он старший, а отца наследник — ты?
Наверно, вы от разных матерей?

Б а с т а р д

Нет, мать у нас одна, король могучий,
Все это знают. Думаю, что также
Один отец. Известно про отца
Наверняка лишь матери да богу;
А дети разве могут точно знать?

Э л е о н о р а

Бесстыдник грубый! Мать свою позоришь!
На честь ее, шутя, бросаешь тень.

Б а с т а р д

Я, государыня? Никак не я.
Все это брат мой хочет доказать,
И если замысел его удастся,
Пятьсот — не меньше — добрых фунтов в год
Утянет у меня. Бог сохрани
Мне землю, матери же нашей — честь.

К о р о л ь И о а н н

Вот прямодушный малый! Почему же
Твой младший брат потребовал наследство?

Б а с т а р д

Не знаю. Землю хочет получить
И вот клеветает: я-де незаконный!
Но так же ли законно я рожден,
Как брат, — об этом матери известно.
Зато удался ей! не хуже брата
(Хвала тому, кто с нею потрудился!).
Сравните нас обоих, государь,
И посудите сами: если мы
От сэра Роберта, и брат мой вышел
В отца — то как обласкан я судьбой,
Отец мой добрый, что не схож с тобой!

К о р о л ь И о а н н

Ну сумасброд! Пошлет же бог такого!

Э л е о н о р а

Я в голосе его, в чертах лица
Улавливаю сходство с Львиным Сердцем.
По-твоему, своим сложеньем мощным
Он не похож на сына моего?

К о р о л ь И о а н н

С него я глаз все время не спускал:
Он — Ричард вылитый. Ну, а теперь
Доказывай свои права ты, младший?

Б а с т а р д

Он на отца похож, и у него
Лишь пол-лица, как на монете медной;
А землю хочет целиком забрать:
На медный грош — полтысячи дохода!

Р о б е р т

Король мой милостивый! С братом вашим
Был верной службой связан мой отец.

Б а с т а р д

Ну, землю этим ты не оттягаешь:
Доказывай, что мать связалась с ним!

Р о б е р т

Случилось, что король послал отца
С германским императором о важных
В те дни делах вести переговоры;
А сам он времени терять не стал
И в замке нашем тотчас поселился.

Мне совестно рассказывать подробно,
Но правда все же — правда. Мой отец
Сам говорил: его и нашу мать
В те дни моря и земли разделяли,
Когда зачат был этот бойкий малый.
На смертном ложе завещал мне он
Все наши земли, будучи уверен,
Что старший отпрыск матери моей
Не сын ему — уж разве что родился
До срока за четырнадцать недель.
Вот и хочу я, добрый государь,
Все получить, согласно отчей воле.

К о р о л ь И о а н н

Но брата твоего в законном браке
Жена отца произвела на свет.
А вышел грех — ну что ж, ее вина:
С любым женатым может быть такое.
Но ты скажи мне: как бы мог мой брат,
Приживший сына по твоим словам,
Его потребовать у Фоконбриджа?
Тот был бы вправе удержать теленка
От собственной коровы, в полном праве!
Мой брат, хоть сына и прижил, не мог
Его признать, а твой отец отвергнуть
Его не мог. И вот мое решение:
От сына матери моей рожден

Наследник твоему отцу: он должен
Отцовское наследье получить.

Р о б е р т

Неужто воля моего отца
Не может прав лишить чужое семя?

Б а с т а р д

Не больше может, сэр, чем помешать
Могла в то время моему рождению.

Э л е о н о р а

Скажи, кем хочешь быть? Как Фоконбридж
Владеть землей и жить, подобно брату?
Иль признанным потомком короля,
Хоть без земли, своей гордиться честью?

Б а с т а р д

Когда бы, государыня, мой брат
Стал обликом, как я, а я, как он,
Верней — как батюшка его, сэр Роберт,
И ноги были бы мои, как жерди,
А руки, словно чучела угрей,
А рожа так худа, что я б не смог
На людях за ухо заткнуть цветок,
Не услыхав: “Ни дать, ни взять — монета!”

И если бы при этом вся земля
Досталась мне, — я, не сойти мне с места,
Клочок последний отдал бы за то,
Чтобы себе вернуть свое лицо!

Э л е о н о р а

Ты молодец! Ну как, отдашь именье?
Пойдешь искать удачи? Мы готовим
Поход на Францию — пойдешь за мной?

Б а с т а р д

Вперед за счастьем! Брат, владей землей.
Полтысячи твоей достались роже,
А ей цена — пять пенсов, не дороже. —
За вами до могилы, госпожа!

Э л е о н о р а

Нет лучше ты меня опереди.

Б а с т а р д

У нас, у деревенских, пропускают
Вперед знатнейших.

К о р о л ь И о а н н

Как тебя зовут?

Б а с т а р д

Филипп я, мой король и господин,
Супруги Фоконбриджа старший сын.

К о р о л ь И о а н н

Прими же имя гордое того,
Чей облик принял. Преклони колени,
Филипп, и встань. Имен славнее нет:
Сэр Ричард, признанный Плантагенет!

Б а с т а р д

Подай же руку мне, товарищ детства!
Я — честь, ты землю получил в наследство.
На благо нам обоим, сводный брат,
Без сэра Роберта я был зачат.

Э л е о н о р а

Вот остроумие Плантагенета!
Тебе я бабка, Ричард, помни это.

Б а с т а р д

Родство случайное, но все равно!
Пришло мне счастье левой стороной.
Нельзя в ворота — смело лезь в окно;
Не можешь днем — иди сквозь мрак ночной;

Как ты ни взял — а приз отныне твой;
Как ни стрелял — задета цель твоя.
Кем ни рожден, а я уж верно Я!

Королева Элеонора (по ее печати)

К о р о л ь И о а н н

Ступай же Фоконбридж. Владей землею
По воле Безземельного. За мною,
Сэр Ричард! Матушка, пора уж нам
К французским устремиться берегам.

Б а с т а р д

Ты, брат, на божий свет родился честно:
Тебе-то счастья пожелать — уместно.

Уходят все, кроме Б а с т а р д а.

На добрый фут теперь я выше стал,
Земли же — сотни футов потерял.
Но в леди превращу любую Джен.
“Сэр Ричард, добрый день!” — “Здорово, парень!”
Он — Джордж, я Питером его зову. —
Ведь те, кто только что из грязи в князи,
Чужих имен не помнят: им же надо,
Чтоб видели их важность. Вот ко мне
Приходит со своею зубочисткой
Приезжий иностранец на обед.
Набив едой свой рыцарский желудок
И чистя зубы, завожу беседу
С заморским щеголем: “Мой добрый сэр, —
Я говорю, на стол облокотясь, —
Позвольте мне спросить”... И тут же, словно
По катехизису, ответ: “О сэр!

Приказывайте, я к услугам вашим;
Располагайте мной!” А я: “О нет,
Дражайший сэр, я ваш слуга”. И вот,
Еще и не добравшись до вопросов,
В любезностях рассыплемся мы оба.
А там пойдет рассказ про Апеннины,
Про Пиренеи, Альпы, реку По, —
И так до ужина и се и то.
Обычай круга знатного усвоить
Я должен: ведь в него теперь вхожу,
А век твой оттолкнет тебя с презрением,
Когда не сможешь в ногу с ним идти
(Боюсь, что мне, пожалуй не суместь...), —
Затем что надо перенять не только
Повадку, лоск и внешнее обличье,
Но на потребу века источать
Сладчайший яд из сердца, из души.
Не для обмана это изучу я, —
Чтоб самого меня не обманули,
Чтоб восхождение облегчить себе.
Но что это за всадница? Гонец
В одежде женской? Нет при ней супруга
С хорошим рогом, чтоб в него трубить?

Входят леди Фоконбридж и Джемс Герни.

Да это матушка! — Привет вам, леди!
Что прибыли так спешно ко двору?

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

Где братец твой, где этот негодяй,
Который честь мою везде позорит?

Б а с т а р д

Мой братец Роберт? Это он вам нужен?
Могучий витязь, Кольбранд-великан
И сэра Роберта законный сын?

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

А ты, мальчишка, почему так дерзко
О сэре Роберте заговорил?
Ему вы оба — сыновья родные.

Б а с т а р д

Джемс Герни, ты бы вышел ненадолго.

Г е р н и

Извольте, добрый господин Филипп.

Б а с т а р д

Какой Филипп? Здесь, милый Джемс, такие
Пошли дела! Потом я расскажу.

Г е р н и уходит.

Мать, я ведь не был сыном Фоконбриджа.
Он, не нарушив святости поста,
В Страстную пятницу мог съесть все мясо,
Которым я ему обязан. Право!
Ну мог ли он такого породить?
Мы знаем, как и что он мог. Так вот —
Кого же, матушка, благодарить мне
За силу рук и богатырский рост?

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

Ты что, стакнулся с братом? Честь мою
Себя же ради защищать ты должен.
Разбойник дерзкий, что все это значит?

Б а с т а р д

Я рыцарь, мать. Совсем, как Базилиско.
Да нет, почище: я ведь посвящен!
Сэр Роберт не отец мне. Я отверг
И вотчину и имя Фоконбриджа,
Признал свое рождение незаконным.
О матушка, молю тебя скажи,
Кто был отец мой? Человек достойный?

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

Отрекся ты от рода Фоконбриджей?

Б а с т а р д

Отрекся, как от черта самого.

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

Твоим отцом был Ричард, наш король.
Так долго он ухаживал за мною,
Так пламенно, что я его пустила
К себе на ложе мужнее. Пусть бог
Меня за грех не покарает строго!
А грех мой — ты. Я, слабая, сдалась —
Так властен был тот незабвенный час.

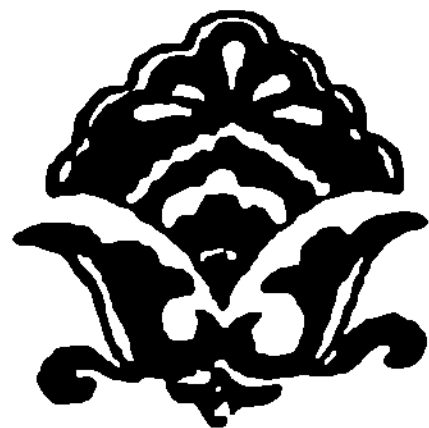
Б а с т а р д

Клянусь, когда б рождаться мне вторично,
Я лучшего отца не пожелал бы!
Не злая воля, матушка, тебя
Ввела во грех, и он тебе простится.
Ты сердце, как добычу, отдала
Всепобеждающей любви того,
Кто яростной, неодолимой силой
И льва смирил, кто из груди у льва
Бесстрашно вырвал царственное сердце.
Ему не больших стоило трудов
Осилить сердце женское. О мать,
Как за отца тебе я благодарен!
Любого, кто осудит мать мою,

Мечом я прямо в пекло загоню.
Хочу, чтоб ты родню мою узнала.
Пойдем — и ясным сделаем для всех,
И все поймут, что если б отказала
Ты Ричарду — вот это был бы грех.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Франция. Под стенами Анжера.

Входят с одной стороны эрцгерцог Австрийский
во главе своего войска, с другой — Филипп, король
французский, во главе своего; Людовик, Констанция,
Артур и свита.

Л ю д о в и к

Приветствуем вас, доблестный эрцгерцог,
У стен Анжера. — Друг Артур, твой родич,
У льва исторгший сердце, славный Ричард,
Отважный паладин Святой земли,
Сражен был этой рыцарской рукой.
По нашему призыву и желая
Загладить грех перед его потомством,
Войска привел эрцгерцог — поддержать
Тебя в борьбе с твоим преступным дядей,
Присвоившим английскую корону.
Приветствуй же его и обними.

А р т у р

Смерть Ричарда прости вам бог за то,
Что вы несете жизнь его потомству,
Овеяв дело правое крылами
Своих знамен. Моя рука слаба,
Но в сердце — дружба верная. Эрцгерцог,
Привет у врат Анжера!

Л ю д о в и к

Славный мальчик!
Как за твои права не постоять?

Э р ц г е р ц о г

(целуя Артура)

Прими же поцелуй, печать горячей
Моей любви к тебе, залог того,
Что не вернусь домой, пока Анжер
И все твои французские владенья, —
А с ними вместе бледнолицый берег,
Что гордо отражает натиск волн,
Своих островитян от всех отрезав,
Пока страна за водною твердыней,
За крепким валом из морских валов,
Защитой мощной от любых вторжений,
Твой остров западный, твой дальний край, —

Тебя, прекрасный отрок, не признает
Своим владыкой. И до той поры
Меч занесенный я не опущу.

К о н с т а н ц и я

Примите благодарность от вдовы,
От матери его, покуда сам он,
В боях окрепнув дружбой вашей крепкой,
Щедрее вам за помощь не воздаст.

Э р ц г е р ц о г

Тот в мире с небом, кто посмел поднять
Бесстрашный меч войны святой и правой.

К о р о л ь Ф и л и п п

Друзья, за дело! Пушки мы нацелим
В упрямый лоб твердыни городской;
Искуснейшие наши полководцы
Должны измыслить способ нападения.
Мы кости царственные сложим здесь,
Мы улицы зальем французской кровью,
Но юный принц войдет с победой в город.

К о н с т а н ц и я

Чтоб безрассудно меч не обнажать,
Дождитесь Шатильона. Он, быть может,

Нам принесет желанный мир и то,
Чего хотим войною мы добиться.
Не пожалеть бы, завязавши бой,
О каждой капле крови пролитой!

Входит Ш а т и л ь о н.

К о р о л ь Ф и л и п п

Ну, чудеса! Ты только пожелала,
А наш посол и прибыл — тут как тут.
Какой ответ принес ты, Шатильон?
Мы без тебя не начинали дела.

Ш а т и л ь о н

Осаду жалкую вам надо снять:
Понадобится войско для иного.
Отвергнув справедливый ваш призыв,
Король английский вынул меч из ножен.
Пока я ветра ждал, уж он собратся
Успел в поход, и вот он с войском здесь
Под городом, со мной одновременно.
Его бойцы уверенно и быстро
К Анжеру осажденному идут.
С ним королева-мать, — как злая Ата,
Что подстрекает на раздор и кровь, —
Ее племянница, принцесса Бланка,
И Ричарда покойного бастард,

А также полчище сорви-голов,
Отчаянных и буйных добровольцев:
Хоть лица их мягки, сердца драконьи;
Имущество в доспехи превратив
И на себе неся свое наследье,
Они пришли сюда за новой долей.
Доставили английские суда
Таких неистовых головорезов,
Каких еще не приносили волны
Всем добрым христианам на беду.

За сценой — барабанный бой.

Вот барабаны их. Я все сказал.
Готовые и к торгу и к сраженьям,
Они пришли. Вы тоже приготовьтесь.

К о р о л ь Ф и л и п п

Так скоро мы не ждали нападения!

Э р ц г е р ц о г

Пускай. Чем неожиданней оно,
Тем яростней нам надо защищаться.
В нелегком деле мужество крепчает.
Мы встретим их, как должно; пусть идут!

Входят король Иоанн, Элеонора, Бланка, Бастард,
вельможи и войско.

К о р о л ь И о а н н

Мир Франции, когда не помешает
Нам Франция вступить в пределы наши. —
Не то — ей кровью истекать, а нам,
Бичу господня гнева, — покарать
За гордость тех, кто мир изгнать решится.

К о р о л ь Ф и л и п п

Мир Англии, когда ее полки
Домой вернутся, не нарушив мира.

Филипп, король французский

Мы любим Англию: ее же ради
Потеем здесь под тяжестью брони.
Тебе бы потрудиться вместо нас;
Но Англию так мало возлюбил ты,
Что, короля неправо отстранив,
Законную преемственность нарушил,
Ограбил отрока и осквернил
Насильем наглым девственность короны.
Взгляни на мальчика — и облик брата
Узнаешь ты: его глаза и лоб;
Здесь уменьшенным все воплощено,
Что умерло в Готфриде. Будет время —
Страница жизни превратится в книгу.
Готфрид тебе был старшим братом; мальчик —
Его наследник. Как же королем
Назвался ты, скажи во имя бога,
Когда живая кровь струится в жилах
Того, чье место ты посмел занять?

К о р о л ь И о а н н

А от кого ты право получил
Допрашивать меня, король французский?

К о р о л ь Ф и л и п п

От вышнего владыки, что внушает
Благие помыслы земным владыкам,

Обязанным неправду пресекать.
А отрок этот под мою защиту
Поставлен им, и мне поможет он
За зло твое расправиться с тобой.

К о р о л ь И о а н н

Захватчиком ты хочешь стать, я вижу!

К о р о л ь Ф и л и п п

Прости: захватчика хочу сразить.

Э л е о н о р а

А кто, король, по твоему, захватчик?

К о н с т а н ц и я

Отвечу я: бессовестный твой сын.

Э л е о н о р а

Прочь, наглая: чтоб королевой стать,
Ублюдка своего на трон сажаешь.

К о н с т а н ц и я

Всегда я верной сыну твоему
Была, как ты — законному супругу.
И с Готфридом мой мальчик больше сходен,

Чем ты с Иоанном, хоть по духу вы —
Как дождь с водой, как черт и мать его.
Артур — ублюдок? Да клянусь душой,
Отец его не так был честно зачат:
Ведь он тобой произведен на свет.

Э л е о н о р а

Вот, мальчик, мать твоя отца позорит!

К о н с т а н ц и я

Вот, сын мой, как тебя позорит бабка!

Э р ц г е р ц о г

Потише!

Б а с т а р д

Он глашатай!

Э р ц г е р ц о г

Что за шут?

Б а с т а р д

Да, шут, и он с тобой сыграет шутку:
С тебя сорвет он живо шкуру льва —
С твоей впридачу. Ты — тот самый заяц,

Что дергает за гриву мертвых львов.
Тебя я выкурю из львиной шкуры;
Ей-богу, выкурю тебя, ей-богу!

Б л а н к а

По праву носит одеянье льва
Лишь тот, кто сам сорвал его со льва.

Б а с т а р д

Ему ж оно пристало, как ослу
Пристала обувь славного Алкида.
Но груз я со спины осла сниму,
Не то — хребет переломлю ему.

Э р ц г е р ц о г

Что за трещотка уши нам терзает
Неугомонным шумом лишних слов?
Король, Людовик, вам — принять решение!

Л ю д о в и к

Пусть женщины и дурни помолчат!
Король Иоанн, от имени Артура
Мы требуем: ты Англию свою,
Ирландию, Анжу, Турень и Мен
Верни ему. Согласен это сделать?

К о р о л ь И о а н н

Нет, лучше смерть! — Король,
прими мой вызов. —
Артур Бретонский, перейди ко мне,
И от любви моей получишь больше,
Чем взял бы для тебя француз трусливый.
Доверься нам.

Э л е о н о р а

Доверься бабке, внук.

К о н с т а н ц и я

Да, детка, к бабушке иди на ручки:
Ты — королевство ей, она — тебе
Изюминку, и вишенку, и фигу:
Добрей ее не сынешь.

А р т у р

Мать, не надо!
О, лучше бы в могиле мне лежать!
Такой жестокой распри я не стою.

Э л е о н о р а

За мать стыдится он и плачет, бедный.

К о н с т а н ц и я

За мать иль нет, — пусть будет стыдно вам!
Не матерью он опозорен, — бабка
Обидела его, и льется жемчуг
Из бедных глаз. И небо, словно мзду,
Прозрачный драгоценный бисер примет,
Свершит свой суд — и покарает вас.

Э л е о н о р а

Ты и земли и неба клеветница!

К о н с т а н ц и я

А ты обидчица земли и неба!
Где клевета? Ты с сыном отняла
У этого ребенка власть, корону,
Права. Его отец — твой старший отпрыск.
Страдает мальчик по твоей вине;
Твои грехи на голове его,
За них же он отмечен божьим гневом —
Несчастное второе поколение
Из мерзостного чрева твоего.

К о р о л ь И о а н н

Молчи, безумная!

К о н с т а н ц и я

Одно добавлю:

Не просто он казнится за нее;
Она сама и все ее грехи —
Тот бич, которым бог его карает,
Хоть он ей только внук. И та обида,
Которая ему нанесена, —
Ее палач, невинному ребенку
Жестоко мстящий за ее же грех.
Проклятье ей! Всеми виной она.

Э л е о н о р а

Бранишься без толку! По завещанью
Артур, твой сын, лишился прав на трон.

К о н с т а н ц и я

О да, составленному по твоей
Безбожной воле, воле злобной бабки!

К о р о л ь Ф и л и п п

Сударыня, довольно, успокойтесь!
Нам здесь не подобает поощрять
Неугомонной этой перебранки!
Пусть вызовет на стены трубный звук

Анжерских граждан. Мы от них услышим,
Кого они считают королем.

Трубы. На стену выходят несколько горожан.

Первый горожанин

Кто вызвал нас на городскую стену?

Король Филипп

Король французский, ради дел английских...

Король Иоанн

Король английский, по делам своим
Любезных подданных я вызываю...

Король Филипп

Анжерцев верных, подданных Артура,
Мы трубным звуком кличем на совет.

Король Иоанн

...И выслушать прошу мои слова.
У ваших стен и на глазах у вас
Развернуты французские знамена.
На гибель вам сюда пришли французы:
Уже из яростного чрева пушек,
На город ваш нацеленных, готов

Железный гнев свирепо изрыгнуться.
Кровавую осаду затевают
Французы эти, и на их дела
Уставились, не глядя, очи стен —
Закрытые ворота. Если б мы
Не подошли к твердыне вашей спящей,
То камни, опоясавшие вас,
Из их покойных известковых гнезд
Исторгла бы пальба, и грозный враг
Ворвался бы в дотоле мирный город.
Но, быстро завершив поход нелегкий,
С таким же сильным войском к стенам вашим
Явились мы, законный ваш король,
Лицо Анжера уберечь от шрамов.
К переговорам страх склонил врага.
Не ядра раскаленные он шлет,
Чтоб жаркой дрожью било город ваш,
А мирные слова в дыму дурманном,
Чтоб улестить вас и склонить к измене.
Познай им цену, добрый наш Анжер,
И нас, монарха твоего, прими:
В походе тяжком дух наш истомился
И жаждет у тебя найти приют.

К о р о л ь Ф и л и п п

Нет, выслушав меня, ответь обоим.
Вот, правая рука моя, — которой

Вручил господь защиту прав того,
Кто за нее схватился, — держит руку
Артура юного: он старшим братом
Захватчика английского рожден, —
Его и Англии король законный.
Растоптанную правду защищая,
Мы с войском топчем луг зеленый ваш,
Но к вам вражды не ведаем: должны мы,
Покорствуя небесному велению,
За принца угнетенного вступиться.
Воздайте же священный долг тому,
Кто вправе этот долг принять, Артуру, —
И наше войско грозное для вас
Медведем укрощенным обернется.
Мы пушек ярость мирно разрядим
В плывущие по небу облака;
Свершая радостное отступление,
Не смяв брони, клинков не зазубрив,
Домой вернемся с жаркой кровью в жилах,
Которую хотели здесь пролить,
И будет мир — и вам и детям вашим.
Но если вы ответите отказом,
То и кольцо старинных ваших стен
Вас не спасет от вестников войны,
Хотя бы в нем собрались эти все
Искусные в сраженьях англичане.
Итак — согласны вы принять владыкой

Того, за чьи мы ратуем права?
Откажетесь — дадим сигнал к сраженью
И, проливая кровь, возьмем свое.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Король английский — наш монарх законный,
И твердо за него стоит Анжер.

К о р о л ь И о а н н

Признайте ж нас, откройте нам ворота.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Не можем. Но когда король докажет
Законность прав своих, — его мы примем,
А до того — ворот не отопрем.

К о р о л ь И о а н н

На мне венец английских королей.
Чего ж еще? Со мною тридцать тысяч
Пришло свидетелей — сердец английских...

Б а с т а р д

Бастардов и других.

К о р о л ь И о а н н

Готовых жизнь отдать за право наше.

К о р о л ь Ф и л и п п

Не меньше с нами столь же благородных...

Б а с т а р д

Бастарды есть небось!

К о р о л ь Ф и л и п п

Ему сейчас способных дать отпор.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Так вот, решайте, чьи права законней:
Законнейший и будет наш король.

К о р о л ь И о а н н

Тогда господь да примет милосердно
В своих селеньях горних души тех,
Кто нынче же, еще до рос вечерних,
За право королевское падет!

К о р о л ь Ф и л и п п

Аминь! Аминь! К оружью! На коней!

Б а с т а р д

Святой Георгий, ты сразивший змея
И с той поры на вывесках трактирных
Гарцующий, учи нас биться!

(Эрцгерцогу)

Ты же

Знай, грозный лев: попасть бы только мне
В твою берлогу, — я с твоею львицей
Наставил бы тебе рога над гривой,
Чтоб стал ты чудищем.

Э р ц г е р ц о г

Наглец, молчать!

Б а с т а р д

О ужас: начинает лев рычать!

К о р о л ь И о а н н

Скорее в поле: там свои полки
Построим мы в порядке боевом.

Б а с т а р д

На высоте расставим войско наше.

К о р о л ь Ф и л и п п

Пусть будет так!

(Людовику.)

Мой сын, ты холм другой
Займи с отрядом. С нами правда божья!

Все уходят.
После нескольких стычек входит французский герольд
с трубой;
он подходит к городским воротам.

Ф р а н ц у з с к и й г е р о л ь д

Анжерский люд, ворота распахните,
Чтоб к вам вошел Артур, Бретонский
герцог!

Рукою Франции сражался он,
И в Англии немало матерей
Над сыновьями павшими заплачут.
Немало вдов заплачут над мужьями,
Что на земле, от крови почерневшей,
Раскинув руки, мертвые лежат.
Недорого победа нам далась,
И радостно взыграли наши стяги
Над войском, что готово к вам войти,
Провозгласив победно королем
Земель английских юного Артура.

Входит английский герольд с трубой.

А н г л и й с к и й г е р о л ь д

Ликуй Анжер, и колокольным звоном
Приветствуй короля. Иоанн Английский
В жестокой битве одолел врага.
Сияли наши брони серебром —
Их вражья кровь теперь позолотила.
Копьем французским ни одно перо
Не сбито, гордое, у нас со шлемов.
Знамена — в тех же доблестных руках,
Что их несли, когда мы в бой вступали.
Сюда толпой охотников веселых
Стремятся англичане. Руки их
Окрашены багрянцем вражьей смерти.
Встречай же победителей, Анжер!

П е р в ы й г о р о ж а н и н

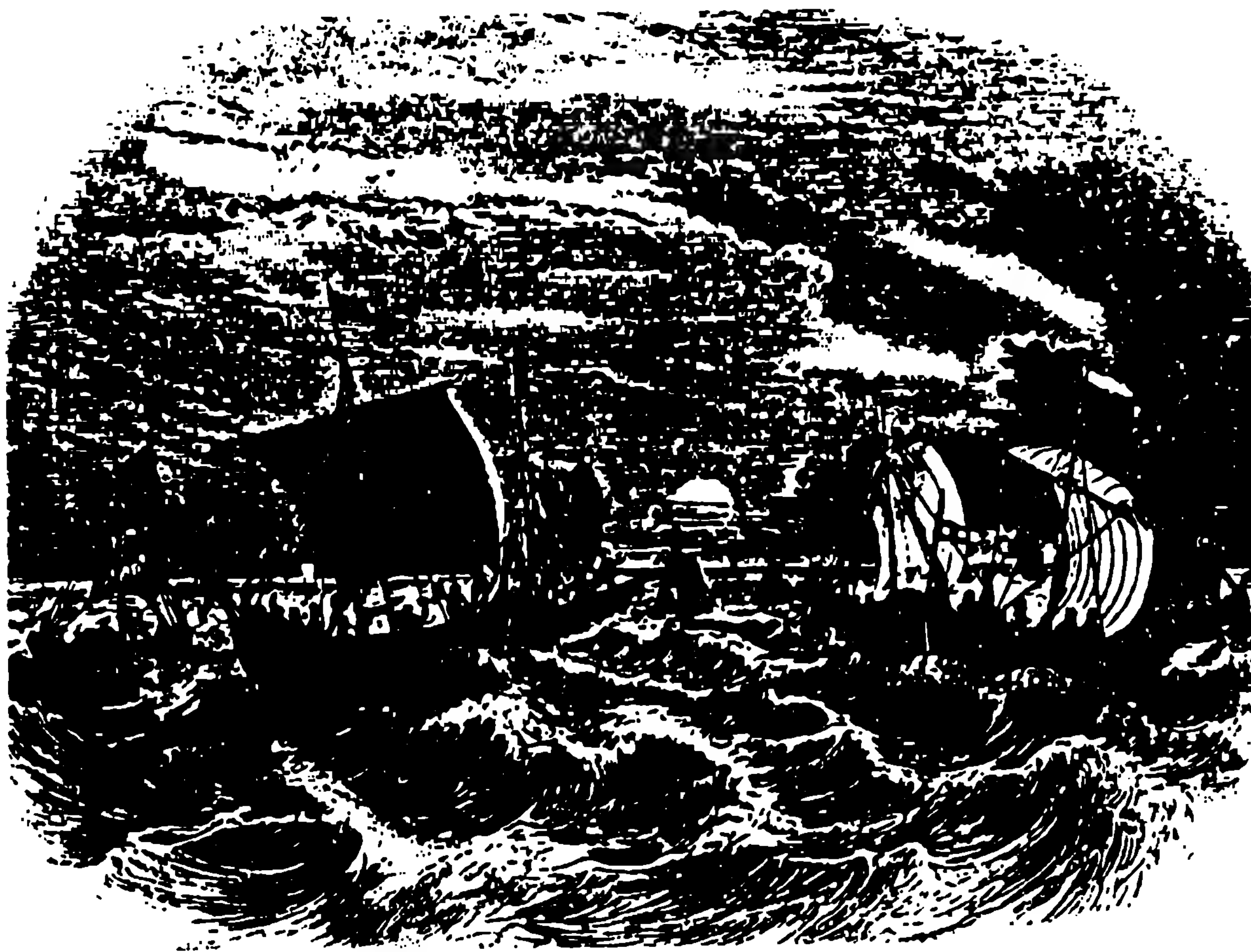
Герольды, мы следили с наших башен
С начала до конца за ходом битвы.
Решить не мог бы самый зоркий глаз,
Какая рать победу одержала.
За кровь платилось кровью, за удар
Ударом, доблесть доблести равнялась
И сила силе. Оба ваших войска
Равно сильны, равно любезны нам.
Пока одно из них не одолеет,
Мы никому ворот не отопрем.

Входят с разных сторон оба короля с войсками
и приближенными.

Король Иоанн

Король французский, разве слишком мало
Ты крови пролил? Тщетно преграждаешь
Потоку ровному — моим правам —
Его течение: разъярясь, он выйдет

Британский средневековый флот

Из берегов, твои затопит земли.
Не лучше ли его серебристым водам
Катиться без помехи в океан?

К о р о л ь Ф и л и п п

Король английский, — в этой жаркой битве
У вас не меньше крови пролилось,
Чем у французов, — может быть, и больше.
Клянусь рукой моей, что держит власть
Над всей землей под этим небосводом,
Меча, за правду поднятого, мы
Пока ты не повержен, не опустим.
Пусть лучше нас найдут среди погибших,
Чтоб список их печальный украшало
Торжественное имя короля.

Б а с т а р д

Стремишься в высь ты, царственная слава,
Когда у королей ярится кровь!
Оскалены стальные зубы смерти:
Резцы ее, клыки — мечи бойцов;
И, разрывая мясо человечесь,
Она пирует в битвах королей.
Но почему войска стоят без дела?
Владыки, кличте их на смертный бой!
Ваш дух пылает, в мощи вы равны:

Пускай один падет, другой получит
Желанный мир. Пока же — смерть и кровь!

К о р о л ь И о а н н

Чью сторону вы держите, анжерцы?

К о р о л ь Ф и л и п п

Ответьте, горожане, кто король ваш?

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Король законный Англии. Но кто он?

К о р о л ь Ф и л и п п

Наш подопечный, юный принц Артур.

К о р о л ь И о а н н

Нет, мы. Свою монаршую особу
Мы ныне лично представляем здесь:
Себе владыка и тебе, Анжер.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Власть более высокая, чем наша,
Опровергает вас обоих. Мы же,
Покуда длится спор, свои сомненья
Не выпустим из запертых ворот

Святого страха божья. Этот страх
Рассеет только истинный король.

Б а с т а р д

Ей-богу, нагло же они смеются
Над вами, короли, спокойно глядя
Из-за бойниц могучих на театр,
Где страшное дается представление!
Осмелюсь вам совет мой предложить:
Взяв за пример иерусалимских граждан
Во дни их мятежа, вражду свою
На время позабудьте и совместно
Анжерцам дайте жару. Пусть с востока
И с запада француз и англичанин
Наставят жерла пушек и палят
По городу надменному, круша
Смертельным громом каменные ребра
Так, чтоб у этих подлецов осталась
Одна ограда — воздух. А потом
Войска свои опять разъедините,
Знамена — врозь, и, став лицом к лицу,
Направьте снова копья друг на друга.
Тогда кого-нибудь из вас в любимцы
Фортуна непременно изберет,
Счастливчика победой обласкает,
Ему даруя славный этот день.

По нраву вам совет мой безрассудный?
И нет ли в нем разумного зерна?

К о р о л ь И о а н н

Клянусь шатром небесным, что над нами,
Совет хорош. Давай, французский брат наш,
Анжер с землей сравняем, а затем
Решим в сраженьи, кто его король!

Б а с т а р д

И если ты король не на словах,
И оскорблен нахальным городишкой,
Подобно нам, своих орудий жерла
На эти стены дерзкие направь.
А уж когда мы разнесем их в мусор,
Тогда борьба последняя решит,
Кто в рай из нас, кто в бездну угодит.

К о р о л ь Ф и л и п п

Согласен я. Откуда ты ударишь?

К о р о л ь И о а н н

Мы с запада метнем огонь и смерть
Анжеру в грудь.

Э р ц г е р ц о г

Я с севера.

К о р о л ь Ф и л и п п

Мы с юга

Затопим город грозным ливнем ядер.

Б а с т а р д

(в сторону)

Вот это мудро: с севера и с юга

Они друг в друга примутся палить.

Что ж, подстрекнем их. — Ну, живей,
за дело!

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Внемлите нам, внемлите, государи!

Я укажу вам, как достигнуть мира

И прочного союза, без боев

Вступить в наш город;

предоставьте тем,

Кто пал бы в битве, умереть в постелях.

Прошу вниманья у монархов славных.

К о р о л ь И о а н н

Что ж, мы готовы слушать, говори.

Первый горожанин

Дитя Испании, принцесса Бланка,
Английскому властителю родня,
По возрасту в невесты подошла бы
Людовику-дофину. Если страсть
У юноши стремиться к красоте —
Кого бы он нашел прекрасней Бланки?
А если сердце ищет чистоты —
Кого найдет он непорочней Бланки?
А если знатность гордому нужна —
В чьих жилах кровь знатнее, чем у Бланки?
Рожденье, добродетель, красота —
Все уравнило их. В одном, быть может,
Не равен ей дофин: он — не она.
А ей лишь одного недостает:
Она — не он. Еще не совершенный —
Пусть совершенство в ней он обретет,
Она же полной славы не достигла —
Да будет в нем дана ей полнота.
Двух светлых рек соединим течение,
И берега гордиться будут ими, —
А берегами царственной реки
Вы станете, о короли, связав
Законным браком принца и принцессу.
Такой союз скорей, чем ваши пушки,
Ворота наши сможет распахнуть:
Быстрей, чем порох, рушащий твердыни,

Мы сами вам свободный доступ в город
Открыли бы. Но если этот брак
Не состоится — глухи мы, как море,
Когда оно бушует; диких львов
Мы недоверчивей, и горных скал
Недвижнее и тверже. Даже смерть
В неистовстве своем не так упорна,
Как мы в решенье город отстоять.

Бланка Испанская

Б а с т а р д

Опять помеха! Этот говорун
Вытряхивает из лохмотьев смерти
Ее скелет прогнивший! Мелет, мелет
Его язык о смерти, о морях,
О скалах. Для него рычащий лев —
Что для шалунии-девочки болонка.
Пушкарь болвана, верно, породил —
Все он про пушки, дым, огонь и грохот
Дубиной языка нещадно в уши
Колотит нам! Слова его дубасят
Покрепче кулаков французских. Черт!
Так не глушил меня никто со дня,
Как мужа матери отцом назвал я.

Э л е о н о р а

Сын, согласись на этот брак и щедро
Племяннице приданое назначь.
Так крепко этот узел утвердит
Твою непрочную еще корону,
Что мальчику тому не хватит солнца,
Чтоб из цветка могучий вызрел плод.
Король французский, кажется, согласен.
Смотри, как шепчутся они. Вмешайся,
Пока мутит им души честолюбье,
Не то подтаявшее рвенье их

Мольбы овеют, жалость укрепит,
И глыбой льда для нас оно застынет.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Что ж не дают ответа короли
На предложение об исходе мирном?

К о р о л ь Ф и л и п п

Тебе, король английский, слово: первый
Ты выслушать анжерцев пожелал.

К о р о л ь И о а н н

Когда прочел бы царственный дофин
“Люблю тебя” в прекрасной этой книге,
Приданным одарил бы я невесту,
Как королеву: Мен, Турень, Анжу,
И Пуатье, и все, за исключением
Анжера осажденного, что здесь,
На этих берегах подвластно нам,
Ей ложе брачное позолотило б;
Она бы властью, почестями, саном
Поспорила с любой своею ровней
По крови, воспитанью, красоте.

К о р о л ь Ф и л и п п

Что скажешь, сын мой? Погляди на Бланку.

Л ю д о в и к

Гляжу, отец мой. И в ее глазах
Я вижу чудо, чудо из чудес:
В них облик мой, лишь тень моя, — и все же
Тень сына вашего, мой государь,
В них солнцем стала; по сравненью с ним —
Ваш сын — лишь тень. Я никогда себя
Так не любил, как в том изображенье,
Безмерно лестном, что сейчас нашел
В блестящем зеркале ее очей.

(Шепчется с Бланкой.)

Б а с т а р д

“В блестящем зеркале ее очей”
Он отражен. Так пусть же он увидит
Повешенным себя на грозных дугах
Ее бровей, — пусть испытает он
Четвертованье в сердце Бланки, чуя
В себе изменника любви. Как жалко,
Что будет отражен любовью этой
И ею же, ей изменив, казнен
Такой болван ничтожнейший, как он.

Б л а н к а

Желанье дяди для меня священно,
И если в вас увидел он все то,

Что нравится ему, и я готова
Ему желанное признать желанным,
Точнее выражаясь: я могу
К любви себя принудить без труда.
Не стану льстить вам, принц: не все, быть может,
Что в вас я вижу следует любить;
Но самый строгий суд не обнаружит
У вас того, что можно ненавидеть.

К о р о л ь И о а н н

Решайте ж, дети. Что ты скажешь нам,
Племянница?

Б л а н к а

Мне честь велит склониться,
Принявши мудрость вашего решения.

К о р о л ь И о а н н

А ты, дофин, полюбишь ли принцессу?

Л ю д о в и к

Спросите лучше: смог бы я сейчас
От искренней любви своей отречься?

К о р о л ь И о а н н

Тогда за ней получишь пять провинций —
Вексен, Турень, Мен, Пуатье, Анжу.
Даю впридачу десять тысяч марок
Английских. Если этим ты доволен,
Король Филипп, вели, чтоб сын и дочь
Соединили руки.

К о р о л ь Ф и л и п п

Очень рад я.
Принц и принцесса, обручаю вас.

Э р ц г е р ц о г

Пусть и уста соединят. Клянусь,
Так сделал я, когда в любви поклялся.

К о р о л ь Ф и л и п п

Анжерцы, открывайте же ворота!
Вы помогли нам дружбу заключить, —
Примите ж нас. Венчанье совершим
В часовне пресвятой Марии-Девы.
Я госпожи Констанции не вижу —
Ее здесь нет. При ней не без труда
Устроилось бы это обручение.
Кто скажет — где она и юный принц?

Л ю д о в и к

У вас в шатре, объята гневной скорбью.

К о р о л ь Ф и л и п п

Господь свидетель, этот наш союз
Ее скорбей, увы, не облегчит.
Английский брат мой, чем бы нам утешить
Высокую вдову? Сюда пришли мы,
Чтоб ей помочь, но к выгоде своей
На путь иной вступили.

К о р о л ь И о а н н

Все уладим.

Мы герцогом Бретонским утверждаем,
А также графом Ричмондом Артура,
Ему Анжер богатый отдаем.
Пусть госпожу Констанцию на свадьбу
Посланец наш немедля пригласит.
Надеюсь я, что мы в какой-то мере,
Хоть и не полной, угодим ей так,
Чтоб гневный вопль ее умолк. Теперь же
Пойдем справлять нежданные для нас,
Неподготовленные торжества.

Уходят все, кроме Б а с т а р д а.

Б а с т а р д

Безумный мир! Безумцы короли!
Безумен их союз! Лишить желая
Артура прав на целое, Иоанн
От части добровольно отказался.
Француз был совестью вооружен:
Влекомый жалостью и благочестьем,
Он шел на битву, словно воин божий, —
Но начал бес шептать ему и живо
С дороги сбил. О, этот хитрый бес,
Что заставляет клятвам изменять
И нарушать обеты королей,
Бездомных нищих, юношей и старцев,
Девиц — и если нечего терять
Девичам, кроме этого названья,
Он и его похитит. Этот бес
Лицом пригож, зовется он — Корусть.
Корусть, ты совратительница мира!
Ведь мир от первых дней уравновешен,
По ровному пути направлен прямо,
Но выгода, бессовестный толчок,
Косой удар, всесильная Корусть
Его заставит отклониться, сбиться
С пути прямого, отойти от цели.
И эта же Корусть, коварный враг,
Личинами играющая сводня,
Блеснув очам коварного француза,

Его от цели доброй отвела,
От благородно начатой войны
К гнуснейшему, постыднейшему миру.
Но почему я поношу Корусть?
Готов ответ: ведь я не знал соблазна.
Смогу ли гордо руку сжать в кулак,
Когда червонцы, ангелы Корусти,
Ладонь мою попробуют ласкать?
Она еще не знала искушенья
И, нищая, ругает богачей.
Ну что ж, я нищий — вот и негодую,
Твердя, что величайший грех — богатство.
Разбогатею — благородно-строг,
Начну вещать, что нищета — порок.
Корусти короли предались ныне, —
Так будь же, Выгода, моей богиней.

(Уходит.)

АКТ III

Сцена 1

Палатка французского короля.

Входят Констанция, Артур и Солсбери.

Констанция

Венчаются! И заключают мир!
Союз между обманщиками кровный!
Дофин получит Бланку, Бланка — земли?
Не может быть: оговорился ты,
Ослышался, — рассказывай же снова,
Но поразмыслив. Ты шутил, признайся!
Поверь мне — веры нет твоим словам,
Простого смертного случайной сплетне.
Поверь — немыслимо тебе поверить:
В обратном мне поклялся сам король.
Ты напугал меня — и ты ответишь:
Ведь я измучена и жертва страха;
Угнетена — и вся дрожу от страха;
Вдова — и нет защиты мне от страха;
Я женщина — и рождена для страха.

Хотя б сознался ты, что пошутил, —
Смятенный дух мой не найдет покоя,
Весь день он будет маяться в тоске.
Но почему, качая головой,
На сына моего глядишь печально,
И руку горестно прижал к груди,
И проступает влага на глазах,
Как затопивший берега поток?
Ты скорбным видом подтвердить желаешь
Свои слова? О, говори! Не надо
Рассказа повторять; скажи лишь — верно ль
Все это?

С о л с б е р и

Да, не меньше, это верно,
Чем, — как, наверно, мыслишь ты, — обман
Содеянное теми, чьи поступки
Я передал правдиво.

К о н с т а н ц и я

Если учишь
Меня ты верить горю, научи
И злое горе умертвить меня.
Пусть жизнь и вера встретятся в борьбе,
Как два бойца отчаянных, что оба
В кровавой схватке пасть обречены.

Дофин и Бланке женится! Мой сын,
А твой удел? Француз и англичанин
Отныне в дружбе... Что же делать мне?
Уйди посол! Пришел ты с гнусной вестью,
И гнусным сделался мне облик твой.

С о л с б е р и

Ужели было злом поведать вам
О зле, другими причиненном вам?

К о н с т а н ц и я

Так мерзко это зло, что для меня
Зловреден тот, кто мне о нем поведал.

А р т у р

Утешьтесь, матушка, я вас молю!

К о н с т а н ц и я

О, если б, утешающий меня,
Ты был урод, позор моей утробы,
Ходил бы в пятнах мерзких и прыщах,
Противных бородавках и наростах,
Хромой горбун, чернявый дурачок, —
Я б не страдала и не огорчалась:
Ты не был бы мне дорог, недостойный
И крови королевской и венца.

Но ты красив, Природой и Фортуной
Ты словно предназначен для величья.
Дары природы сделали тебя
Нежнее роз и лилий. Но Фортуна!
Ты брошен ею, девкой совращенной,
Она блудит с твоим преступным дядей.
Маня француза ручкой золотой,
Она его заставила попать,
Мой сын, твои священные права,
И сводней сделалось его величие:
Он свел Фортуну с королем Иоанном,
Захватчика бессовестного с девкой. —
Признай, посланец, что француз — изменник
Своей же клятве; брызни на него
Отравой слов; а коли нет — уйди,
Чтоб я одна осталась мыкать горе.

С о л с б е р и

Без вас, принцесса, не осмелюсь я
Предстать пред королями.

К о н с т а н ц и я

Нет, предстанешь:
Я не пойду с тобой. Свое страданье
Я научу быть гордым и сама
Покорно подчинюсь веленьям скорби;

И королям явиться надлежит
Ко мне и к ней: так тяжела она,
Что лишь земля могучая смогла бы
Ее снести. Здесь трон мы обрели:
Пусть перед ним склонятся короли.

(Садится на землю.)

Входят король Иоанн, король Филипп, Людовик,
Бланка, Элеонора, Бастард, эрцгерцог Австрийский
и свита.

Король Филипп

Да, этот день, возлюбленная дочь,
Во Франции, как праздник, будет чтиться.
Ему во славу задержало бег
Сияющее солнце, превращая,
Алхимику подобно, дивным оком
Сухую землю в царственное злато.
И этот день в круговращенье лет
Пусть празднуют всегда, как день счастливый.

Констанция

(поднимаясь с земли)

Как день несчастный, пусть его клянут.
Чем заслужил он славу, и за что
Его ты станешь золотом писать
В календаре средь праздников церковных?

Нет, день позора, клятвопреступленья,
Обиды тяжелой вырви из недели;
А если он останется, пускай
Беременные молятся о том,
Чтоб им в тот день не выкинуть, не видеть
Своих надежд крушение, и пускай
В тот день страшатся бури моряки,
Все сделки неудача постигает,
Все начатое кончится бедой,
И даже верность станет черной ложью!

К о р о л ь Ф и л и п п

Клянусь я небом, славный этот день
Вам не придется проклинять, принцесса.
Ведь я давал вам слово короля.

К о н с т а н ц и я

Поддельная монета — ваше слово:
На ней — лицо монарха, но она
Не выдержала пробы. Вы — отступник.
Вы кровь моих врагов пролить грозили,
Теперь же с ней хотите слить свою.
Могучий пыл и гневный взор войны
Остыли под личиной ложной мира.
Для нас обида злая — ваш союз.
Карай же, небо, королей-лжецов!

Тебя вдовица молит, будь ей мужем!
Не допусти, чтоб этот день безбожный
Был мирно завершен! Посей раздор
Еще до вечера между лжецами.
Услышь меня!

Э р ц г е р ц о г

Спокойствие, принцесса!

К о н с т а н ц и я

Война, война! Спокойствие — мне смерть!
Лиможский граф, эрцгерцог! Свой трофей
Позоришь ты, раб, негодяй и трус!
В бою ничтожный, в подлости великий,
Ты — сильный только с сильными в союзе!
Фортуны рыцарь, бьешься лишь тогда,
Когда капризной госпоже угодно
Тебя оберегать. Ты тоже лжец,
Холуй при королях! Болван пустой,
Ничтожный дурень! Пыжился, грозил
Моим врагам! Ты, раб с холодной кровью,
Не громыхал ли, что стоишь за нас,
Что служишь мне, что смело я могу
Твоей звезде довериться и силе?
И вот — к врагам моим переметнулся!

Тебе ли Ричарда трофей пристал?
Сбрось шкуру льва, скорей напяль телячью!

Э р ц г е р ц о г

О, если б это мне сказал мужчина!..

Б а с т а р д

Сбрось шкуру льва, скорей напяль телячью!

Э р ц г е р ц о г

Молчи, мерзавец, если хочешь жить!

Б а с т а р д

Сбрось шкуру льва, скорей напяль телячью!

К о р о л ь И о а н н

Нам это не угодно. Ты забылся.

Входит кардинал П а н д о л ь ф.

К о р о л ь Ф и л и п п

Преосвященнейший посланец Рима!

П а н д о л ь ф

Помазанникам неба мой привет! —
Я, папы Иннокентия легат,
Пандольф, миланский кардинал, тебя,
Король Иоанн, прошу во имя божье
Ответить мне, как посланному папой,
Зачем ты церкви, матери святой,
Нанес обиду злую, помешав
Стефану Ленгтону, что ныне избран
Архиепископом Кентерберийским,
Вступить в его права? Отцу святому,
Король английский, нужен твой ответ.

К о р о л ь И о а н н

От имени кого из смертных можно
Допрашивать помазанников божьих?
Призвав меня к ответу, кардинал,
Не мог ты выбрать имени смешней,
Ничтожней и пустей, чем имя папы!
Так и скажи ему, от нас добавив
Еще одно: что итальянский поп
Взимать не будет во владеньях наших
Ни десятины, ни других поборов.
Но если мы под небом — властелин
Своей страны, то под защитой неба,
Его святым покровом, будет править

И не хотим поддержки смертных рук.
Так папе и скажи: отныне мы
Его захватническую власть отвергли.

К о р о л ь Ф и л и п п

Английский брат мой, ваша речь — конщунство.

К о р о л ь И о а н н

Пусть вас и всех монархов христианских
Нахальный поп ведет на поводу;
Пусть вам страшны проклятья, от которых
Нетрудно откупиться: ведь за деньги —
Прах, мусор — покупаете прощенье
Вы у того, кто в мерзостном торгу
Прощенья сам лишается; пусть вы
И все другие хитрого волхва
Улещивать готовы щедрой данью, —
Я восстаю один — да будет так! —
И каждый друг его — мой смертный враг.

П а н д о л ь ф

Тогда я облечен законной властью
Тебя проклясть и отлучить от церкви.
Благословен твой ленник, если он
Тебе, еретику, нарушит верность;
Благословен, прославлен, как святой,

Тот, чья рука открыто или тайно
Твою отнимет мерзостную жизнь.

К о н с т а н ц и я

Пусть голос мой волеется в голос Рима!
Отец наш кардинал, скажи “амен”
Моим проклятьям ярым. Больше прав,
Чем я, никто на них иметь не может.

П а н д о л ь ф

Проклятье церкви свято и законно.

К о н с т а н ц и я

Как и мое. Когда не мог закон
Встать на защиту правды, — он не должен
И незаконной мести помешать.
Закон Артуру не вернет престола:
Его занявший сам творит законы.
А если весь закон — одна неправда,
Так он и рта не может мне закрыть.

П а н д о л ь ф

Король Филипп, страшась проклятья церкви,
Порви союз с архиеретиком
И, если он не подчинится Риму,
Обрушья на него с французским войском.

Э л е о н о р а

Ты побледнел, король? Не разрывай
Союза с нами.

К о н с т а н ц и я

Дьявол, берегись:
Раскается Филипп, порвет союз —
И ты душой его не завладеешь.

Э р ц г е р ц о г

Внемли, король, словам посланца папы.

Б а с т а р д

Сбрось шкуру льва, скорей напьяль телячью.

Э р ц г е р ц о г

Я проглочу обиду, негодяй!
Ведь я...

Б а с т а р д

Широкой глоткою известен.

К о р о л ь И о а н н

Так что же ты ответишь кардиналу?

К о н с т а н ц и я

А что сказать? Одно лишь — согласиться!

Л ю д о в и к

Отец, подумайте, что выбрать вам:
Проклятья церкви бремя или утрату
Не столь уж тяжкую английской дружбы, —
Что менее опасно?

Б л а н к а

Папский гнев.

Людовик, дофин Франции (по его печати)

К о н с т а н ц и я

Смотри, дофин! Тебя с пути сбивает
Лукавый бес, наряженный невестой.

Б л а н к а

Не голос правды говорит в принцессе —
Нужда ее.

К о н с т а н ц и я

А если признаешь
Нужду, живущую лишь смертью правды,
Так ты должна признать и то, что правда
Воскреснет, если кончится нужда!
Нужду растопчешь — правда воцарится;
Питай нужду — и правда горько сникнет.

К о р о л ь И о а н н

Король смущен, ответа не дает.

К о н с т а н ц и я

О, не внимай ему, ответь, как должно.

Э р ц г е р ц о г

Ответь, король, и сбрось сомнений груз.

Б а с т а р д

А ты набрось телячью шкуру, трус.

К о р о л ь Ф и л и п п

Да, я смущен, и что сказать — не знаю.

П а н д о л ь ф

А что сказать ты мог бы для того,
Чтоб худшего смущенья не изведать
В церковном отлученьи и проклятьи?

К о р о л ь Ф и л и п п

Достойнейший отец, каким путем
Пошли бы вы, когда бы стали мною?
Мы только что с моим английским братом
Друг другу руки подали, скрепив
Согласье душ и добрый наш союз
Священной силой клятвы нерушимой.
В последних нами сказанных словах
Повеяло любовью, верой, миром
И нам самим и королевствам нашим.
Чтоб в мирной сделке по рукам ударить,
Пришлось нам вымыть их: свидетель бог,
По ним ведь только что кровавой грязью
Мазнула кисть войны, запечатлев

Раздоры распаленных королей.
И эти чисто вымытые руки,
Так крепко сжатые взаимной дружбой,
Должны расторгнуть добрый свой союз?
Позволено ли с небом нам шутить —
По-детски верностью своей играя,
Беспечно вырвав руку из руки,
Нарушив клятвы, брачную постель
Улыбчивого мира растоптать
Ногами поднятых на битву ратей,
И судорогой гнева исказить
Чело сердечной дружбы? Пастырь душ,
Святой отец, да не случится это!
Ты небом вразумлен — найди, придумай,
Открой нам выход правильный, и мы
Все примем, дружбу нашу сохранив.

П а н д о л ь ф

Согласье — видимость, порядок — смута,
Когда доволен ими англичанин.
К оружию, Филипп, в защиту церкви,
Не то изведает, мятежный сын,
Всю тяжесть материнского проклятья.
Король, ты лучше бы змею за жало,
И разъярившегося льва за лапу,
И тигра лютого за клык держал,
Чем руку ту, что ныне пожимаешь.

К о р о л ь Ф и л и п п

Могу отнять я руку, но не верность.

П а н д о л ь ф

Так, значит, верность встанет против веры,
И, как в усобицах, на клятву — клятва
И слово против слова. Но сейчас,
Филипп, исполни первый свой обет,
Что дал ты небу, — стань борцом за церковь.
В другой же клятве — ты себе изменник,
И не обязан исполнять ее.
Тот, кто поклялся злое совершить,
Творит добро, когда не верен слову;
В его неделанье — благое дело.
Свернул ты с правого пути — сверни
Опять с худого: это кривизна,
Но кривизна и станет выпрямленьем,
Ложь исцелится ложью — так огнем
Огонь врачи смягчают при ожогах.
Святая вера есть опора клятвы.
Твоя же клятва не согласна с ней.
Ты верою поклялся против веры
И клятвой утвердить желаешь право
Нарушить изначальный свой обет.
Так знай: ты ею связан только в том,
Что первого обета не нарушит;

Иначе клятвы — жалкая насмешка!
Ты слово дал, обету изменив, —
Исполнив слово, углубишь измену.
Вторую клятвой первую нарушив,

Средневековый епископ

Сам на себя преступно восстаешь.
Но ты одержишь высшую победу,
С достоинством и твердостью отвергнув
Весь этот жалкий и пустой соблазн.
Иди путями правды — мы тебя
Молитвами поддержим; если ж нет —
Проклятье наше ляжет на тебя

Таким необоримым, черным гнетом,
Что ты под ним в отчаяньи умрешь.

Э р ц г е р ц о г

Мятеж, мятеж!

Б а с т а р д

Ты снова за свое?
Заткнуть бы рот тебе телячьей шкурой!

Л ю д о в и к

Отец, к оружию!

Б л а н к а

В день свадьбы нашей?
И против родичей твоей жены?
Как? Мы убитых соберем на пир,
А музыкой нам будут трубный рев
И грохот барабанный, вопли ада?
Услышь меня, супруг! (Увы, как странно
Произносить: “супруг”!) Но ради слова,
Доселе чуждого моим устам,
Молю я на коленях: с нашим дядей
В сражение не вступай.

К о н с т а н ц и я

Мои колени
В мозолях от коленопреклонений,
Но я молю у ног твоих, дофин,
Не нарушай веления небес!

Б л а н к а

Теперь увижу, как меня ты любишь:
Какое побужденье для тебя
Сильней призыва любящей жены?

К о н с т а н ц и я

То, что ему опора, как тебе —
Опора он: честь. Честь твоя, Людовик!

Л ю д о в и к

Как холодны вы, государь, в минуту,
Когда принять решение неизбежно!

П а н д о л ь ф

(королю Филиппу)

Я на тебя проклятье изреку.

К о р о л ь Ф и л и п п

Не нужно. — Мы — враги, король Иоанн.

К о н с т а н ц и я

О, снова ты величием осиян!

Э л е о н о р а

Француз, француз! Что клятва, то обман!

К о р о л ь И о а н н

И часа не пройдет, король французский,
Как этот час ты станешь горько клясть.

Б а с т а р д

Когда звонарь плешивый, старец Время,
К раскаянью призвать тебя решит.

Б л а н к а

В крови заходит солнце. День прекрасный,
Прощай! Увы! Чью сторону принять?
Протянута одна моя рука
К одной из ратей, а к другой — другая.
Я схвачена, меня на части рвут.
Нет сил молиться о победе мужа,
Когда победа эта — гибель дяди,

Удачи не могу желать отцу
И разделять надежд любимой бабки.
Кто б верх ни одержал, мне поражение
Уже сулит любой исход войны.

Л ю д о в и к

Твое, подруга, счастье там, где я.

Б л а н к а

Где вспыхнет счастье, гаснет жизнь моя.

К о р о л ь И о а н н

Немедля стягивай войска, племянник.

Б а с т а р д уходит.

Король французский, гнев во мне пылает
Столь ярим пламенем, что этот жар
Ничто залить не сможет — только кровь,
Кровь избранных сынов твоей земли.

К о р о л ь Ф и л и п п

Пока зальешь свой жар французской кровью,
Тебя успеет он испепелить.
Остерегись: судьба грозит бедой!

К о р о л ь И о а н н

Не больше, чем тебе. — К оружью, в бой!

Уходят.

Сцена 2

Равнина близ Анжера.

Шум битвы, стычки. Входит Б а с т а р д с головой эрцгерцога
Австрийского.

Б а с т а р д

День здорово горяч, ей-богу! С неба
Нам бедствия воздушный демон шлет.
Здесь голову эрцгерцога положим
И отдохнем, Филипп.

Входят король Иоанн, Артур и Хьюберт.

К о р о л ь И о а н н

За мальчиком присмотришь, Хьюберт. Ты же,
Филипп, скорей — на помощь: мать в палатке
Окружена врагами.

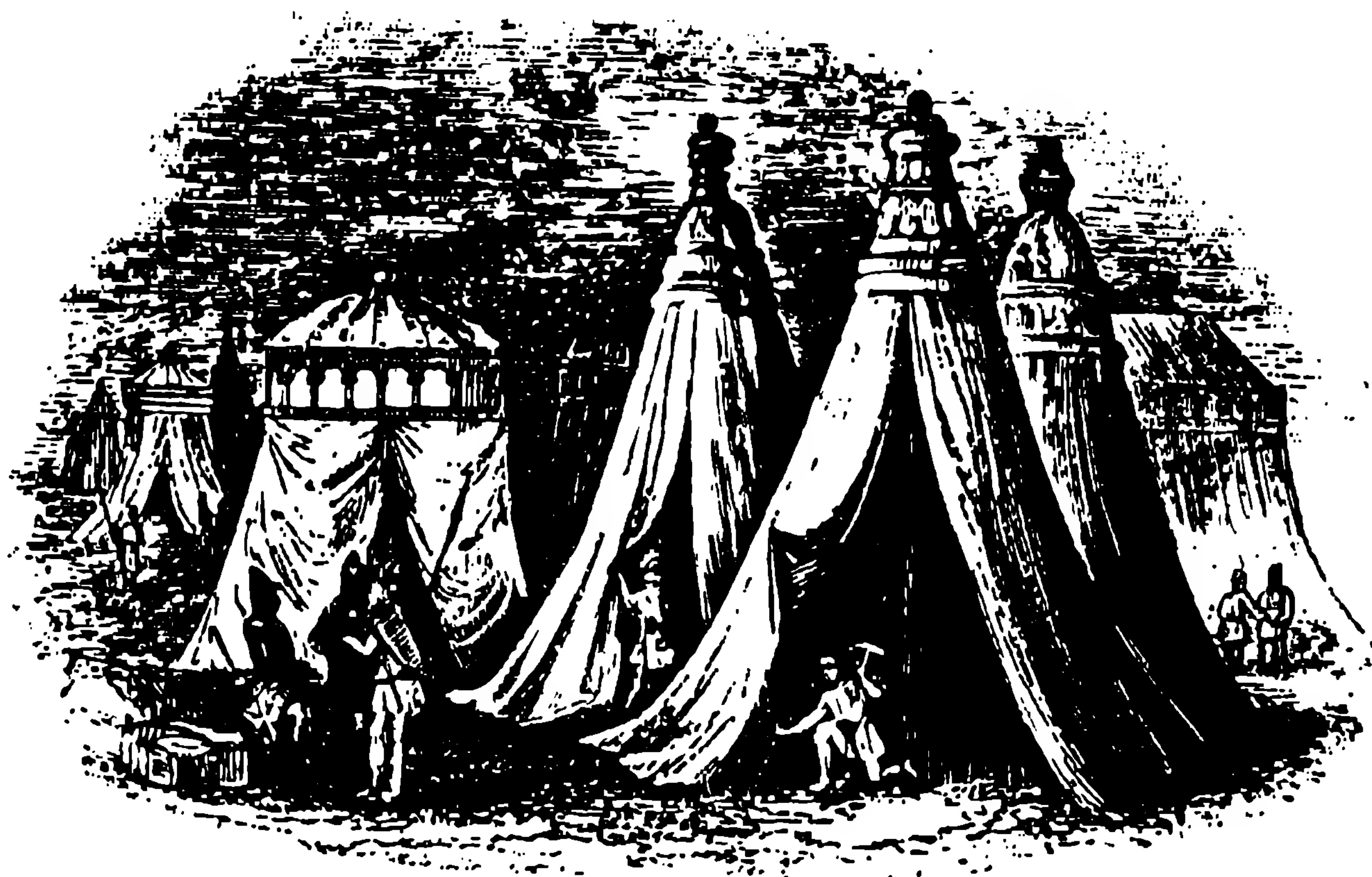
Б а с т а р д

Государь,
Я королеву выручил, не бойтесь,

Но медлить незначем: еще усилие —
И славно мы закончим ратный труд.

Уходят.

Палатки французского короля

Сцена 3

Там же.

Шум битвы, стычки, отбой. Входят король Иоанн, Элеонора,
Артур, Бастард, Хьюберт и свита.

Король Иоанн

Пусть будет так.

(Элеоноре)

Вы, матушка, останьтесь
С отрядом сильным здесь.

(Артуру)

Ты не грусти,
Племянник: бабушке своей ты дорог,
А дядя заменить готов отца.

А р т у р

Ах, мать моя теперь умрет от горя!

К о р о л ь И о а н н

(Бастарду)

А ты, племянник, в Англию спеши
И до приезда нашего мошны
Скупых аббатов растрясй, свободу
Дай пленным ангелам: пускай война
Подкормится мясцом и салом мира.
Тебе вручаю власть — так действуй смело.

Б а с т а р д

Свечам, колоколам, церковным книгам
Не задержать меня, когда иду
За звонким золотом и серебром.

Прощайте, государь. Целую руку
Вам, бабушка, и помолюсь за вас,
Когда случится приступ благочестья.

Э л е о н о р а

Прощай, мой милый внук.

К о р о л ь И о а н н

Прощай, племянник.

Б а с т а р д уходит.

Э л е о н о р а

(Артуру)

Пойдем со мною, внучек.

(Отводит Артура в сторону.)

К о р о л ь И о а н н

Друг мой Хьюберт,
Послушай: много сделал ты для нас.
В жилище плоти этой есть душа;
Она — должник твой и готова щедро
С тобою расплатиться за любовь.
Мой Хьюберт, предан ты по доброй воле,

И я тебе всем сердцем благодарен.
Дай руку мне. Хотел я кое-что
Тебе сказать, да надо бы получше
Мелодию для этой песни выбрать.
Клянусь, неловко даже говорить,
Что я к тебе так горячо привязан.

Х ю б е р т

Безмерно, государь, я вам обязан.

К о р о л ь И о а н н

Для этого еще причины нет,
Но будет, друг. Как время ни ползет,
Настанет час — и расплачусь я щедро.
Хотел тебе сказать я... но потом.
Сияет солнце в небе, пышный день
От преизбытка радостей земных
Так суетен и безрассудно весел, —
Мои слова не для него. Но если б
Железным языком из пасти медной
Тревожил колокол полночный сон;
Но если б мы на кладбище стояли
И гнулся ты под бременем скорбей;
Но если бы угрюмый дух унынья
В тебе сгущал, отяжеляя, кровь
(Что слишком уж легко струится в жилах,

Дурацкий смех в глазах людей рождая,
Пустой ухмылкой искажая лица, —
А нынче это все противно мне),
Но если б мог без глаз меня ты видеть
И слышать без ушей, и отвечать
Без языка, одним порывом чувства,
Без глаз, ушей, без тяжких звуков речи, —
Тогда, хоть день уставился на нас
Наседкой, бодрствующей над птенцами,
Я помыслы свои тебе излил бы...
Но не хочу! А все ж люблю тебя,
Того же ожидая для себя.

Х ь ю б е р т

Так велика моя любовь, что я
Для вас любое выполню, хотя бы
Мне смерть грозила.

К о р о л ь И о а н н

Разве я не знаю?
Мой Хьюберт, друг мой Хьюберт! Погляди
На мальчика. Хочу тебе признаться:
Он на моем пути — змея лихая.
Куда б я ни подался, всюду он.
Меня ты понял, страж его?

Х ь ю б е р т

Стеречь

Я стану так, что королю помехой
Не будет он.

К о р о л ь И о а н н

Смерть.

Х ь ю б е р т

Государь!

К о р о л ь И о а н н

Могила.

Х ь ю б е р т

Так он умрет!

К о р о л ь И о а н н

Довольно. Спала тяжесть
С моей души. Люблю тебя, мой друг!
Сейчас я о награде умолчу,
Но помни... — Государыня, прощайте;
И ждите подкреплений, не страшась.

Э л е о н о р а

Благослови тебя господь!

К о р о л ь И о а н н

Племянник,
Ты — с нами в Англию. Слугою верным
К тебе приставлен Хьюберт. Ну, в Кале!

Уходят.

Сцена 4

Там же. Палатка французского короля.

Входят король Филипп, Людовик, Пандольф
и свита.

К о р о л ь Ф и л и п п

Так ураган, ревущий в бурном море,
Повсюду разгоняет корабли,
Суда одной эскадры разделяя.

П а н д о л ь ф

Все сладится: мужайтесь, государь!

К о р о л ь Ф и л и п п

Что сладится? Ведь хуже быть не может.
Мы не разбиты? И не взят Анжер?

И не в плену Артур? И многих верных
Не потеряли мы? И не ушел
К себе домой кровавый англичанин,
Французские преграды сокрушив?

Л ю д о в и к

Он закрепить сумел свои успехи:
Такой расчет в стремительности действий,
Такой порядок в яростном напоре
Не виданы доселе: кто читал,
Кто слышал о делах, подобных этим?

К о р о л ь Ф и л и п п

Хвалы ему мне было б легче слушать,
Когда б столь тяжким не был наш позор.

Входит К о н с т а н ц и я.

Кто к нам идет? Та, чья душа — могила,
А горестная плоть — тюрьма, в которой
Томится дух, от жизни отвратясь.
Пойдемте, госпожа моя, отсюда.

К о н с т а н ц и я

Вот он, тобою заключенный мир!

К о р о л ь Ф и л и п п

Спокойствие, Констанция! Терпенье!

К о н с т а н ц и я

Нет, не нужны мне помощь и советы:
Единственная помощь и совет —
Смерть, смерть! Люблю и призываю смерть.
Благоуханный смрад! Блаженный тлен!
Встань, поднимись от ложа вечной ночи,
Ты, враг, ты горький ужас для счастливых!
Лобзать я буду мерзостные кости,
В провал глазниц вложу свои глаза,
Червями пальцы обовью и в рот,
Чтоб не дышал, набью земли могильной,
И стану трупом страшным, как и ты.
Приди! Оскал твой для меня — улыбка.
Несчастливая возьмет тебя в мужья,
В любовники. Приди!

К о р о л ь Ф и л и п п

О, успокойтесь,
Страдалица прекрасная!

К о н с т а н ц и я

Нет, нет!

Пока дыхание есть, не смолкнет голос.
О, если б мой язык вещал, как гром,
Я потрясла бы мир призывом скорбным,
Я грозный разбудила бы скелет,
Что не внимает слабым женским воплям,
Не отвечает на обычный зов.

П а н д о л ь ф

Не горе, а безумье — ваши речи.

К о н с т а н ц и я

Твои же — клевета, и это грех.
Я не безумна. Волосы я рву —
Они мои. Констанцией зовусь,
Была женою Готфрида. А сын мой —
Артур, и он погиб. Я не безумна,
Но разума хотела бы лишиться,
Чтоб ни себя, ни горя своего
Не сознавать! Придумай, кардинал,
Такое мудрое увещеванье,
Чтоб я сошла с ума — и сразу будешь
К святым причтен; не то рассудок мой,
Пронзенный горем, скоро мне внушит,
Что удавиться, горло перерезать —

Вернейший путь избавиться от мук.
Будь я безумной, я б забыла сына
И утешалась бы тряпичной куклой.
Но разум жив, и жгуче, слишком жгуче
Терзает душу каждая из бед.

К о р о л ь Ф и л и п п

О, заплетите косы! Как любовно
Друг к другу льнут волос чудесных нити!
Чуть на одну блестящая слеза
Падет случайно — тысячи других
К ней устремятся, разделяя горе,
Как нежные и верные друзья,
Что не хотят в несчастье разлучаться.

• К о н с т а н ц и я

Молю, пустите в Англию меня!

К о р о л ь Ф и л и п п

Прошу вас косы заплести.

К о н с т а н ц и я

Извольте,
Но для чего? Я распустила их,
Крича: “О если б сына моего
Могли из плена вырвать руки эти

Так, как свободу дали волосам!”
Но вольность их во мне рождает зависть,
И вольных заключу опять в оковы,
Затем, что бедный мальчик мой в плену.
Отец наш кардинал, вы говорили,
Что с близкими мы свидимся в раю:
Раз так, я сына своего увижу!
От Каина, от первого младенца,
До самого последнего, вчера
Рожденного на свет, земля не знала
Прелестней существа! Но червь тоски
Пожрет нераспустившуюся почку
И сгонит красоту с его лица,
И станет бледным он, как тень, худым,
Как лихорадящий, и так умрет,
И в небесах его я не узнаю,
И, значит, никогда уж, никогда
Не видеть мне прекрасного Артура!

П а н д о л ь ф

Великий грех — отчаянье такое.

К о н с т а н ц и я

Слова того, кто сына не имел.

К о р о л ь Ф и л и п п

Вам горе ваше дорого, как сын.

К о н с т а н ц и я

Оно сейчас мне сына заменило,
Лежит в его постели и со мною
Повсюду ходит, говорит, как он,
И, нежные черты его приняв,
Одежд его заполнив пустоту,
Напоминает милый сердцу облик.
Я полюбила горе — и права.
Прощайте, я б утешила вас лучше,
Когда бы вы познали ту же долю.
Не стану убирать своих волос —
В душе и помыслах одно смятенье.
О боже! Мой Артур, мой сын, мой мальчик!
Ты жизнь и радость, ты мне — все на свете!
Ты — утешенье горестной вдовы!

(Уходит.)

К о р о л ь Ф и л и п п

Пойду за ней: беды бы не случилось.

(Уходит.)

Л ю д о в и к

Мне радости не ведать на земле.
Несносна жизнь, как выслушанный дважды,
В унылый сон вгоняющий рассказ.
Стыдом и горечью отравлен мир;
Исчезла сладость — есть лишь стыд и горечь.

П а н д о л ь ф

Когда нам исцеленье предстоит
От тяжкого недуга, в самый миг
Выздоровленья он всего сильнее.
Зло обреченное больней язвит.
Вы проиграли день? А что еще?

Л ю д о в и к

Всю славу, счастье, радость дней грядущих.

П а н д о л ь ф

Вы проиграли б, одержав победу.
Нет, нет: чем ласковей Фортуна к людям,
Тем больше бедствий взор ее сулит.
Не странно ли — как много потерял
Король Иоанн в самой своей победе!
Огорчены вы, что Артур в плену?

Л ю д о в и к

Не меньше, чем король Иоанн ликует.

П а н д о л ь ф

Как ум твой юн, — совсем, как кровь твоя!
Но слушай, — я пророчески вещаю.
Ведь даже звук вот этих слов моих
Пылинку каждую, песчинку — всё
Сметет с пути, которым ты пойдешь
К английскому престолу. Ты подумай:
Артур в плену у дяди. Но пока
В крови у мальчика играет жизнь,
Преступник ни на час, ни на минуту,
Нет — ни на миг не обретет покоя.
Захваченные дерзостью бразды
Не удержать иначе, как насильем.
Ведь для того, кто стал на скользкий путь,
Опоры слишком гнусной не бывает.
Чтоб выстоял Иоанн, падет Артур.
Пусть будет так, раз это неизбежно.

Л ю д о в и к

Что мне за польза, если он умрет?

П а н д о л ь ф

От имени своей супруги Бланки
Предъявишь ты права на то, что было
Законным достоянием Артура.

Л ю д о в и к

Чтоб жизнь и все утратить, как Артур?

П а н д о л ь ф

Как в старом мире зелен ты и юн!
Все козни Иоанна, ход событий —
Тебе в подмогу. Тот, кто кровь прольет,
Ища спасенья, в ней же захлебнется.
Его деянье злое охладит
Сердца народа, рвенье заморозит.
Малейшая представится возможность —
И встанут все, чтоб свергнуть власть его.
В явлениях природных на земле
И в небе, — непогода ли случится,
Внезапный ветер, или что еще, —
Разумную причину отвергая,
Увидят чудо, знаменье, предвестье,
Зловещий метеор, глагол небес,
Что королю грозят господней карой.

Л ю д о в и к

Возможно, он Артура не убьет:
Достаточно окажется темницы.

П а н д о л ь ф

Хотя б Артур был жив, когда Иоанн
О приближении твоём узнает, —
Он в тот же час умрет; сердца людей
Охватит возмущенье; все, ликуя,
Благословят любую перемену
И вырвут поводы для мятежа
Из пальцев окровавленных Иоанна.
Я так и вижу грозный этот взрыв:
Ничто тебе так славно не поможет!
Сейчас в земле английской Фоконбридж,
Бастард безбожный, нагло грабит церковь.
Была б там дюжина солдат французских —
Как дудка птицелова, приманили б
Они десятки тысяч англичан;
Они бы выросли, как снежный ком,
Что вмиг становится горою снега.
О мой дофин, скорее к королю!
Представить трудно, что извлечь мы сможем
Из недовольства душ, обиды полных.
На Англию! Король согласие даст.

Л ю д о в и к

К большим делам ведет благой совет,
На ваше “да” король не скажет “нет”.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Комната в замке.

Входят Хьюберт и два палача.

Хьюберт

Прут раскалите докрасна и стойте
Там, за коврами. Как ногою топну —
Скорей сюда: хватайте мальчугана,
Которого увидите со мной,
И привяжите к стулу. Прочь — и ждите!

Первый палач

Надеюсь, есть распоряжение свыше?

Хьюберт

Вопрос пустой! Не бойся, будь готов.

Палачи уходят.

Поди сюда, малец, поговорим.

Входит А р т у р.

А р т у р

День добрый, Хьюберт.

Х ь ю б е р т

Маленькому принцу —
Привет.

А р т у р

Да, маленькому, — меньше нет;
Но он по праву мог бы стать большим.
Ты что грустишь?

Х ь ю б е р т

Да, веселей бывал я.

А р т у р

О господи, а я-то ведь считал,
Что только мне пристало быть печальным.
Во Франции у молодых дворян —
Я помню — как-то прихоть появилась
Ходить угрюмыми, как ночь. Клянусь,
Будь я на воле даже пастухом, —
Я был бы весел целый день. И здесь

Я не грустил бы, если б новых козней
Не ожидал от дяди моего.
Его боюсь я, он меня боится.
Моя ль вина, что Готфридом рожден я?
При чем тут я? О, если б был ты, Хьюберт,
Моим отцом! Меня бы ты любил.

Хьюберт

(в сторону)

Молчать я должен. Болтовня ребячья
Во мне пробудит дремлющую жалость;
Пора кончать.

Артур

А ты не болен, Хьюберт?
Ты что-то бледен. Я бы и хотел,
Чтоб ты немного прихворнул, и мог я
С тобой пробыть всю ночь. Наверно, крепче
Тебя я полюбил, чем ты меня.

Хьюберт

(в сторону)

Его слова мне в сердце проникают.

(протягивает ему бумагу)

Прочти, Артур.

(в сторону)

Дурацкой влагой
глаз

Выносится наружу боль души.

Скорей кончать, не то совсем

по-бабьи

Моя решимость изойдет слезами.

(громко)

Не разбираешь? Плохо написали?

А р т у р

Для дела злого — слишком хорошо.

Железом ты глаза мне должен

выжечь?

Х ь ю б е р т

Да, мальчик, должен.

А р т у р

И решишься?

Х ь ю б е р т

Да.

А р т у р

И хватит духу у тебя? А помнишь,
Как мучился ты головною болью
И лоб тебе я повязал платком
(То был мой самый лучший; мне его
Принцесса вышила), и я обратно
Его не взял? Я голову тебе
Держал всю ночь; как верно служат часу
Минуты быстрые, так я старался,
Чтоб время для тебя текло быстрее.
Я спрашивал: “Где больно? Что ты хочешь?
Чем я могу помочь тебе, мой милый?”
Иной бы сын простолюдина спал
И ласкового слова не промолвил,
Но принц оберегал тебя в ночи.
Ты можешь думать, что моя любовь —
Притворство, ложь; когда угодно року,
Что ж, думай так и поступай жестоко!
Ты хочешь зренье у меня отнять,
Глаза мои, что на тебя ни разу
Не поглядели гневно?

Х ь ю б е р т

Я поклялся,
Что выжгу их железом раскаленным.

А р т у р

Возможно только в наш железный век
Такое дело! Ведь само железо,
Хоть докрасна его ты раскалишь
И поднесешь к глазам моим, напьется
Моих невинных слез, погасит ими
Свой жаркий гнев и пощадит меня.
И ржавчиной покроется оно,
Стыдясь того, что мне огнем грозило.
О, если бы явился ангел с вестью,
Что Хьюберт ослепит меня, — ему
Я не поверил бы. Пусть скажет Хьюберт.

Х ь ю б е р т

(топая ногой)

Сюда!

Входят п а л а ч и с веревками, железными прутьями

Исполнить мой приказ!

А р т у р

Спаси меня, мой Хьюберт! Слепну я
От одного их зверского обличья!

Х ь ю б е р т

Подайте прут, а мальчика свяжите.

А р т у р

Зачем, зачем? Вязать меня не надо!
Не стану я ни рваться, ни бороться.
О, бога ради, Хьюберт! Не вяжи!
Послушай, Хьюберт, пусть они уйдут,
И буду я с тобой смирней ягненка,
Не вымолвлю ни слова, не моргну,
Не шелохнусь, не погляжу со злобой
На страшное железо. Прогони их —
И все мученья я тебе прощу.

Х ь ю б е р т

Оставьте нас одних. За дверью ждите.

П е р в ы й п а л а ч

Я рад уйти: подальше от злодейства.

П а л а ч и уходят.

А р т у р

О горе! Значит, друга я прогнал!
Сурово он глядит, но сердцем добр.

Пусть он вернется, жалостью своей
Твою пробудит...

Х ь ю б е р т

Мальчик приготовься!

А р т у р

Спасенья нет?

Х ь ю б е р т

Нет; ты лишишься глаз.

А р т у р

О боже! Если бы в глаза тебе попала
Соринка, мошка, волос иль песчинка —
Ты понял бы, как может эта малость
Измучить нас, — и замысел лихой
Чудовищным тебе бы показался.

Хьюберт

А обещанье? Придержи язык.

А р т у р

Мой Хьюберт, чтоб молить о паре глаз,
Двух языков, пожалуй, не хватило б.

Не затыкай мне рта, не надо, Хьюберт.
А то уж лучше вырви мне язык,
Но пощади глаза, чтоб мог я видеть,
Чтоб на тебя хотя бы мог смотреть.
Клянусь душой, железо ведь остыло,
И глаз не выжжет.

Х ю б е р т

Раскалю опять.

А р т у р

Не сможешь, нет. Огонь погас от горя,
Что им хотят невинного пытаться,
Им, созданным на благо людям. Хьюберт,
Ты видишь: угли не пылают злобой,
Дыханье неба охладило жар
И пеплом покаянья их покрыло.

Х ю б е р т

Мое дыханье оживит огонь.

А р т у р

И угли, Хьюберт, тотчас покраснеют,
Но от стыда за то, что ты творишь.
Пожалуй, стыд в глазах твоих зажжется.
Когда хозяин псу кричит: "Куси!" —

Порою пес в него вцепиться может.
Все, чем ты мне хочешь повредить,
Откажется служить: огонь, железо,
Хотя и не привычны к милосердью,
Способны сжалиться; лишь ты — жесток!

Х ь ю б е р т

Пусть будет так! Отрады жизни, глаз,
Я не лишу тебя за все богатства,
Что мне сулил твой дядя! Все же знай:
Я клятву дал, что выжгу их железом.

А р т у р

Теперь ты снова Хьюберт, и снята
С тебя личина!

Х ь ю б е р т

Хватит слов. Прощай.
Известье ложное, что ты погиб,
От псов-шпионов дядя твой получит.
Спи, милое дитя, не зная страха:
За все сокровища земные Хьюберт
Тебе вреда не причинит.

А р т у р

Мой бог!

Спасибо, Хьюберт!

Х ь ю б е р т

Тише! Замолчи.

Иди за мной неслышно. Нынче я
В большой опасности из-за тебя.

Уходят.

Сцена 2

Дворец короля Иоанна.

Входят король Иоанн в короне, Пембрук, Солсбери
и другие лорды. Король садится на трон.

К о р о л ь И о а н н

Вновь мы воссели здесь и вновь — в короне;
И вы, надеюсь, рады видеть нас.

П е м б р у к

Не будь на то высокой вашей воли,
И нужды не было бы в повторенье:
Вы были коронованы, и с вас
Достоинство монаршее не снято...
Народной верности не оскверняли

Мятежные порывы, и страна
Не волновалась жаждой перемен.

С о л с б е р и

Торжественный обряд свершить вторично,
Еще украсить полный блеска сан,
Позолотить червонец золотой,
И навести на лилию белила,
И лоск на лед, и надушить фиалку,
И радуге прибавить лишний цвет,
И пламенем свечи усилить пламя
Небесного сияющего ока —
Напрасный труд, излишество пустое.

П е м б р у к

Мы не перечим воле короля,
Но все ж похоже это на рассказ,
Без нужды пересказанный вторично
И скуку нагоняющий на всех.

С о л с б е р и

Здесь, государь, немало искажен
Привычный лик обычаев старинных.
Как с переменой ветра изменяет
Свой путь корабль, решение ваше так же
С пути сбивает мысли, смутный страх

Вселяет в души, здравому суждению
Препоны ставит: трудно верить правде,
Одетой в столь диковинный наряд.

Граф Пембрук

П е м б р у к

Когда себя стремится превзойти
Ремесленник умелый, — губит он

Свое искусство тщетною потугой.
Бывает, неуместным извиненьем
Себе мы портим дело. Так заплата
На небольшой прорехе нам в глаза
Бросается сильней самой прорехи.

С о л с б е р и

Вот почему считали мы ненужным
Коронованье новое. Но вы
Нам, государь, не вняли, — и прекрасно:
Везде, везде, во всем желанья наши
Смиренно воле вашей уступают.

К о р о л ь И о а н н

Я кое-что открыл вам из причин
Решенья своего: довольно вески,
По-моему, они. А о других
Скажу потом: все опасенья наши —
Ничто пред ними. А теперь скажите,
Каких бы вы желали улучшений?
Увидите — готов я слушать вас
И все, что захотите вы, исполнить.

П е м б р у к

От имени присутствующих я
Тогда вам выскажу желанье наше:

Прошу и ради них, и для себя,
И, что всего важней, для вашей пользы, —
О чем забота главная у нас —
Освободить Артура. Ропщут люди,
И принца длительное заключение
Наводит на недобрые сомненья:
Раз вам по праву то принадлежит,
Чем мирно вы владеете, — зачем
Ненужный страх, который, говорят,
С неправдой неразлучен, — вас заставил
Племянника, совсем еще ребенка,
Держать в тюрьме, невежеству обречь,
Лишить потребных детству развлечений?
Чтоб не могли воспользоваться этим
Враги престола, ныне молим вас
Внять просьбе нашей — дать свободу принцу.
Нам для себя не нужно ничего:
Ко благу общему — его свобода
И к вашему же благу, государь.

К о р о л ь И о а н н

Согласен я, и воспитанье принца
Вам поручить готов.

Входит Х ь ю б е р т.

Что скажешь, Хьюберт?

П е м б р у к

Вот тот, кто должен совершить злодейство:
Полученный им письменный приказ
Показывал он другу моему.
В глазах его я гнусный вижу грех,
А сумрачный, угрюмый лик скрывает
Жестокое смятение души.
Не выполнил ли он уже того,
На что имел, как видно, полномочье?

С о л с б е р и

Король наш то бледнеет, то краснеет.
С желаньем совесть борется, гоня
По жилам кровь, как вестника меж ратей.
В нем страсть созрела и сейчас прорвется.

П е м б р у к

Когда ж прорвется, — брызнет страшный гной:
Лихая гибель милого ребенка.

К о р о л ь И о а н н

Мы руку смерти удержать не властны!
Хоть воля добрая во мне жива,
Но смерть не даст исполнить вашу просьбу:
Он сообщил мне, что Артур скончался.

С о л с б е р и

Да, видно, был недуг неизлечим.

П е м б р у к

Слыхали мы, что смерть его близка,
Когда он и не чувствовал, что болен.
Виновников за это ждет расплата
Здесь или там.

К о р о л ь И о а н н

Что ж на меня так мрачно
Глядите вы? Иль ножницы судьбы
В моих руках? Иль я над жизнью властен?

С о л с б е р и

Нечисто это. Тяжкий стыд,
Что до него унизилось величье!
Желаю вам успеха — и прощайте!

П е м б р у к

Стой, Солсбери. Вдвоем пойдем туда,
Где вотчина несчастного ребенка,
Где королевство малое — могила,
В которую насильем он уложен.
Была его наследьем вся страна —

Три фута получил он. Подлый мир!
Но этого нельзя терпеть. И скоро
Спадет с нас бремя скорби и позора.

Л о р д ы уходят.

К о р о л ь И о а н н

Они горят негодованьем. Каюсь!
Непрочно то, что строишь на крови!
Чужая смерть для жизни не спасенье.

Входит г о н е ц.

Как сумрачен твой взор! А где румянец,
Что на лице твоём всегда играл?
В тяжелых тучах небо: грянет буря.
Будь вестником ее. Ну, как дела
Во Франции?

Г о н е ц

Вся Франция идет
На Англию. Таких огромных сил
Еще не собирали для вторженья.
Вы научили их не мешкать с делом, —
И вместо вести о военных сборах
Приходит весть, что враг уж тут как тут.

К о р о л ь И о а н н

Ну, а лазутчики-то наши, что ж?
Валялись пьяные? А мать моя?
Не слышала она, что столько войска
Собрал француз?

Г о н е ц

Мой государь, земля
Ей слух закрыла. Первого апреля
Скончалась ваша царственная мать.
А за три дня до этого, как будто,
Констанция, я слышал, умерла,
Лишившись разума. Но, может быть,
Известье это — болтовня пустая.

К о р о л ь И о а н н

Повремени, коварная судьба!
Вступи со мной в союз, чтоб успокоил
Я пэров недовольных! Мать скончалась!
Во Франции дела сложились худо. —
А кто ведет французские войска,
Которые к нам вторглись, говоришь ты?

Г о н е ц

Дофин.

К о р о л ь И о а н н

От всех вестей, что ты принес,
Мутится ум.

Входят Б а с т а р д и П и т е р и з П о м ф р е т а.

(Бастарду)

Ну, расскажи, какая
О действиях твоих идет молва?
Ты только помни: голова моя
Полным-полна худыми новостями.

Б а с т а р д

Когда о худшем слышать не хотите, —
Оно на вас обрушится неслышно.

К о р о л ь И о а н н

Прости, племянник. Опрокинут был
Я грозным валом бед. Но вот опять
Я всплыл, могу дышать, готов услышать
Все, что угодно, и от всех на свете.

Б а с т а р д

Каких я дел наделал у попов,
Увидите вы, деньги посчитав.
Но возвращаясь, сразу я заметил,

Что в страшном возбужденье весь
народ,
Повсюду бредни дикие и слухи,
Чего-то все бояться, а чего —
Не знают сами. Вот, со мной пророк:
Я в Помфрете схватил его, — за ним
По улицам ходили толпы сброда.
Он им вещал нескладными стихами,
Что до полудня в праздник Вознесенья
Вы, государь, утратите венец.

К о р о л ь И о а н н

(Питеру)

Зачем ты это все болтал, бездельник?

П и т е р

Предвидел я, что так оно и будет.

К о р о л ь И о а н н

Бери его, мой Хьюберт, и в тюрьму!
А в день и час, когда по предсказанью
Я должен пасть, — пускай его повесят.
Отдашь под стражу — и скорей назад:
Ты нужен будешь мне.

Хьюберт уходит с Питером.

Племянник милый!
Слышал ты, кто пожаловал к нам в гости?

Б а с т а р д

Французы, государь. Все это знают.
Я встретил Бигота и Солсбери.
Глаза у них пылали, точно угли,
Раздутые сейчас. А с ними вместе
Другие шли разыскивать могилу
Артура — будто бы он в эту ночь
Был умервщлен по вашему приказу.

К о р о л ь И о а н н

Мой милый родич, отправляйся к ним,
Уговори их возвратиться: знаю
Я средство, чтобы их сердца привлечь.

Б а с т а р д

Я разыщу их.

К о р о л ь И о а н н

Торопись: пускай
Одна нога другую обгоняет.
О, только б подданный не стал врагом,
Когда страну пугает чужеземец
Блистательно удавшимся вторженьем!

Меркурию подобно, окрыли
Свои стопы и с быстротою мысли
Лети и к пэрам и назад ко мне.

Б а с т а р д

Дух времени научит быстроте.

(Уходит.)

К о р о л ь И о а н н

Вот речи подлинного дворянина!

(Гонцу.)

Ступай за ним: ему быть может, нужен
В переговорах с пэрами гонец.
Ты будешь им.

Г о н е ц

Охотно, государь.

К о р о л ь И о а н н

Скончалась мать моя!

Возвращается Х ь ю б е р т.

Хьюберт

Болтают, государь, что нынче ночью
Пять лун светили в небе и кружилась
Одна из них диковинно вокруг
Недвижных четырех.

Король Иоанн

Пять лун?

Хьюберт

Безумцы

И старики на улицах вещают
О судьбах злых, без устали твердя
Про смерть Артура, головой качая
И что-то на ухо шепча друг другу.
Рассказчик слушателя своего
Хватает за руку; тот хмурит брови,
Кивает мрачно, в ужасе глазами
Вращает. Видел я: стоит кузнец,
Над наковальней молот занеся,
Но, позабыв о стынущем железе,
Глощает он, разинув рот, слова
Приятеля-портного, тот же с меркой
И ножницами, в шлепанцах (причем
Он в спешке перепутал их) болтает,
Что в Кенте тысячи солдат французских

Уже стоят в порядке боевом.
Но тут же перебив его, другой
Почтенный мастер, тощий и немытый,
Заводит речь о гибели Артура.

К о р о л ь И о а н н

Скажи, ты хочешь в страх меня вогнать,
Без устали твердя про смерть Артура?
Твоей рукой убит он. Пусть желал я
Его кончины — что тебе-то в ней?

Х ь ю б е р т

Что, государь? А ваше повеленье?

К о р о л ь И о а н н

Проклятье королей, что служат им
Рабы, которым их любая прихоть —
Указ на беспощадное вторжение
В обитель жизни. Мы едва моргнем —
Они закон в глазах у нас читают.
Беда величья — что случайный взгляд
Возможно счесть обдуманном решением.

Х ь ю б е р т

(протягивая ему бумагу)

Вот подпись ваша и печать под ней.

К о р о л ь И о а н н

Да, в страшный час последнего расчета
Меж небом и землей — печать и подпись
На нас проклятье божье навлекут.
Как часто мы свершаем злое дело
Лишь потому, что так доступны средства!
Случайно оказался ты при мне,
Отмеченный рукой самой природы,
Назначенный для гнусного деянья, —
Вот мне на ум убийство и пришло.
Мне подсказал ужасный облик твой,
Что ты легко пойдешь на преступленье,
Что ты годишься для опасных дел —
И бросил я намек на смерть Артура.
А ты, подлаживаясь к королю,
Не побоялся принца погубить.

Х ь ю б е р т

Мой государь...

К о р о л ь И о а н н

Ты только покачал бы головой,
Ты притворился б только, что не понял,
Ты б с удивленьем на меня взглянул,
Как будто ожидая пояснений, —
И тяжкий стыд сковал бы мне уста,

И ужас твой во мне родил бы ужас.
Но как легко схватил ты мой намек,
Греховным замыслам ответив ловко!
Без колебаний согласилось сердце
И поднялась жестокая рука,
Свершая то, что мы назвать не смели.
Прочь! На глаза не попадайся мне!
Дворянством я покинут, силы вражьи
Почти что вламываются в ворота,
И даже существо мое — страну
Моей живой и полной силы плоти
Усобица терзает: это совесть
С убийством родича не примирилась.

Х ь ю б е р т

Идите в бой на внешнего врага,
А с совестью я сразу примирю вас.
Племянник ваш живет: рука моя,
Как девушка, чиста, и нет на ней
Кровавых пятен. Сердца моего
Смутить не мог соблазн смертоубийства.
В моем обличье оскорбили вы
Саму природу: как оно ни грубо,
В нем есть душа, и стать она не в силах
Невинного ребенка палачом.

К о р о л ь И о а н н

Артур живет? Беги скорее к пэрам
И этой вестью ярость их залей,
Чтоб, укротив, вернуть к повиновенью.
Прости мне то, что я в сердцах сказал
Про облик твой. Ведь я ослеп от гнева:
В кровавой дымке мне твое лицо
Страшней казалось, чем оно на деле.
Не отвечай — я раздраженных лордов
Жду с нетерпением в комнате своей.
Беги за ними слов моих быстрее.

Уходят.

Сцена 3

Перед замком. На стену всходит А р т у р.

А р т у р

Да, высока стена, а прыгнуть надо.
Будь милосердна, добрая земля.
Меня здесь мало знают, и притом
На мне одежда юнги. О, как страшно!
И все ж я попытаюсь. Если, спрыгнув,
Не разобьюсь, — дорогу на свободу
Найду я без труда — и не одну:
Уж лучше в бегстве смерть, чем смерть в плену.

(Прыгает вниз.)

Ах, камни с дядей заодно. Господь,
Мой дух — тебе; земле английской — плоть!

Входят Пембрук, Солсбери и Бигот.

С о л с б е р и

В Сент-Эдмондсбери я с ним встречусь, лорды.
Спасенье в этом: отвергать нельзя
Любезных предложений в час суровый.

П е м б р у к

А кто привез письмо от кардинала?

С о л с б е р и

Французский рыцарь, граф Мелён. В беседе
Он больше рассказал мне, чем письмо,
О добрых чувствах юного дофина.

Б и г о т

На завтра утром встречу мы назначим.

С о л с б е р и

Не медля надо ехать: ведь к нему
Никак не менее двух дней пути.

Входит Б а с т а р д.

Граф Солсбери

Б а с т а р д

Вновь мы сошлись, разгневанные лорды!
Король вас просит поскорей прийти.

С о л с б е р и

Он сделал все, чтоб мы порвали с ним.
Мы честью нашей не хотим латать
Истасканной, запятнанной порфиры
И не пойдем за ним: его нога

Повсюду след кровавый оставляет.
Нам худшее известно, — так ему
И передай.

Б а с т а р д

Решайте, как хотите.
По мне — ответить лучше добрым словом.

С о л с б е р и

Сильнее всех приличий — наша скорбь.

Б а с т а р д

Сейчас для скорби нет у вас причин,
И, значит, нет причин забыть приличье.

П е м б р у к

Сэр, сэр! В права вступает нетерпенье!

Б а с т а р д

В права — на вас одних навлечь беду.

С о л с б е р и

Темница — здесь.

(Заметив тело Артура.)

А это кто лежит?

П е м б р у к

Как царственен и чист твой облик, смерть!
Земля не схоронила злодеянье!

С о л с б е р и

Убийца ужаснулся и не скрыл
К возмездию взывающее дело.

Б и г о т

Могиле обрекая красоту,
В могилу не посмел ее упрятать.

С о л с б е р и

Сэр Ричард, вы что скажете? Случалось
Вам это видеть, слышать, иль читать,
Иль думать о подобном? Видя это,
Глазам вы верите? Могла бы мысль
Возникнуть о таком, когда б глаза
Не увидали? Вот предел, вершина,
Венец, корона рыцарского шлема
В гербе убийцы! Самый злой позор,
Свирепейшее зверство и подлейший
Из всех ударов, что могли нанести

Слепая злоба или ярый гнев,
Чтоб состраданье слезы проливало.

П е м б р у к

Убийства дней былых — ничто пред этим,
И беспримерностью своей оно
Должно придать и чистоту и святость
Злодействам нерожденных поколений.
Нет зрелища страшнее; рядом с ним
Покажется любая бойня шуткой.

Б а с т а р д

Кровавое и мерзкое деянье!
Жестокая рука его свершила,
Когда виновна чья-нибудь рука.

С о л с б е р и

“Когда виновна чья-нибудь рука”?
Мы этого, пожалуй, ожидали.
Свершилось Хьюберта рукою гнусной,
Задумал же и повелел король.
От верности ему я отрекаюсь,
Склонясь над этим мертвым нежным телом.
Над бездыханной прелестью его
Мой вздох да вознесется фимиамом
Священного и страшного обета —

Не ведать больше радостей мирских,
Не осквернить веселием души,
Чуждаться лени и бежать покоя,
Покуда славой не покрою руку,
Которую я мщенью посвятил.

П е м б р у к и Б и г о т

Твои слова мы свято подтверждаем!

Входит Х ь ю б е р т.

Х ь ю б е р т

Я, право, сбился с ног, ища вас, лорды.
Живет Артур! Король вас ждет к себе.

П е м б р у к

Какая дерзость! Он не покраснел
Пред ликом смерти! — Прочь отсюда, изверг!

Х ь ю б е р т

Не изверг я!

С о л с б е р и

(обнажая меч)

Пора мне заменить
Судью и палача.

Б а с т а р д

Блестит ваш меч,
Но лучше вы в ножны его вложите.

С о л с б е р и

Убийцы шкура — вот ему ножны!

Х ь ю б е р т

Лорд Солсбери, ни с места, говорю вам!
Мой меч наверно не тупей, чем ваш.
Я не хотел бы, чтоб к защите правой,
Забывшись, вы принудили меня,
И я бы сам, такую видя ярость,
Забыл ваш ранг, величие и честь!

Б и г о т

Смердящий пес! Грозишь ты дворянину?

Х ь ю б е р т

Нет, но своей безвинной жизни ради
И против цезаря я поднимусь!

С о л с б е р и

Убийца ты!

Хьюберт

О нет, и вы меня
Не делайте убийцей. Кто клеветет —
Неправду говорит, а где неправда —
Там ложь.

Пембрук

Руби его!

Бастард

Ни с места, лорды!

Солсбери

Прочь, Фоконбридж! Не то тебя ударю!

Бастард

Ударь-ка лучше черта, Солсбери!
Ты только шевельнись, нахмурься грозно,
Худое слово, не сдержавшись, брось, —
Прикончу мигом! И бери-ка меч,
Не то тебя я с вертелом твоим
Так двину, что подумаешь: из ада
Сам черт пришел.

Б и г о т

Как, славный Фоконбридж!
Ты защищаешь изверга, убийцу?

Х ь ю б е р т

Не убивал я.

Б и г о т

Кем же принц убит?

Х ь ю б е р т

Когда я час назад его оставил,
Он был здоров. Я чтил его, любил,
Оплакивать до самой смерти буду
Утрату этой жизни.

С о л с б е р и

Нет, не верьте
Слезам коварным. Увлажнять глаза
Умеют и злодеи. Уж поверьте —
Он мастер изливать из глаз своих
Невинности и жалости потоки.
Скорей за мною все, кому противен
Тошнотный запах бойни. Здесь меня
Удушит преступленья тяжкий смрад.

Б и г о т

Скорее в Бери. Встретимся с дофином!

П е м б р у к

Скажите королю: пусть ищет нас.

Л о р д ы уходят.

Б а с т а р д

Хорош же мир! Об этом славном деле
Ты знал? А если гнусное убийство
Совершено тобой, ты проклят, Хьюберт,
Как ни безмерна милость божья...

Х ь ю б е р т

Сэр,

Послушайте!

Б а с т а р д

Сначала доскажу:
Как черный... нет, всего черней твой грех! —
Как Люцифер, владыка зла, ты проклят.
Нет мерзостнее грешника в аду,
Чем будешь ты, раз ты убийца принца.

Хьюберт

Клянусь душой...

Бастард

А если допустил ты
Деянье зверское — умри в тоске.
Нужна тебе веревка? Хватит нити,
Которую паук прядет. Повиснешь
Ты на тростинке хрупкой, как на балке.
Пойдешь топиться? В ложку влей воды —
И ложка превратится в океан,
Чтоб гнусного злодея поглотить.
Ты у меня на тяжком подозрении.

Хьюберт

О, если я согласьём, мыслью, делом
Помог исхитить душу, что жила,
Прекрасная, в прекрасном этом прахе,
Пусть для меня в аду не хватит мук.
Когда расстались мы, он был здоров.

Бастард

Возьми его и унеси отсюда.
Я потрясен, я словно заблудился
В колючих, страшных чащах этой жизни.

О, как легко вся Англия восстала!
С последним вздохом умершего принца
Жизнь, и права, и правда всей страны
Исчезли в небе. Англии осталось
Зубами и когтями раздирать
Наследье королей в борьбе за власть.
Вот, на обглоданную кость величья,
Как пес, уже щетинится война
И миру кроткому рычит в лицо.
Вот, чужеземный враг и свой мятежник
Соединили силы; смута ждет,
Как ворон над полуиздохшим зверем,
Чтоб сгинула несправедная власть.
Счастливы те, кого их плащ и пояс
В ненастье защитят. — Возьми ребенка;
Иди скорей за мной. Я — к королю.
Забот и дел кругом несметный рой,
И взор небес мрачнеет над страной.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Дворец короля Иоанна.

Входят король Иоанн, Пандольф (с короной в руках)
и свита.

Король Иоанн

Итак, венец величья моего
Я отдал вам.

Пандольф

(возвращая ему корону)

Назад его примите
Из рук моих, а с ним, как дар от папы,
Державный королевский сан и власть.

Король Иоанн

Сдержите же теперь святое слово:
Войска французские остановите
Во имя папы, чтобы нам в огне

Здесь не погибнуть. Графы восстают,
И наш народ отверг повиновение;
Он чужеземцу присягнуть готов
И полюбить заморского владыку.
Разлитье яростное этой желчи
Предотвратить способны только вы.
Не медлите: недуг зашел далеко,
И, чтобы он не стал неизлечим,
Здесь быстрое потребно врачеванье.

П а н д о л ь ф

Мое дыхание раздуло бурю,
Когда глумились вы над властью папы.
Теперь же вы раскаялись в грехе —
И мой язык уймет грозу войны,
Чтоб возвратить вам ясную погоду.
В день Вознесенья нынче — знайте это —
Вы присягнули папе, — и французы
По слову моему опустят меч.

(Уходит.)

К о р о л ь И о а н н

Сегодня Вознесенье? Предсказатель
Вещал тогда, что в Вознесенье утром
Сложу я свой венец, — и вышло так.

Страшился я — меня к тому принудят,
Но, слава богу, дело сделал сам.

Входит Б а с т а р д.

Б а с т а р д

Весь Кент в руках врага, и не сдается
Лишь замок Довер. Лондон, словно гостя,
Дофина с войском принял. Ваши лорды
Вас не желают слушать и пошли
Свои услуги предлагать врагу;
Сторонников же ваших ненадежных
Безумное смятение охватило.

К о р о л ь И о а н н

Но почему, узнав, что жив Артур,
Не захотели лорды возвратиться?

Б а с т а р д

Он под стеною мертвым найден был;
Пустой ларец!.. Бесценный жемчуг жизни
Украла чья-то подлая рука.

К о р о л ь И о а н н

Мерзавец Хьюберт мне сказал, что жив он.

Б а с т а р д

Клянусь душою, он и думал так!
Но почему вы головой поникли,
И скорбь у вас во взоре? Быть вам надо
В делах своих, как в замыслах, великим.
Пускай в очах властителей земных
Не видит мир ни страха, ни сомнений!
Так будьте же стремительным, как время, —
Огонь с огнем, угроза на угрозу, —
Глядите смело в страшный лик беды,
Чтоб низкие, готовые всегда
Великим подражать, на вас взирая
И тоже возвеличившись душой,
Решимостью прониклись боевой.
Вперед! Вы будете как бог войны,
Блистающий в лучах на поле бранном:
Пусть в вас горят уверенность и храбрость.
Хотят враги, напав на льва в берлоге,
Чтоб устранился он, затрепетал?
О, да не будет так! С бедою злой
Схватитесь в поле, дальше от ворот,
Пока она не подошла вплотную.

К о р о л ь И о а н н

Я принимал здесь папского легата;
Счастливый мир мы заключили с ним:

Он обещал мне, что уйдет обратно
Войска дофина.

Б а с т а р д

О, бесславный сговор!
Ужели мы, тут, на своей земле,
Должны идти на сделки, на уступки,
На подлый торг и на постыдный мир
С врагом-захватчиком? Юнец безусый,
Бездельник, неженка в шелках, дерзнет
На родине героев подвизаться,
Насмешливо развеет в нашем небе
Свои знамена, не найдя отпора?
Нет, государь, к оружию! Может быть,
И кардинал не выговорит мира;
А если да, пускай никто не скажет,
Что мы обороняться не смогли.

К о р о л ь И о а н н

Сейчас — тебе распоряжаться всем.

Б а с т а р д

Смелей вперед! Мы защитим свой дом,
Вступая в бой и не с таким врагом!

Уходят.

Сцена 2

Лагерь дофина близ Сент-Эдмондсбери.

Входят вооруженные Людовик, Солсбери, Мелён,
Пембрук, Бигот и войска.

Л ю д о в и к

Пусть это перепишут и для нас
Оставят список, граф Мелён, а лордам
Вы подлинник вернете, чтоб они,
А также мы всегда могли прочесть,
О чем договорились, в чем клялись
У алтаря, и чтобы нерушимой
И твердой клятва верная была.

С о л с б е р и

Ее мы не нарушим никогда.
Но, доблестный дофин, хоть мы клялись
По доброй воле вам служить поддержкой, —
Поверьте, я не рад, что мы должны
Недуг лихого времени лечить
Таким проклятым средством, как мятеж,
И, рану застарелую врачуя,
Другие наносить. Душа скорбит,
Что должен извлекать я меч из ножен,
Чтоб умножать вдовиц в моей стране,
Где к Солсбери взывают для спасенья

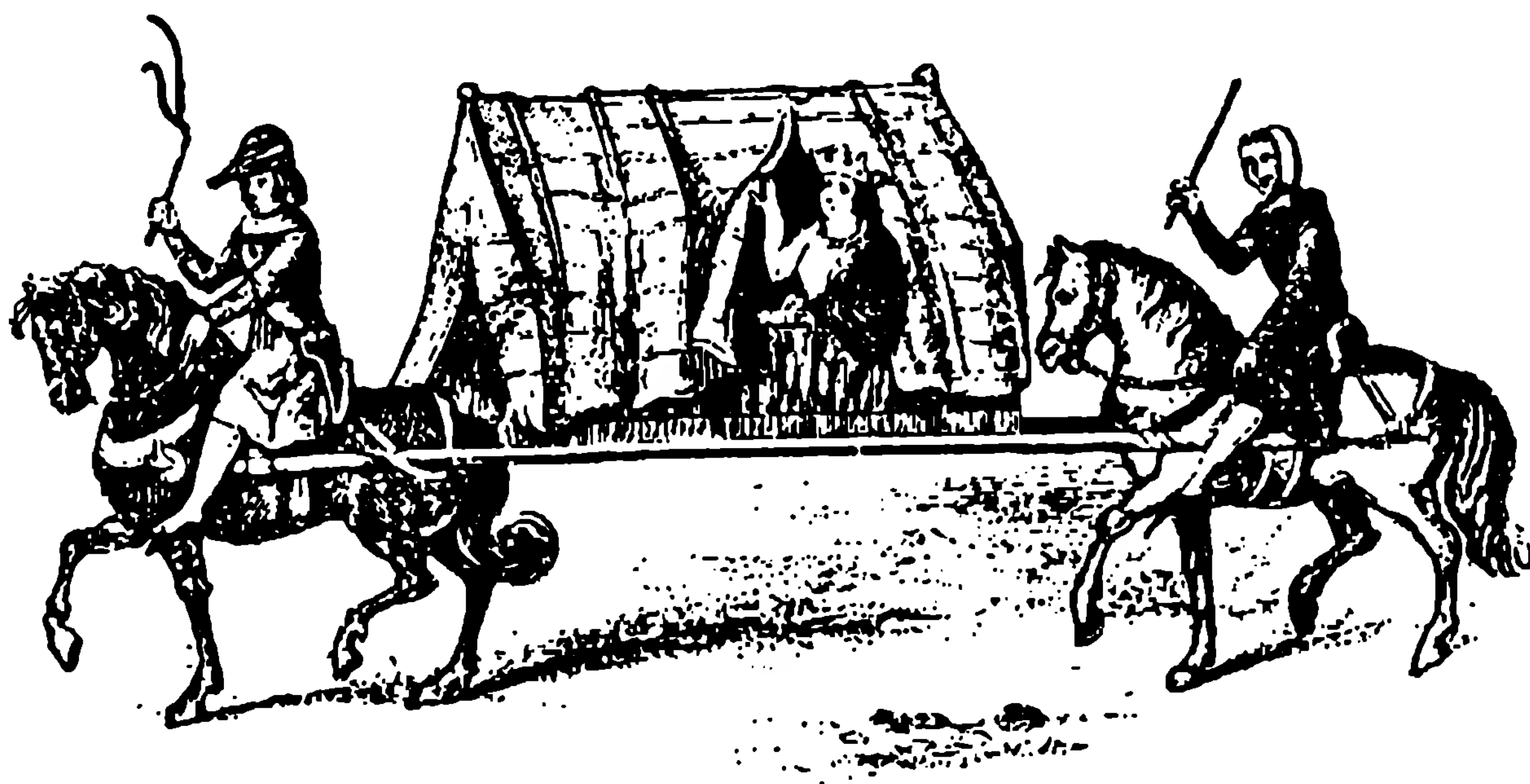
И для защиты грозной от врага.
Но так полно заразой это время,
Что мы оздоравливать свои права
Принуждены рукой неправды черной
И незаконной смуты. О, друзья,
Скорбящие друзья мои! Как горько,
Что рождены мы островом своим,
Чтоб видеть час его беды жестокой,
Идя за чужеземцем, попирасть
Земли родимой ласковое лоно
И числиться в рядах ее врагов
(Я отойду оплакать честь свою,
Позором омраченную невольным), —
Среди дворян заморских подвизаясь,
Чужим знаменам открывая путь!
Чужим? О, если б встал ты, мой народ!
О, если бы Нептун, что сжал тебя
В объятьях мощных, мог тебя заставить
Забыть дела твои и перенес
К неверным оба христианских войска,
Чтоб их враждующая кровь слилась
В один поток союзный и не стала
Преступно истекать в борьбе взаимной!

Л ю д о в и к

Как высоки и речь твоя и дух!
Боролись чувства страстные в тебе,

И взрывом благородства завершился
Их поединок. Славно же сразились
Святая честь с нуждою слишком властной!
Дай отереть мне чистую росу,
Что на щеках твоих засеребрилась.
Меня нередко трогал женский плач,
Хотя привычны мы к потокам этим;
Но мужем гордым пролитые слезы,
Душевной бурей рожденный ливень
Дивит глаза и изумляет дух,

Средневековые королевские носилки

Как будто надо мною небосвод
Пронизан весь огнями метеоров.
Но, славный Солсбери, чело свое
Ты подними и мужественным сердцем

Отринь дыханье бури, а слезам
Из глаз ребячьих литься предоставь,
Не видевших грозы в великом мире,
Из глаз того, кто мог изведать счастье
Лишь на пирах, где смех и болтовня
Подогревают кровь. Ну, полно, друг:
В кошель успеха ты запустишь руку
Так глубоко, как сам дофин Людовик,
Как все дворяне, силу мышц своих
Связавшие с моей.

Входит Пандольф со свитой.

О, видно, мне
Слова подсказывал небесный ангел;
Смотрите, к нам идет святой легат,
От бога он несет нам полномочья;
Его благословенье освятит
Деянья наши.

Пандольф

Мой привет дофину!
Узнайте: ныне примирился с папой
Король Иоанн и укротил свой дух,
На церковь восстававший, нашу мать,
На Рим — святой престол, столицу веры.
Сверните же грозящие знамена,
И да смирится буйный дух войны,

Да ляжет он, как прирученный лев,
У ног святого мира и отныне
Да будет страшен людям лишь по виду.

Л ю д о в и к

Святой отец, простите: отступить
Не стану я, и так высок мой род,
Что не могу я быть ничьим слугой,
Приказы получать, как подчиненный,
Как подданный, и быть слепым орудьем
Какой-нибудь державы. Сами вы
Раздули тлеющий огонь войны
Меж нами и несчастным этим краем,
Вы топлива подбросили, и пламя
Теперь уже не затушить дыханьем,
Которое смогло его разжечь.
Вы доказали мне мои права
На эти земли, вы уговорили
Меня начать поход, — и вот, сейчас
Являйтесь с известьем, что Иоанн
Смирился перед Римом? Что мне в этом?
Я, в силу прав супружеских — преемник
Артура юного, король английский.
Наполовину покорив страну,
Я отступлюсь лишь потому, что Рим
С Иоанном помирился? Раб я Риму?
Дал Рим хоть грош, послал солдат, припасы,

Чтоб нам помочь? Не я ли на себя
Все бремя взял? Не я ль и те, кто клятвой
Со мною связан, тяготы несем?
И разве не слышал я, как кричали
“Vive le roi” *островитяне эти,
Едва я подплывал к их городам?
Игра идет, все козыри держу я —
И брошу их, не выиграв венца?
Такого не дождетесь вы конца!

П а н д о л ь ф

Поверхностен ваш взгляд на это дело.

Л ю д о в и к

Поверхностен иль нет, — не отступлюсь,
Покуда чести всей не обрету,
Которую сулили мне надежды,
Когда сзывал я доблестную рать,
Когда скликал я пламенные души,
Достойные глядеть в лицо победы
И вырвать славу из зубов у смерти.

Трубы.

* Да здравствует король! (Франц.)

Что нам запела звонкая труба?

Входит Б а с т а р д со свитой.

Б а с т а р д

Согласно всем обычаям почтенным
Прошу вас выслушать меня. Я послан
От короля, отец мой кардинал,
Узнать исход переговоров ваших.
Ответ же мне укажет, что за речи
Обязан здесь держать я как посол.

П а н д о л ь ф

Дофин, упорствуя, внимать не хочет
Моим миролюбивым увещаньям.
Он отказался опустить свой меч.

Б а с т а р д

Клянусь я кровью, закипевшей гневом, —
Юнец ответил дельно! — А теперь
Король английский отвечает вам
Через меня: готов он в бой — как должно,
Вторжение наглое и шутовское,
Дурацкая игра в парад военный,
Вся шайка безбородых сорванцов
Ему смешны, и он готов прогнать
С земли своей ударами хлыста

Ребятчье войско, армию пигмеев.
Неужто мощная его рука,
Что трепку вам у вашего порога
Так славно задала, загнала в дом,
Что вас заставила нырять, как ведра
В колодцы, прятаться в навозных кучах,
Среди свиней скрываться по хлевам,
Таиться, как заклады, в сундуках,
Убежища искать в темницах, в склепах,
Заслышав карканье своих ворон,
Дрожать от страха: “Это англичане!” —
Неужто здесь ослабла та рука,
Что с вами справилась под кровлей вашей?
Нет! Знайте, наш король вооружился.
Он, как орел, почуял, что гнездо
В опасности, и устремился ввысь,
Чтоб ринуться оттуда на врага.
А вы, ублюдки, вы, неблагодарный
Мятежный сброд, кровавые Нероны,
Терзая чрево родины своей,
Краснейте от стыда! Ведь жены ваши
И девы нежноликие спешат,
Заслышав рев трубы, как амазонки.
Они иглу сменили на копье,
Наперсток на железную перчатку
И нежность душ на ярость боевую.

Л ю д о в и к

Довольно хвастать, отправляйся с миром!
Тебя не переспоришь. Будь здоров!
Нельзя нам тратить время дорогое
На болтуна.

П а н д о л ь ф

Позвольте мне сказать.

Б а с т а р д

Нет, я не кончил!

Л ю д о в и к

Глухи мы для всех.
Бить в барабаны! Языком войны
Сумеем защитить мы наше дело.

Б а с т а р д

Да, бьешь по барабану — он вопит;
Побитые, вы тоже завопите.
Ваш первый барабан пробудит эхо:
Поблизости ему ответит наш,
И так же громко. Чуть в другой забьете, —
Тотчас же новый отзвук, столь же зычный,
Дойдет до облаков и передразнит

Небесный гром. Затем, что здесь стоит, —
Не полагаясь вовсе на легата,
К нему прибегнув больше ради шутки, —
Иоанн-воитель, и с его чела
Грозит вам смерть костлявая: сегодня
Ей будут пищей тысячи французов.

Л ю д о в и к

Бить в барабан! Мы ждем опасных встреч!

Б а с т а р д

Дождешься, принц: он близок, вражий меч.

Уходят.

Сцена 3

Поле битвы.

Тревога. Входят король Иоанн и Хьюберт.

К о р о л ь И о а н н

Ну, как у нас дела? Скажи мне Хьюберт.

Х ь ю б е р т

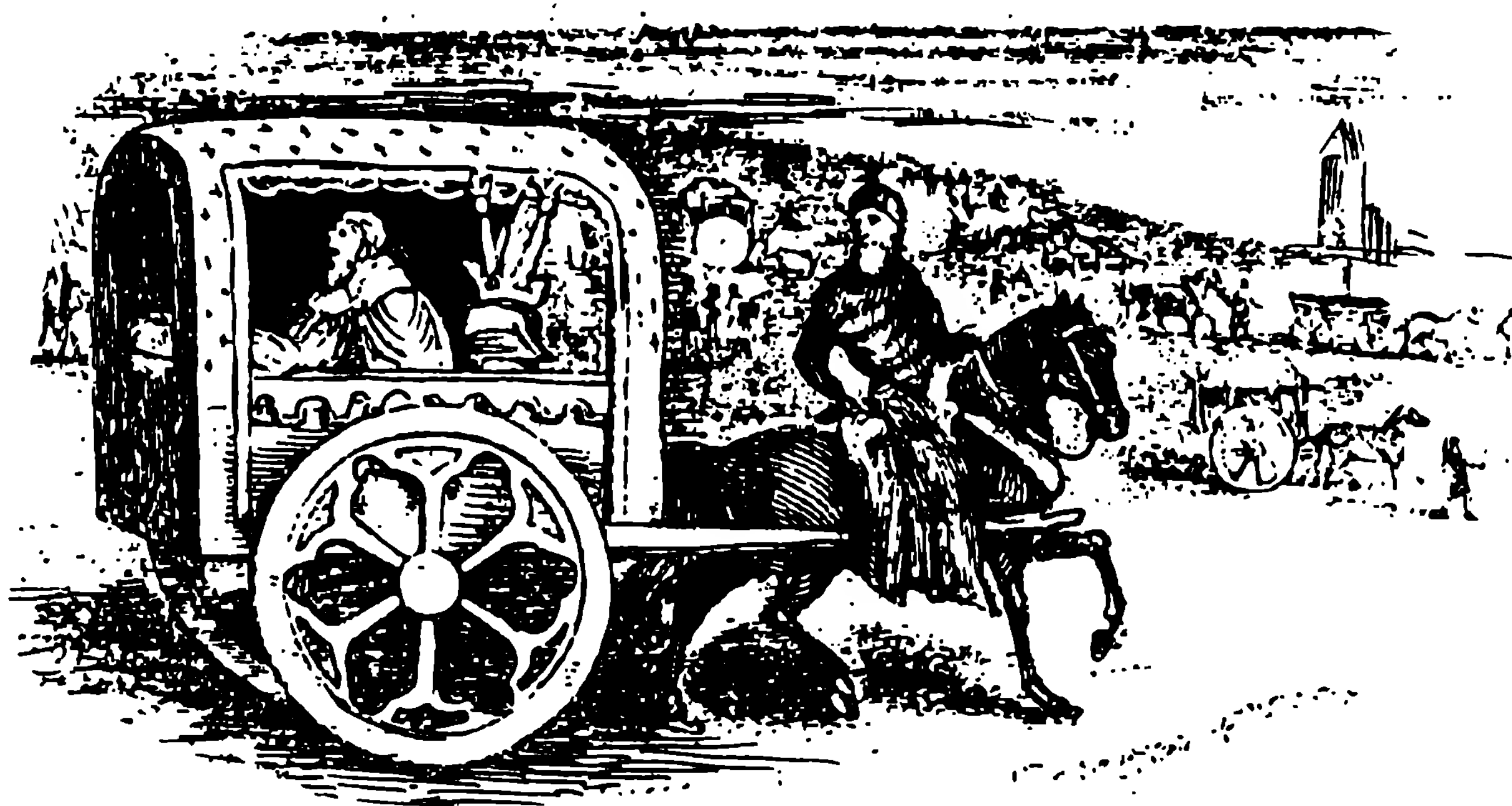
Боюсь, что плохо. Государь, что с вами?

Король Иоанн

Душа болит; к тому же лихорадка
Давнишняя измучила меня.

Входит гонец.

Средневековый обоз (по рисункам XIV века)

Гонец

Мой государь, вас просит Фоконбридж,
Ваш славный родич, удалиться с поля.
Я должен передать ему — куда.

Король Иоанн

Направляюсь я в Суинстедское аббатство.

Г о н е ц

Мужайтесь! Те большие подкрепленья,
Что ждал дофин, три дня назад погибли
На Гудвинских песках. Об этом весть
Сейчас до сэра Ричарда дошла.
Враг отступает, пыл его угас.

К о р о л ь И о а н н

О, горе! Истомила лихорадка.
Не даст порадоваться доброй вести.
Подать носилки и скорее в Суинстед.
Я ослабел, мне труден каждый шаг.

Уходят.

Сцена 4

Входят Солсбери, Пембрук, Бигот и другие.

С о л с б е р и

Не думал я, что столько сохранилось
Друзей у короля.

П е м б р у к

Еще раз в бой!
И подстегнем французов: их побьют —
Нам будет плохо.

С о л с б е р и

Фоконбридж проклятый,
Ублюдок, дьявол, всюду поспевает
На зло судьбе.

П е м б р у к

Я слышал, что Иоанн,
Совсем больной, покинул поле битвы.

Входит раненый, поддерживаемый солдатами Мелён.

М е л ё н

К мятежникам английским подведите.

С о л с б е р и

В дни счастья, помню, мы не так звались.

П е м б р у к

О, граф Мелён!

С о л с б е р и

Он ранен, умирает!

М е л ё н

Всему конец, английские дворяне.
Распутавшейся ниткой надо вам
Из тесного игольного ушка
Своей крамолы выскользнуть. Бегите,
Падите ниц пред вашим королем.
Дофин решил, победу одержав,
За вашу службу верную в награду
Вам головы срубить. Дал в этом клятву
Он сам, и я, и многие другие
В Сент-Эдмондсбери перед алтарем —
Тем самым алтарем, где мы клялись,
Что вечно будем вашими друзьями.

С о л с б е р и

Возможно ль это? Правду ты сказал?

М е л ё н

Да разве смерть в глаза мне не глядит.
И жизнь моя не вытекает с кровью,
Как на огне растаяло бы вмиг
Мое изображение восковое?
Из мира лжи навеки уходя,
Зачем мне лгать, когда я знаю правду,
А правда в том, что здесь я умираю,
И там одной лишь правдой буду жив.

Я повторяю: если, одолев,
Останется Людовик верен клятве,
Вы завтра не увидите рассвета;
Но в эту ночь, что черное дыханье
Уже клубит над кромкой огневой
Усталого слабеющего солнца,
Да, в эту злую ночь, когда победу
Одержит с вашей помощью дофин, —
Предательство свое вы искупите,
Сраженные предательским ударом.
Вы Хьюберту привет мой передайте, —
Он состоит при вашем короле.
Мы дружбу с ним вели, к тому ж мой дед
Был родом англичанин. Потому
Я и решил сейчас во всем признаться.
А вы взамен, прошу вас, уведите
Меня от грохота и шума битвы,
Чтоб думы я последние свои
Додумал мирно, чтоб моя душа
В благочестивых чувствах отлетела.

С о л с б е р и

Тебе мы верим. Пусть я буду проклят,
Коль не сочту прельстительным, прекрасным
Счастливый случай повернуть назад
С недоброго, опасного пути
И, словно усмиренная волна,

Расставшаяся с буйным непокорством,
Опять войти в родные берега
И устремить послушное течение
В наш океан, к великому Иоанну. —
Я помогу нести тебя отсюда
Затем, что муку смертную прочел
В твоих глазах. — Ну, други, новый путь
К старинной правде должен нас вернуть!

Уходят, поддерживая Мелёна.

Сцена 5

Французский лагерь.

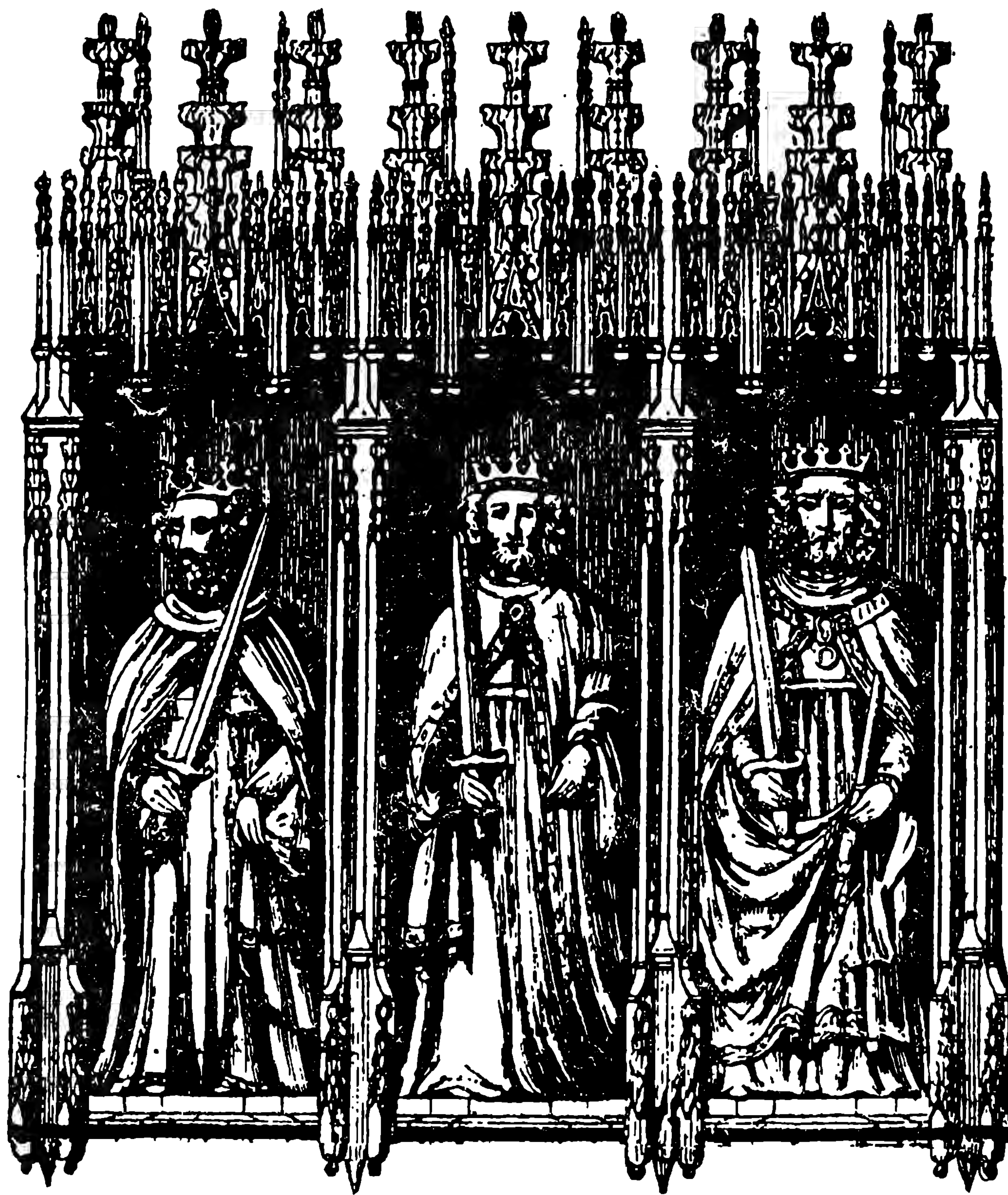
Входит Людовик со свитой.

Л ю д о в и к

Казалось, солнце медлило садиться,
Багрянцем заливая небосвод,
Когда родную землю англичане
Сдавали, отступая. Мы же славно
Закончили кровавый ратный труд,
Вдогонку пожелав им доброй ночи
Последним залпом, и свернули с честью
Знамена рваные, почти оставшись
Хозяевами поля.

Входит гонец.

Фрагмент барельефа в церкви Temple Church

Г о н е ц

Где мой принц?

Л ю д о в и к

Я здесь. Какие вести?

Г о н е ц

Граф Мелён

В сраженьи пал, но убедил пред смертью
Вельмож английских вновь отпасть от вас.
Отряды, посланные вам в подмогу,
Погибли все на Гудвинских песках.

Л ю д о в и к

Будь проклят за подобные известья!
Не думал я, что мне скорбеть придется
Сегодня к ночи. Кто же говорил,
Что сам Иоанн бежал за час иль два
Пред тем, как сумрак сонный разделил
Войска усталые?

Г о н е ц

Кто б это ни был,
Сказал он правду, государь.

Л ю д о в и к

Итак,
Сегодня ночью сторожить усердней!
А утром поднимусь я раньше солнца,
Чтоб снова в битве счастье испытать.

Уходят.

Сцена 6

Открытое место в окрестностях Суинстедского аббатства.

С разных сторон входят Б а с т а р д и Х ь ю б е р т.

Х ь ю б е р т

Кто там? Ответь скорей, не то — стреляю!

Б а с т а р д

Я свой. Ты кто?

Х ь ю б е р т

Из войска англичан.

Б а с т а р д

Куда идешь?

Х ь ю б е р т

А что тебе за дело?
Я у тебя о том же мог спросить.

Б а с т а р д

Как будто Хьюберт?

Х ь ю б е р т

Угадал неплохо.
И своего готов признать я в том,
Кто распознал мой голос в темноте.
Но кто же ты?

Б а с т а р д

Да кто тебе угодно!
А если хочешь быть любезным, думай,
Что я Плантагенетам не чужой.

Х ь ю б е р т

Ах, память, память! Вместе с ночью темной
Ты подвела меня. Прости, храбрец,
Что речь твою и голос твой знакомый
Мой чуткий слух не сразу распознал.

Б а с т а р д

Не извиняйся, брось! Какие вести?

Х ь ю б е р т

Я все брожу под черным сводом ночи
И вас ищу.

Б а с т а р д

Скорее говори.

Х ь ю б е р т

Любезный сэр! Черны, как эта ночь,
Ужасны, тягостны и скорбны вести.

Б а с т а р д

Показывай мне смело эту язву.
Я ведь не баба, чтоб лишиться чувств.

Х ь ю б е р т

Боюсь, не отравил ли короля
Один монах: его почти безмолвным
Оставил я, чтоб вас предупредить
И чтобы вы могли во всеоружье
Беду, на нас нагрянувшую, встретить.

Б а с т а р д

А что он пил? Кто пробовал питье?

Х ь ю б е р т

Я вам сказал — один монах, злодей,
Который тут же сам издох от яда.
Король в сознании. Выживет, быть может.

Б а с т а р д

Кого же ты оставил с королем?

Х ь ю б е р т

Как, вы не слышали? Вернулись лорды,
И с ними Генрих, наш наследный принц.
Его величество по просьбе принца
Их всех простил. Они сейчас при нем.

Б а с т а р д

Не шли нам непосильных испытаний,
О небо грозное! Умерь свой гнев!
Знай, Хьюберт, нынче ночью, проходя
По отмелям линкольнским, половина
Моих солдат была приливом смыта.
Я спасся на коне, хотя с трудом.

Веди же к королю меня: боюсь,
Не умер бы до моего прихода.

Уходят.

Сцена 7

Сад в Суинстедском аббатстве.

Входят принц Генрих, Солсбери и Бигот.

П р и н ц Г е н р и х

Нет, поздно; яд уже в его крови,
И светлый мозг, — который, говорят,
Души бессмертной хрупкая обитель. —
Туманится и страшным бормотаньем
Предсказывает горестный конец.

Входит П е м б р у к.

П е м б р у к

Наш государь еще владеет речью.
Он верит: если вынести его
На свежий воздух, яд уже не будет
Так сильно жечь, и муки облегчатся.

П р и н ц Г е н р и х

Перенесите в сад его скорей.

Б и г о т уходит.

Он мечется?

П е м б р у к

Как будто стал спокойней,
Чем был при вас. Сейчас он пел тихонько.

П р и н ц Г е н р и х

Обманчива болезнь! От сильных мук
В нас чувства притупляются, и смерть,
Что истерзала нашу оболочку,
Ее бросает и теперь незримо
На дух наш ополчается: рои
Причудливых видений жалят, ранят,
Кидаясь на последнюю твердыню
В неистовом порыве. Странно мне,
Что смерть поет, что я сейчас птенец
Больного лебедя, который смерть
Встречает скорбным гимном, слабым вздохом
Органных труб, успокоенья песней
Измученному телу и душе.

С о л с б е р и

Мужайтесь, принц. Назначено судьбой
Вам привести в согласие и порядок
Полученный в наследье тяжкий хаос.

Б и г о т и п р и д в о р н ы е в о з в р а щ а ю т с я , н е с я в к р е с л е к о р о л я
И о а н н а .

К о р о л ь И о а н н

Вот, обрела душа моя простор;
Не надо рваться ей к дверям и окнам.
Такой во мне палящий летний зной,
Что внутренности прахом иссыхают.
Я — лишь рисунок, сделанный пером
На лоскуте пергамента; я брошен
В огонь и корчусь.

П р и н ц Г е н р и х

Государь, что с вами?

К о р о л ь И о а н н

Отравлен... худо мне... покинут, мертв.
Никто из вас позвать не может зиму,
Чтоб ледяные пальцы погрузила
В утробу мне; никто не повелит
Моим английским рекам течь мне в грудь
И не умолит север утолить
Мои уста холодными ветрами.
Немногого прошу: одной прохлады,
Но вы так жестки, так неблагодарны,
И мне ее от вас не получить.

П р и н ц Г е н р и х

О если бы в слезах моих была
Целительная сила!

К о р о л ь И о а н н

Соль их жжет.
Весь ад — в моем нутре, и яд, как дьявол,
Терзает ныне проклятую богом
Отверженную кровь.

Входит Б а с т а р д.

Б а с т а р д

Мой государь!
Я так спешил, что, верно семь потов
С меня сошло; едва дышу от бега.

К о р о л ь И о а н н

Поспел ты, родич, мне закрыть глаза.
Сожгло и разорвало снасти сердца,
А паруса, что надувала жизнь,
Свернулись так, что стали тощей нитью,
И я держусь на этом волоске:
Порвется он, едва доскажешь речь, —
И комом праха станет все, что видишь,
Пустой личиной бренного величья.

Б а с т а р д

Готовится к сражению дофин.
Бог ведает, каким отпор наш будет.
Когда я нынче в ночь для пользы дела
Войска послал в обход, приливный вал,
Внезапно хлынув, лучшие отряды
На отмелях линкольнских поглотил.

К о р о л ь умирает.

С о л с б е р и

Вы мертвому о мертвых говорите.
Мой государь! О горе! Миг назад
Он был король — и чем он стал теперь!

П р и н ц Г е н р и х

Сужден мне путь такой же и конец.
Где в мире мощь, надежда и опора?
Сейчас властитель — прахом станешь скоро.

Б а с т а р д

От нас ушел ты. Я ж обязан жить,
Чтоб выполнить святое дело мщенья!
Потом моя душа тебе послужит
На небесах, как на земле служила. —
Вы, звезды, что вернулись наконец

В свою орбиту, где же силы ваши?
Вновь покажите верность, и за мной,
Скорей за мной! Разруху и позор
Мы выбросим за шаткие ворота
Измученной страны. Живей ударь —
Не то ударит враг. От нас дофин
Не отстает — он в двух шагах отсюда.

С о л с б е р и

Вам, видимо, еще не все известно.
В аббатстве кардинал Пандольф; сейчас
Он отдыхает. Полчаса назад
Он от дофина мирные условия
Привез нам: с честью можно их принять
И прекратить войну без промедленья.

Б а с т а р д

Еще скорей ее он прекратит,
Увидев, как у нас набухли мышцы.

С о л с б е р и

Да он уже почти что сделал это:
Обозы двинул к морю и прислал
К нам кардинала, чтоб уладить спор!
И если вы согласны, то сегодня

После полудня вы, и я, и лорды
Сойдемся с ним и кончим дело миром.

Б а с т а р д

Пусть будет так. Вы, благородный принц,
С другими пэрами, которых мы
Не станем беспокоить, воздадите
Последний долг усопшему отцу.

П р и н ц Г е н р и х

Мы погребенье в Вустере свершим, —
Так повелел он.

Б а с т а р д

Значит, так и будет.
Примите счастливо, мой добрый принц,
Венец и власть над всей страной нашей.
Склонив колено, клятву я даю
Быть вашим верным подданным до гроба
И честью вам и правдою служить.

С о л с б е р и

И мы даем обет любви покорной.
Пускай ничто ее не осквернит!

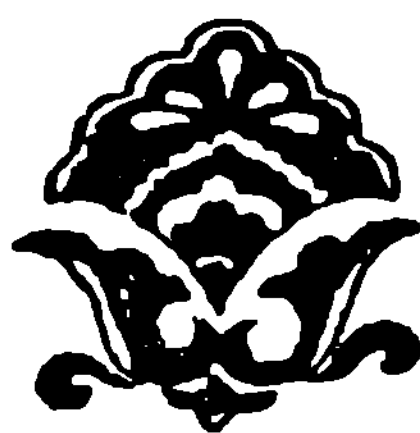
П р и н ц Г е н р и х

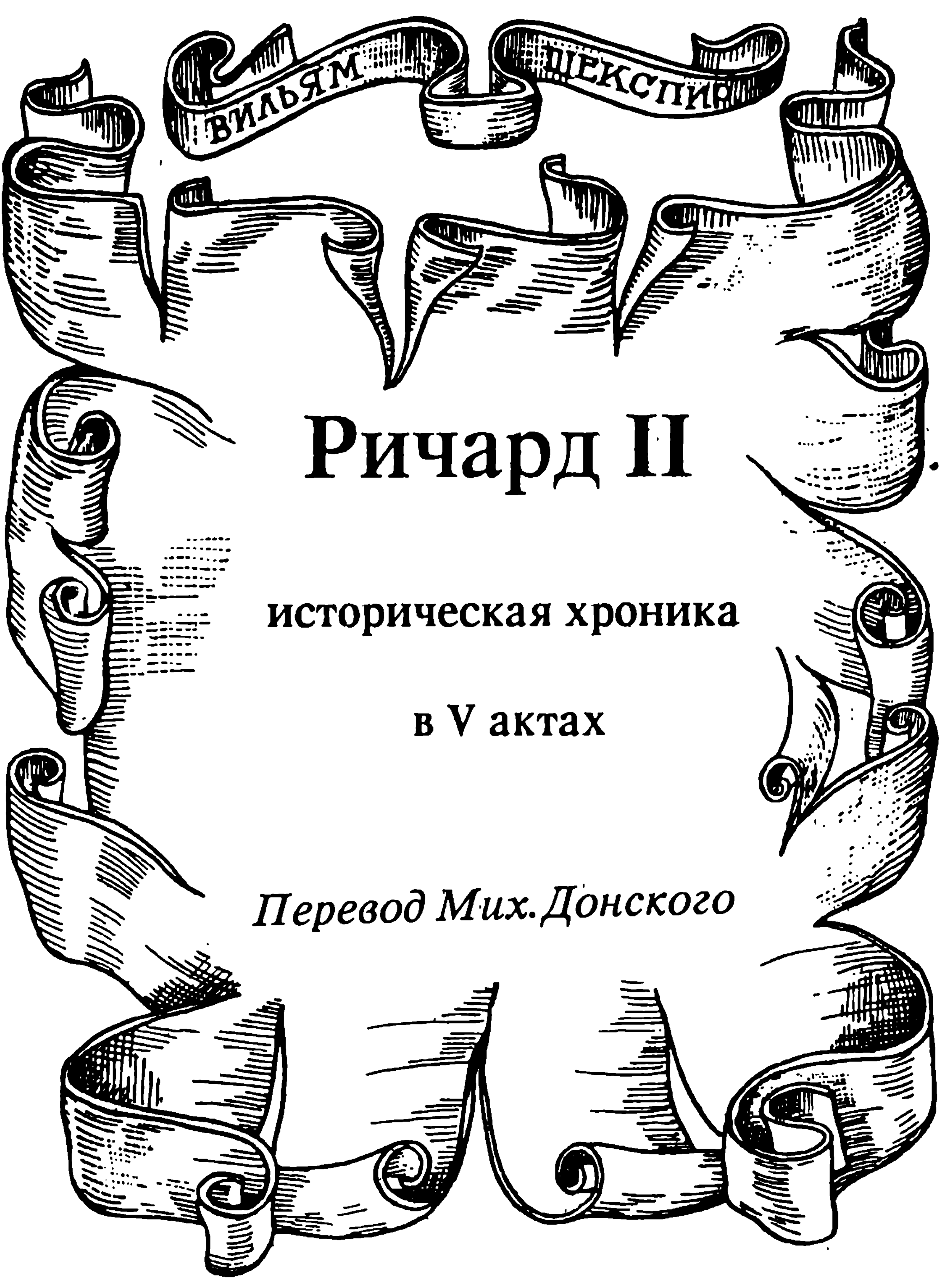
Я вас хотел бы всей душою кроткой
Благодарить, но только слезы лью.

Б а с т а р д

Вперед мы уплатили горькой доле.
Погашен долг; теперь умерим скорбь.
Нет, не лежала Англия у ног
Надменного захватчика и впредь
Лежать не будет, если ран жестоких
Сама себе не нанесет сперва.
К ней возвратились пэры. Пусть приходят
Враги теперь со всех концов земли.
Мы сможем одолеть в любой борьбе, —
Была бы Англия верна себе.

Уходят.

A decorative border made of multiple overlapping, flowing scrolls that frame the central text. The scrolls are drawn with fine lines and cross-hatching for shading.

Уильям

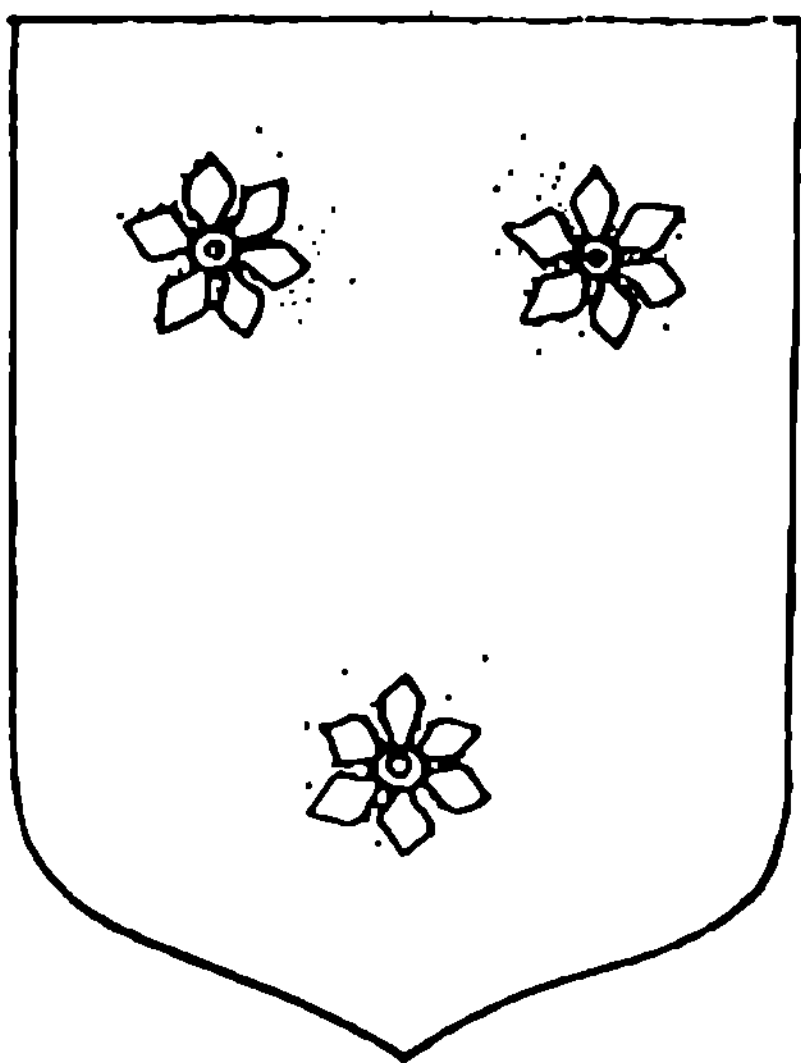
Шекспир

Ричард II

историческая хроника

в V актах

Перевод Мих. Донского

Действующие лица

Король Ричард II

Эдмунд Ленгли, герцог Йоркский		дяди короля.
Джон Гант, герцог Ланкастерский		

Генри Болингброк, герцог Херифорд,
сын герцога Ланкастерского.

Герцог Омерль, сын герцога
Йоркского.

Томас Маубрей, герцог Норфолк.

Герцог Серри.

Граф Солсбери.

Граф Баркли.

Буши		фавориты короля Ричарда.
Бегот		
Грин		

Граф Нортумберленд.

Генри Перси, его сын.

Лорд Росс.

Лорд Уиллоби.

Лорд Фицуотер.

Епископ Карлейльский.

Аббат Уэстминстерский.

Лорд-маршал.

Сэр Пирс Экстон.

Сэр Стивен Скруп.

Капитан отряда уэльсцев.

Королева, жена короля Ричарда.

Герцогиня Глостерская.

Герцогиня Йоркская.
Придворные дамы королевы.

Лорды, герольды, офицеры, солдаты;
садовники, тюремщики, конюхи,
другие служители.

Место действия — Англия и Уэльс.

АКТ I

Сцена 1

Лондон. Зал в королевском дворце.

Входят король Ричард со свитой; Джон Гант
и другие лорды.

Король Ричард

Мой добрый Гант, Ланкастер престарелый,
Привел ли, верный долгу и присяге,
Ты Херифорда, сына своего,
Чтоб громогласно повторил он, в чем
Виновен герцог Норфолк, Томас Маубрей, —

Мы в прошлый раз досуга не имели
Заняться сим.

Г а н т

Да, государь, он здесь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Еще скажи: известно ли тебе —
На герцога доносит он по злобе
Иль обличает тайную измену
Как преданный и добрый наш вассал?

Г а н т

Насколько я могу судить, он знает,
Что вам грозит опасность, государь;
Я в нем не видел затаенной злобы.

К о р о л ь Р и ч а р д

Позвать сюда обоих; пусть они,
И обвиняемый и обвинитель,
Лицом к лицу, нахмурясь друг на друга,
Откроют нам все помыслы свои.

Н е с к о л ь к о п р и д в о р н ы х у х о д я т .

Они горды, высокомерны в споре,
Как пламя, пылки, глухи, словно море.

Возвращаются придворные с Болингброком и Норфолком.

Б о л и н г б р о к

Да будет счастлив много лет король,
Всемилоостивейший мой повелитель.

Н о р ф о л к

Пусть день за днем судьба вам счастье множит,
Пока, к земле ревнуя, небеса
Бессмертной славой вас не увенчают.

К о р о л ь Р и ч а р д

Обоих вас благодарю, хотя
Один из вас кривит душой, как ясно
Из дела, вас приведшего сюда:
В измене обвинили вы друг друга.
Поведай нам, кузен, в чем виноват
Пред нами герцог Норфолк, Томас Маубрей.

Б о л и н г б р о к

Начну с того, — и небо мне свидетель! —
Что преданности полный к государю,
Лишь в мыслях о его благополучье,
А не по злым и низким побужденьям
Пришел я обвинителем сюда.
Теперь скажу тебе я, Томас Маубрей,

И помни, за свои слова ответить
Не побоюсь я телом на земле
Или душой перед судом небесным.
Изменник ты бесчестный и злодей;
Для низости рожден высоко слишком,
Ты слишком низок, чтоб существовать.
Чем небосвод прозрачней и ясней,
Тем тучи кажутся на нем черней.
Изменник ты, — я повторяю снова,
Вобью тебе я в глотку это слово.
Пускай король позволит, и мечом
Я докажу, что не солгал ни в чем.

Н о р ф о л к

Пусть рвенья моего не опорочит
Холодность слов. Но здесь не бабья свара;
Крикливой бранью бойких языков
Не разрешить меж нами эту тяжбу.
Вскипела кровь; ей надо охладиться,
И все-таки я не могу похвастать
Таким терпеньем, чтоб совсем смолчать.
Мешает мне почтение к государю
Словам дать волю и пришпорить их
Так, чтоб вернулись речи об измене
Удвоенными в глотку наглеца.
Не будь он принцем королевской крови,
Кузеном господину моему,

Я плюнул бы ему в глаза и вызвал
На бой, как труса и клеветника.
Чтобы лжеца изобличить, я дал бы
Ему все преимущества в бою;
Его бы я настиг, хотя бы гнаться
За ним пришлось по кручам снежных Альп
Иль по любым безлюдным самым землям

Ричард II Болингброк в Лондоне (средневековая миниатюра)

Из всех, куда ногой ступал британец.
Теперь же, честь свою оберегая,
Спасением души клянусь — он лжет.

Б о л и н г б р о к
(бросая перчатку)

Ничтожный трус, — тебе бросаю вызов,
Отрекшись от высокого родства.
Не поминай о королевской крови,
Свой трепет выдавая за почтение.
И если страх еще оставил силы
В тебе, чтобы перчатку взять, — нагнись!
Залогом этим я клянусь и всеми
Обычаями рыцарства — я буду
Отстаивать в единоборстве честном:
Ты — то, что я сказал, коль не скверней.

Н о р ф о л к
(поднимая перчатку)

Беру перчатку; и клянусь мечом,
Мне возложившим рыцарство на плечи,
Отвечу я на вызов твой достойно.
Пускай наш спор решится поединком,
И пусть живым я не сойду с коня,
Когда правдив донос твой на меня.

К о р о л ь Р и ч а р д

Но в чем, скажи кузен, виновен Маубрей?
Поистине вина должна быть тяжелой,
Чтоб мысль дурную нам внушить о нем.

Б о л и н г б р о к

Я говорил, — и жизнью подтверждаю, —
Что получил он восемь тысяч ноблей
На жалованье, якобы, солдатам,
Но их на гнусные дела истратил,
Как вероломный лжец и негодяй.
Добавлю, — и отстаивать оружием
Согласен это здесь иль где угодно,
Хотя бы в самом дальнем из краев,
Куда британцы проникали взором,
Что всех измен, за восемнадцать лет
Задуманных в стране и совершенных,
Он вдохновитель тайный и глава.
Еще скажу, — и докажу я правду
Ценою жизни этого лжеца, —
Что подло им погублен герцог Глостер:
Трусливо подстрекнул он легковерных
Противников его, — и отлетела
Безвинная душа с потоком крови.
Но, даже из безмолвных недр земли
Та кровь, подобно Авелевой крови,

Взывает к справедливому отмщению;
И совершу я праведную месть
Или умру, — порукой в этом честь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Как высоко взнеслась его решимость!
Что ты на это скажешь, Томас Норфолк?

Н о р ф о л к

Да отвратит лицо мой государь,
Да повелит ушам своим оглохнуть,
Пока тому, кто кровь его позорит,
Я выскажу, как ненавистен людям
И господу такой бесстыдный лжец.

К о р о л ь Р и ч а р д

Глаза и уши наши беспристрастны:
Он только отпрыск дяди моего,
Но, будь мне брат родной или наследник,
И то, — величьем скипетра клянусь, —
Он близостью к священной нашей крови
Добиться бы не мог от нас пристрастья,
Поколебать не мог бы нашу твердость.
Он подданный наш, Маубрей, как и ты, —
Будь смел в речах, не бойся прямоты.

Н о р ф о л к

Коль так, — знай, Болингброк:
ты, сердцем лживый,
Из лживой глотки изрыгаешь ложь.
Три четверти той суммы я в Кале,
Как надлежало, выплатил солдатам;
Остаток взял себе я по условию,
Поскольку должен был мой государь
Мне оплатить издержки на поездку
Во Францию за нашей королевой.
И этой клеветой ты подавись.
Теперь о смерти Глостера. Его
Я не убил; мой долг был сделать это,
Но я, стыжусь, не выполнил обета. —
На вашу жизнь, достойный лорд Ланкастер,
Отец почтенный моего врага,
И вправду я однажды покушался,
И этот грех мне душу тяготит;
Но в прошлый раз, когда я шел к причастью,
Я каялся, просил у вас прощенья
И, уповаю, получил его.
В том грешен я. А все другие вины
Измышлены предателем коварным,
Подлейшим выродком и злобным трусом.
Я это подтвердить готов в бою,
И встречную перчатку я швыряю
К ногам изменника и наглеца,

Чтоб лучшей кровью, заключенной в нем,
Всем доказать, что честный дворянин я.
Пусть на себя властитель примет труд
Назначить поскорее божий суд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Вы, рыцари, пылающие гневом,
Послушайтесь совета моего:
Излейте желчь, но без кровопусканья.
Не лекарь мы, но в этом смыслим тоже:
Слепая злоба на недуг похожа.
Забудьте все и помиритесь вновь,
Ведь в этот месяц не пускают кровь. —
Ну, дядя, сложим силы воедино:
Я Норфолка уговорю, ты — сына.

Г а н т

Кто стар — тот миротворец, искони.
Мой сын, перчатку герцогу верни.

К о р о л ь Р и ч а р д

(Норфолку)

Верни и ты.

Г а н т

Мой сын, повиновенье!
Я приказал, — не жди же повторенья.

К о р о л ь Р и ч а р д

(Норфолку)

Верни перчатку, повинуйся нам.

Н о р ф о л к

Сам брошусь, государь, к твоим стопам.
Хоть жизнь отнять одним ты можешь взором,
Не властен ты покрыть меня позором.
Я жизнь тебе отдам, как долг велит,
Но честь моя лишь мне принадлежит.
Враг честь мою попра; он ей увечье
Нанес отравленным копьем злоречья.
Для этой раны есть один бальзам:
То — кровь клеветника.

К о р о л ь Р и ч а р д

К моим ногам
Перчатку брось. Тебе приказ понятен?
Львы укрощают барсов.

Н о р ф о л к

Да, но пятен
Не могут с барсов снять. Когда б ты мог
Снять стыд с меня, вернул бы я залог.
От века люди честью дорожили:
Ведь без нее мы стали б горстью пыли.
Сокровище на свете разве есть.
Ценней, чем незапятнанная честь?
Нужнее жизни добрая мне слава:
Ее отдав, на жизнь утрачу право.
Так жил я, так умру. О мой король,
За честь мою сразиться мне позволь!

К о р о л ь Р и ч а р д

Кузен, подай пример: верни перчатку.

Б о л и н г б р о к

О! Сохрани господь! Чтоб нашу схватку
Я отменил на радость наглецу?
Как мне тогда смотреть в глаза отцу?
И если бы нанес мне оскорбленье
Мой же язык словами отречения, —
Я был бы беспощаден: в тот же миг
Свой подлый я бы откусил язык,
Чтоб выплюнуть за трусость, в знак укора,
Его в лицо врага — сосуд позора.

Г а н т уходит.

К о р о л ь Р и ч а р д

Нам подобает лишь повелевать,
Но не просить. Коль скоро мы не можем
Вас помирить, то назначаем встречу
Вам в Ковентри в день Ламберта святого.
Там спор, раздутый яростью речей,
Решится сталью копий и мечей.
Раз не миритесь, — тот пусть будет правым,
Чья доблесть победит в бою кровавом.
Лорд-маршал, шлите свой отряд туда
Готовить все для божьего суда.

Уходят.

Сцена 2

Лондон. Покой во дворце герцога Ланкастерского.

Входят Г а н т и герцогиня Г л о с т е р с к а я.

Г а н т

Увы! Мне голос крови говорит
Настойчивей, чем сетованья ваши,
Чтоб я убийцам Глостера отмстил.
Но если наказание — в руках
Того, кто сам причастен к злему делу
И кто не может быть наказан нами, —

Пусть небеса свершают правый суд;
Когда настанет срок, они обрушат
Возмездие на головы злодеев.

Г е р ц о г и н я

Иль мысль о брате гнев твой не пришпорит?
Иль в старом сердце жар любви остыл?
Семь сыновей Эдварда, из которых
Один — ты сам, как семь сосудов были,
Наполненных его священной кровью,
Как семь ветвей единого ствола!
Рок осушил иные из сосудов;
Иные ветви парки отсекли.
Но Томас, милый мой супруг, мой Глостер!..
Он был сосудом с драгоценной кровью,
Цветущей ветвью гордого ствола!
Разбит сосуд кощунственной рукой,
И вытекла божественная влага;
Упала ветвь под топором убийцы,
И облетела пышная листва.
Ах, Гант! Одна утроба вас носила,
Из одного металла в ту же форму
Отлиты вы. И пусть еще ты жив,
Пусть дышишь ты, — но в нем и ты убит.
На смерть отца ты дал свое согласие,
Смотря на гибель брата безучастно:
Ведь Глостер был подобием отца.

Ричард II

Не называй терпением малодушие!
Снеся безропотно убийство брата,
Покажешь ты свирепому убийце,
Что он легко покончит и с тобой.
Терпение к лицу простолюдинам,
У благородных это значит — трусость.
Что мне добавить? Лишь отмстив за брата,
Ты жизнь свою сумеешь сохранить.

Г а н т

Один судья здесь — бог; его наместник,
Помазанный божественным елеем,

Повинен в этой смерти. Пусть же небо
Само отмстит; а я поднять руки
На божьего избранника не смею.

Г е р ц о г и н я

Но кто ж, увы, мои услышит стоны?

Г а н т

Бог, покровитель и защитник вдов.

Г е р ц о г и н я

Да, верно, так. Прощай! Увидишь скоро
Ты в Ковентри, как там на поединке
Сойдутся Херифорд и гнусный Маубрей.
О! Пусть несчастье мужа моего
С копьем кузена Херифорда вместе
Убийце Маубрею вонзится в грудь.
Но коль он в первой сшибке уцелеет,
То пусть под бременем его грехов
Сломается хребет его коня,
Чтоб, грянувшись о землю, трус презренный
Пред Херифордом дух свой испустил.
Прощай! Твой брат был прежде мне супругом,
Теперь мне горе стало вечным другом.

Г а н т

Прощай! Мне ехать в Ковентри пора.
Бог да хранит обоих нас, сестра.

Г е р ц о г и н я

Еще два слова... Скорбь, упав на землю,
Как грузный мяч, опять взлетает вверх, —
От тяжести, а не от пустоты;
Уже простясь, я снова начинаю,
Ведь нет у горя ни конца, ни краю.
Поклон мой брату, Йорку, передай.
Вот, кажется, и все... Ах, нет, постой!
Еще мгновенье, Гант, побудь со мной.
Ты Йорку передай... Что? Вдруг забыла...
Да, — пусть меня он в Плэши навестит.
Увы! Предстанет взору жалкий вид:
Безлюдный дом и двор, нагие стены,
И что услышит он? Не гул приветствий
Но плач вдовы, сраженной ливнем бедствий.
Нет, просто Йорку передай поклон,
Пускай ко мне не приезжает он:
Скорбь незачем искать — она повсюду.
Я там одна до смерти плакать буду.

Уходят.

Сцена 3

Равнина в окрестностях Ковентри. Арена для поединка.
На возвышении трон.

Входят лорд-маршал, Омерль и герольды.

Лорд-маршал

Милорд Омерль, готов ли Херифорд?

Омерль

Готов и боя ждет во всеоружье.

Лорд-маршал

Отважный герцог Норфолк здесь предстанет,
Едва услышит трубный зов врага.

Омерль

Итак, мы тотчас можем бой начать,
Когда его величество прибудет.

Трубы.

Входят король Ричард, Гант, Буши, Бегот, Грин
и другие. Король садится на трон, остальные занимают
свои места.

Звучит труба, ей отвечает другая труба за сценой.

Входит Норфолк в полном вооружении;
ему предшествует герольд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Лорд-маршал, спросите: кто сей рыцарь
И что пришел отстаивать оружием.
Пусть по обычаю нам клятву даст,
Что правое он защищает дело.

Л о р д - м а р ш а л

Пред богом и пред королем ответь!
Кто ты, зачем явился ты с оружием?
С кем хочешь биться ты и в чем ваш спор?
Скажи всю правду, как тебе велит
Честь рыцаря и ленная присяга, —
И небеса дадут тебе защиту!

Н о р ф о л к

Зовусь я Томас Маубрей герцог Норфолк.
Сюда пришел я, верный данной клятве
(Ее нарушить не позволит бог),
Чтоб с герцогом сразиться Херифордом
За честь мою, за правоту мою
Пред богом и пред нашим государем.
И, с божьей помощью, своим оружием
Я докажу, что Херифорд повинен
В измене богу, королю и мне.
Пусть небо мне поможет в правом деле.

Звук трубы. Входит Болингброк в полном вооружении;
ему предшествует герольд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Лорд-маршал, вам спросить повелеваю —
Кто рыцарь сей, закованный в доспехи,
И для чего явился он сюда.
Пусть поклянется, как велит обычай,
Что правое он защищает дело.

Л о р д - м а р ш а л

Ответь: кто ты и почему стоишь
Пред государем на судебном поле?
С кем хочешь ты сразиться, в чем ваш спор?
Скажи всю правду, как достойный рыцарь,
И небеса пошлют тебе защиту!

Б о л и н г б р о к

Я Генрих герцог Херифорд Ланкастер;
Я здесь предстал с оружием, уповая
На божью милость и на мощь свою,
Готовый доказать, что герцог Норфолк
Повинен в мерзостной измене богу
И государю своему, и мне.
Пусть в правом деле мне поможет небо!

Л о р д - м а р ш а л

Под страхом смерти всем запрещено
Вступать на это поле дерзновенно,
За исключением маршала и стражей,
Назначенных следить за поединком.

Б о л и н г б р о к

Лорд-маршал, я о милости прошу:
Пусть мне позволят руку государя
Поцеловать коленопреклоненно.
Мы, я и Маубрей, — двое пилигримов,
Идущих по обету в дальний путь;
Должны мы совершить обряд прощанья,
Родным и близким счастья пожелать.

Л о р д - м а р ш а л

Почтительнейше просит обвинитель
О том, чтоб государь простился с ним
И дал ему для поцелуя руку.

К о р о л ь Р и ч а р д

Мы сами спустимся ему навстречу
И заключим его в свои объятия.
Кузен, тебе желаем в битве сей
Успеха в меру правоты твоей.

В нас кровь одна; но коль твоя прольется, —
Не мстить, а лишь скорбеть нам остается.

Б о л и н г б р о к

Пусть слез не льют о жребии моем,
Коль Маубрей поразит меня копьем.
По вражескому боевому кличу
Я ринусь в бой, как сокол на добычу. —
Прощаюсь с вами, добрый государь,
И с вами, мой кузен, милорд Омерль.
Хоть смерть грозит, — в лицо гляжу ей смело:
Спокоен я — и дух мой бодр и тело.
Как на пиру, где много разных блюд,
Сладчайшее — последним подают,
Так приберег в минуту расставанья
Я для конца сладчайшее прощанье.

(Ганту.)

О ты, родитель! Мой земной творец!
Во мне твоя отвага возродилась;
Она меня поднимет высоко,
Чтоб я схватил летящую победу.
Молитвой укрепи мою броню,
Благословеньем закали копье,
Чтоб словно воск ему был вражий панцирь, —
И новым блеском имя Джона Ганта
Покроет подвиг сына твоего.

Г а н т

Дай бог тебе успеха в правом деле.
Как молния, стремительно карай;
Пусть гром вдвойне удвоенных ударов
Ошеломит преступного врага!
Пусть закипит кровь юная твоя,
Будь пылок и отважен, бейся рьяно!

Б о л и н г б р о к

Святой Георг и правда — мне охрана!
(Садится на свое место.)

Н о р ф о л к

(вставая)

Какой бы жребий ни судил мне бог,
Но будет жить со мной, умрет со мной
Правдивый, честный и достойный рыцарь,
Который предан трону короля.
Так ни один не радовался пленник,
Когда, оковы сбросив наконец,
Он обнимал свободу золотую,
Как я ликую просветленным сердцем,
Встречая этот праздник — бой с врагом! —
Вам, государь, и вам, собратья пэры,
Счастливых лет желаю. Полон веры

В свою победу, с ясною душой,
Как на забаву, я иду на бой.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прощай, милорд! В твоих глазах — отвага;
Тому, кто сердцем чист, желаю блага.
Лорд-маршал, пусть начнется божий суд.

Л о р д - м а р ш а л

Ты, Генрих герцог Херифорд Ланкастер,
Прими копье! Бог за того, кто прав!

Б о л и н г б р о к

Как башня, я в надежде тверд. Аминь!

Л о р д - м а р ш а л

(одному из стражей)

Копье пусть примет Томас герцог Норфолк.

П е р в ы й г е р о л ь д

Здесь Генрих герцог Херифорд Ланкастер
Стоит во имя бога, государя
И самого себя как обвинитель.
Под страхом слыть вовек лжецом и трусом
Берется доказать он, что в измене

И богу, и монарху, и ему
Виновен Томас Маубрей герцог Норфолк,
И вызов шлет он Норфолку на бой.

В т о р о й г е р о л ь д

Стоит здесь Томас Маубрей герцог Норфолк.
Под страхом слыть вовек лжецом и трусом
Готов он, защищаясь, доказать,
Что Генрих герцог Херифорд Ланкастер
В обмане злонамеренном виновен
Пред богом, пред монархом и пред ним.
Он ждет бесстрашно и нетерпеливо
И вступит в бой, лишь подан будет знак.

Л о р д - м а р ш а л

Трубите, трубы! И вперед бойцы!

Звуки труб.

Постойте! Жезл свой бросил государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Пускай, сняв шлемы, копья отложив,
Бойцы вернутся на свои места!..

(Ганту и вельможам.)

За нами следуйте!

(Лорду-маршалу.)

Трубят пусть трубы,
Пока мы участь герцогов решаем.

Король Ричард и вельможи удаляются.

Продолжительные звуки труб. Возвращается король Ричард
с вельможами.

Король Ричард

(обоим противникам)

Приблизьтесь и внимайте!
Вот что решили мы и наш совет.
Чтобы ни капли драгоценной крови,
Взлелеянной землей державы нашей,
На ту же землю вновь не пролилось;
Чтоб взоры наши здесь не оскорблялись
Ужасным зрелищем братоубийства
И чтоб орлинокрылая гордыня,
Тщеславные и дерзкие мечты,
Ревнивое соперничество ваше
Не нарушали мир, который спит
Блаженным сном невинного младенца,
Как в колыбели, в нашем государстве;
Чтоб мир, разбужен громом барабанов,
Воинственным и хриплым ревом труб,
Железным лязгом грозного оружия,
Не улетел испуганно от нас,
Оставив нас брести в крови по пояс,

Решили мы обоих вас изгнать.
Кузен наш Херифорд, под страхом смерти,
Пока мы десять жатв с полей не снимем,
Не смеешь ты ступать на земли наши,
Скитальцем будешь на чужих путях.

Б о л и н г б р о к

Да будет так. Лишь то смягчит мой жребий,
Что солнце здесь и там — одно на небе.
Его лучи, лаская край родной,
Сиять в изгнанье будут надо мной.

К о р о л ь Р и ч а р д

Твоя же участь, Норфолк, тяжелей.
Мы приговор выносим с неохотой:
Бег времени предела не положит
Бессрочной скорби твоего изгнанья.
В моих словах услышишь безнадежность:
Под страхом смерти изгнан ты навек!

Н о р ф о л к

О государь, суров и неожидан
Ваш приговор. Надеяться я мог
Из рук монарха получить награду
Ценней, чем мне назначенная участь, —
Отверженным бродягой стать навек.

Ужель я в детстве речь учил родную
Затем, чтоб в сорок лет ее забыть?
К чему же мне тогда язык во рту?
Нет пользы в нем, как в арфе, струн лишенной,
Как в редкостном и дивном инструменте,
Когда он под ключом иль дан невежде,
Который не умеет им владеть.
Вы заперли во рту язык мой бедный
Решеткою двойной зубов и губ;
В тюремщики ему — непониманье
Тупое, равнодушное вы дали.
Я стар, чтоб вновь учить слова от няньки,
По возрасту не годен в школяры.
Речь предков у скитальца отнимая,
Твой приговор жесток: в нем — смерть немая.

К о р о л ь Р и ч а р д

Сочувствием нельзя помочь тебе.
Наш суд свершен. Покорен будь судьбе.

Н о р ф о л к

Прощай, отчизны яркое сиянье,
Я ухожу в зловещий мрак изгнанья.

(Хочет уйти.)

К о р о л ь Р и ч а р д

Остановись! Возьми с собою клятву.

(Боллингброку и Норфолку.)

На меч монарший положите руки
И поклянитесь долгом перед богом
(Раз мы отринули ваш долг пред нами)
Запрета нашего не преступать:
Вы никогда не будете в изгнание
(И да помогут в том вам бог и правда)
Искать любви и дружбы обоюдной,
Не будете писать друг другу с целью,
Чтоб вихрь вражды, рожденной здесь, утих;
Не станете искать друг с другом встречи,
Чтоб, в заговор вступив или столкнувшись,
Противу нас или державы нашей,
Иль наших подданных злоумышлять.

Б о л и н г б р о к

Клянусь.

Н о р ф о л к

Клянусь не нарушать запрета.

Б о л и н г б р о к

Мы расстаемся, Норфолк, как враги.
Когда бы нам король позволил, — ныне
Блуждала бы одна из наших душ,
Из брэнной плоти изгнанная в вечность,
Как изгнана теперь отсюда плоть.
Покайся же в измене, уходя:
Далек твой путь, так не бери с собой
Тяжелый груз — души преступной бремя.

Н о р ф о л к

Нет, Болингброк! Пусть, если я изменник,
Из книги жизни вычеркнут меня,
Пусть бог меня отринет, как король!
Но что такое ты, — то знают трое:
Бог, ты и я. Боюсь, король узнает
Об этом тоже, — на беду свою. —
Прощай, мой государь! Передо мной
Открыт весь мир, закрыт лишь край родной!

(Уходит.)

К о р о л ь Р и ч а р д

Через кристалл твоих очей мы, дядя,
Зрим сердце сокрушенное твое.
Твою печаль уважив, сократим
Мы срок изгнания на четыре года.

(Боллингброку.)

Шесть хладных зим пройдет, — и в отчий дом
Ты вступишь; милость мы тебе вернем.

Б о л и н г б р о к

Какой огромный срок — в едином слове!
Четыре смены долгих зим и лет! —
Но рек король, и вот — их больше нет.

Г а н т

Я повелителя благодарю:
Заботясь обо мне, изгнание сына
Он на четыре года сократил.
Но от того, увы, мне мало пользы:
Покамест, месяцем сменяя месяц,
Шесть лет, ему назначенных, пройдут, —
Иссякнет масло в старой сей лампаде;
Ее фитиль день ото дня короче,
Угаснет он во мраке вечной ночи.
Не встретить вновь мне сына своего,
Слепая смерть не даст узреть его.

К о р о л ь Р и ч а р д

Тебе умножит годы провиденье.

Г а н т

Но ты не властен дать мне и мгновенья!
Ты в силах годы жизни сократить,
Но лишний день не в силах подарить.
Морщин, что время на челе проложит,
Могущество твоё стереть не сможет.
Мне смерть готовят время и твой суд,
Но жизнь твои указы не вернут.

К о р о л ь Р и ч а р д

Твой сын к изгнанию присужден советом,
Язык не твой ли произнес решение?
Зачем же мрачных помыслов мятеж?

Г а н т

Порой, что сваришь сам, того не съешь.
Судьей велел мне быть мой повелитель,
И я хотел забыть, что я — родитель.
Когда б он был не сыном, а чужим, —
Я мягче, верно, поступил бы с ним.
В своём суде я избегал пристрастья
И сам обрушил на себя несчастья.
Я ждал, что кто-нибудь мне скажет: “Нет!
Ты слишком строг!” — Увы, молчал совет.
О, мой язык! Виновен он невольно
В том, что душе так тягостно и больно.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прощай, кузен! И да свершится суд:
Вернешься ты, когда шесть лет пройдут.

Трубы. Король Ричард и свита уходят.

О м е р л ь

Прощай, кузен! Из своего изгнания
Нам напиши. Мы будем ждать посланья.

(Уходит.)

Л о р д - м а р ш а л

Милорд, бок о бок с вами я помчусь
До рубежа земли и там прощусь.

Г а н т

О! Почему ты на слова скупись,
Не отвечая на привет друзей?

Б о л и н г б р о к

Увы, я знаю слишком мало слов,
Их слишком мало для прощанья с вами,
А между тем язык быть должен щедрым,
Чтоб о душевной муке рассказать.

Г а н т

Твоя печаль — разлука лишь на время.

Б о л и н г б р о к

Разлука с радостью — печали время.

Г а н т

Всего шесть лет? Ах, годы мчатся быстро.

Б о л и н г б р о к

Да, в счастье. В скорби — час идет за десять.

Г а н т

Считай, что странствуешь для развлечения.

Б о л и н г б р о к

Такой обман заставит сжаться сердце:
В изгнание горьком развлечений нет.

Г а н т

Да будет мрачный путь твоих скитаний
Свинцовой фольгой, на которой ярче
Сверкает драгоценность возвращения.

Б о л и н г б р о к

Увы, боюсь, — припоминать я буду
При каждом шаге, как ушел далеко
От всех сокровищ, сердцу дорогих.
О, неужели ремесло бродяги,
Как ученик, я должен постигать,
Чтоб, наконец свободу обретя,
Одним и мог бы только похвалиться:
Что я ходил в поденщиках у скорби.

Г а н т

Кто мудр, тот для себя отыщет пристань
Везде, где взор небес над ним сияет.
Учи так рассуждать свою нужду.
Нужда благоразумней всех достоинств.
Считай, что не король тебя отринул,
А ты его. Печаль гнетет сильнее
Того, кто ей покорно поддается.
Считай, что ты не изгнан королем,
Но мною послан для деяний славных.
Предположи, что зачумлен здесь воздух
И ты бежишь в иной, здоровый край.
Представь, что все, чем дорожит душа,
Не там оставил ты, где жил доселе,
Но встретишь там, куда направишь путь.
Вообрази, что птицы — музыканты,

Что луг — усыпанный травой зал,
Что васильки — толпа красавиц юных,
А странствие твоё — веселый танец.
Того, кто насмехается над горем,
Кому лишь бодрость светлая близка, —
Не станет грызть строптивая тоска.

Б о л и н г б р о к

О! Разве, думая о льдах Кавказа,
Ты можешь руку положить в огонь?
И разве утолишь ты жгучий голод,
Воображая пиршественный стол?
И разве голым ляжешь в снег январский,
Себе представив летнюю жару?
Нет! Если вспоминаешь о хорошем,
Еще острее чувствуешь плохое!
Тоска так больно потому грызет,
Что от ее укусов кровь нейдет.

Г а н т

Ступай, мой сын. Ты молод, чист душою.
Я б не грустил, когда б я был тобою.

Б о л и н г б р о к

Прощай, родная Англия! Прощай!
Еще меня на ласковых руках,

Как мать и как кормилица, ты держишь.
Где б ни скитался я, — душа горда:
Я — англичанин, всюду и всегда!

Уходят.

Сцена 4

Там же. Зал в королевском замке.

Входят король Ричард, Бегот и Грин в одну дверь,
Омерль — в другую.

Король Ричард

(Беготу и Грину)

Да, мы заметили...

(Омерлю.)

Кузен Омерль,
Так что же, — долго пробыли вы вместе
В пути с великим вашим Херифордом?

Омерль

С великим, как назвали вы его,
Мой путь совместный был не так велик:
Расстались мы на первом перекрестке.

Король Ричард

Что ж, был обилен ток прощальных слез?

О м е р л ь

О, что касается меня, — ничуть.
Лишь резкий ветер, дувший нам навстречу,
Одну слезинку выдавил из глаза,
Прощанье тем неискреннее скрасив.

К о р о л ь Р и ч а р д

Что, расставаясь, молвил наш кузен?

О м е р л ь

Сказал мне: “До свиданья!”
А так как сердцу моему претило,
Чтоб мой язык те осквернил слова,
Я, сделав вид, что горем обессилен,
Слова в могиле скорби схоронил.
О! Если б “до свиданья” удлинило
Изгнанье краткое его на годы, —
Ему бы десять тысяч “до свиданий”
Я произнес, а так — ни одного!

К о р о л ь Р и ч а р д

Он — наш кузен. Однако сомневаюсь,
Чтоб родич наш, изгнанья срок окончив,
Вернулся навестить своих друзей.
Мы сами, да и Буши, Бегот, Грин

Заметили, с каким смиреньем льстивым
Подлаживался он к простонародью,
Как в души к ним старался он пролезть,
Как он рабам отвешивал поклоны,
Мастеровым слал мастерски улыбки,
Стараясь показать, что он страдалец,
Что изгнана любовь народа с ним.
Он шляпу снял перед торговкой рыбой;
Два возчика сказали: “Добрый путь!” —
А он в ответ раскланялся учтиво:
“Спасибо вам, любезные друзья”, —
Как если б нашей Англии наследник,
Надежда наших подданных он был.

Г р и н

Он далеко; так прочь и эти мысли.
Пора заняться мятежом ирландским.
Собрать вам нужно войско, государь,
Ведь промедленье наше — им на пользу,
А вашему величеству — в ущерб.

К о р о л ь Р и ч а р д

Мы сами поведем свои войска.
И так как нам казну поистожили
Большой наш двор и царственная щедрость, —
Придется сдать в аренду королевство.

На снаряженъе хватит этих денег.
А если подойдут они к концу, —
За нашей подписью листы мы вышлем,
Чтобы наместники мои вписали
Туда людей богатых имена,
Заставив их внести большие деньги,
Которые пойдут на наши нужды.
Итак, в Ирландию направим путь.

Входит Б у ш и.

А, Буши, что случилось?

Б у ш и

Джон Гант внезапно тяжело занемог.
И вас он умоляет, государь,
Чтоб вы его немедля навестили.

К о р о л ь Р и ч а р д

А отнесен куда он?

Б у ш и

В Или-Хауз.

К о р о л ь Р и ч а р д

О, боже, лекаря его наставь,
Как старца поскорей свести в могилу.

На содержимое его казны
Мы сможем содержать своих солдат.
Спешим к нему! Но, с помощью господней,
Надеюсь, слишком поздно мы придем!

Уходят.

Сцена 1

Лондон. Покой в Или-Хаузе.

Г а н т на ложе; вокруг него стоят герцог Йоркский и другие.

Г а н т

Успеет ли король прибыть сюда,
Чтоб я вложил последний вздох в советы
Для безрассудной юности его?

Й о р к

Не тратьте драгоценного дыханья:
Внимать советам не захочет он.

Г а н т

Не может быть! Предсмертные слова,
Гармонии торжественной подобно,
Должны к себе внимание приковать.
Ведь тот, кто вынужден слова беречь,
Одну лишь истину влагает в речь.
Всю мудрость жизни, знания и опыт
Передает он людям в час конца,
И старца умирающего шепот
Стократ звучней, чем болтовня юнца.
Кончают песнь сладчайшим из созвучий,
Всех ярче в небе след звезды падучей.
Я жил, — к моим словам был Ричард глух,
К предсмертной речи он преклонит слух.

Й о р к

О нет! В его ушах иные звуки:
Его правленью льстивые хвалы,
Любовные стишки, чей сладкий яд
С такой охотою впивает юность,
Да рассказы о модах итальянских, —
Ведь нынче мы Италии кичливой
Во всем, как обезьяны, подражаем
И тащимся у ней на поводу.
Чуть где-нибудь появится игрушка, —
Пускай дрянная, лишь бы поновей, —

Ему жужжат наперсники об этом.
Но мудрой речи не внимает тот,
В ком прихоть на рассудок восстает.
Он путь избрал, и тщетны увещанья,
Щадите же и силы и дыханье!

Г а н т

Я, вдохновленный свыше, как пророк,
В мой смертный час его судьбу провижу.
Огонь его беспутств угаснет скоро:
Пожар ведь истощает сам себя.
Дождь мелкий каплет долго, ливень — краток;
Все время шпоря, утомишь коня;
Глотая быстро, можешь подавиться.
Тщеславие — обжора ненасытный,
И, снєдь пожрав, начнет себя глодать.
Подумать лишь, — что царственный сей остров,
Страна величия, обитель Марса,
Трон королевский, сей второй Эдем,
Противу зол и ужасов войны
Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отчизна,
Сей мир особый, дивный сей алмаз
В серебряной оправе океана
Который, словно замковой стеной
Иль рвом защитным ограждает остров
От зависти не столь счастливых стран;

Что Англия, священная земля,
Взрастившая великих венценосцев,
Могучий род британских королей,
Прославленных деяньями своими
Во имя рыцарства и христианства
Далеко за пределами страны, —
До родины упорных иудеев,
Где был господь спаситель погребен;
Что эта драгоценная земля,
Страна великих душ, жилище славы,
Теперь сдана, — мне в этом слове смерть, —
В аренду, словно жалкое поместье!
Та Англия, что скована была
Лишь торжествующей стихией моря
И берег чей всегда давал отпор
Завистливому натиску Нептуна, —
Она позором скована теперь,
Опутана бумажными цепями!
Та Англия, что побеждала всех,
Сама себя постыдно победила!
О, если бы исчез со мною вместе
И этот стыд, — я смерти был бы рад!

Входят король Ричард, королева,
Омерль, Буши, Грин, Бегот, Росс и
Уиллоби.

Й о р к

Вот и король. Помягче будьте с ним:
Коней горячих горячить не стоит.

К о р о л е в а

Как поживает благородный дядя?

К о р о л ь Р и ч а р д

Ну? Как твоё здоровье, старый Гант?

Г а н т

О, мне сейчас так впору это имя!
Я — старый Гант, летами изможден.
Во мне моя печаль постилась долго,
А каждый, кто постится, — изможден.
Я бодрствовал над спящею отчизной,
А кто не спит ночей, — тот изможден.
Отцов их дети счастьем насыщают,
Но на меня и здесь наложен пост;
Ты отнял счастье — стал я изможденным.
Болезнью для могилы изможден,
Я изможденный, как сама могила,
Во чреве чьем пустом — одни лишь кости.

Король Ричард II
(средневековая миниатюра)

Король Ричард

Не слишком ли искусно для больного
Смеешься ты над именем своим?

Гант

Нет! Это горе над собой смеется.
Мой сын, наследник мой, тобою изгнан;
Втоптал, король, ты имя Ганта в грязь, —
И вот, я льщу тебе, над ним смеюсь.

К о р о л ь Р и ч а р д

К чему лесть умирающих живущим?

Г а н т

Нет, тем, кто умирает, льстят живые.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты при смерти и мне, сказал ты, льстишь?

Г а н т

Нет. Умираешь ты, хоть я и болен.

К о р о л ь Р и ч а р д

Но я здоров, а ты, я вижу, плох.

Г а н т

Клянусь творцом, я вижу, что ты плох.
Я вижу, как ты плох, и вот, — мне тяжело.
Сразил недуг честь, славу короля,
И наша родина — их смертный одр.
А ты, больной помазанник, вручаешь
Свою судьбу беспечно тем врачам,
Которые тебя ж и отравили.
Кишат льстецы в зубцах твоей короны;
Она мала, как голова твоя,

И все же, хоть и невелик сей обруч,
Сдавил ты им великую страну.
О, если бы твой дед умел провидеть,
Как внук начнет губить его сынов, —
Тебя спасти он мог бы от позора,
Не допустив к наследованью трона,
Который ты позором осквернил.
Племянник, если б ты владел всем миром, —
В аренду сдать сей остров было б стыдно.
Но этот остров — все, чем ты владеешь,
И оттого твой стыд еще стыдней.
Помещик ты, в наем сдающий ферму,
А не король. Твой сан, законов крепость,
Отныне в рабстве крепостном. А ты...

К о р о л ь Р и ч а р д

А ты — ты выжил из ума, глупец!
Своей горячкой злоупотребляя,
Ты ледяным потоком поучений
Принудил кровь от наших щек отхлынуть,
Заставил нас от гнева побледнеть.
Клянусь величием нашего престола:
Не будь ты сын великого Эдварда, —
Вся голова твоя, платя за то,
Что в ней язык летает слишком бойко,
Слетела бы сейчас с упрямых плеч.

Г а н т

О, не щади меня за то, что я
И твой отец, Эдвард, — сыны Эдварда.
Родную кровь ты проливал и раньше,
Питаясь ею, словно пеликан.
Мой старший брат, высокий духом Глостер
(Он в небесах, среди блаженных душ) —
Тому пример, тому свидетель верный,
Что ты умеешь кровь Эдварда лить.
Итак, вступи в союз с моим недугом, —
Твоя жестокость, словно серп кривой,
Подрежет тотчас перезрелый колос.
Живи с позором. Вечен твой позор!
В моих словах — твой тяжкий приговор.
Пора мне лечь, — мне скоро спать в могиле...
Да будут живы те, кто с честью жили.

(Уходит, поддерживаемый слугами.)

К о р о л ь Р и ч а р д

И да погибнут те, кто с дурью жили!
Безумцам старым место лишь в могиле.

Й о р к

О государь! Я вас молю считать,
Что эти речи внушены больному
Ворчливой старостью, недугом злым.

Он любит вас, — я в это верю твердо, —
Как собственного сына, Херифорда.

К о р о л ь Р и ч а р д

Нет, любит он меня, как Херифорд,
А я их — так же. Вот и все, милорд.

Входит Н ор тем бер лен д.

Н ор тем бер лен д

Я к вашему величеству явился
От герцога Ланкастера с поклоном.

К о р о л ь Р и ч а р д

Что он сказал?

Н ор тем бер лен д

О, ничего. Ни слова.
Бесструнной арфой стал его язык.
И речь и жизнь — утратил все старик.

Й о р к

Пусть Йорк последует за Гантом вскоре!
Хоть смерть горька, но с ней уйдет и горе.

К о р о л ь Р и ч а р д

Он на землю упал, как спелый плод.
Ему лежать, а нам — идти вперед.
Достаточно о сем. Теперь обсудим,
Как нам войну с ирландцами вести.
Должны мы раздавить косматых кернов,
Которые гнездятся, словно змеи,
На острове, где гадов нет других.
А так как столь большое начинанье
Потребует немалых и расходов,
То мы решаем отобрать в казну
Поместья, деньги, движимость и утварь,
Которыми владел наш дядя Гант.

Й о р к

Доколь, доколь велит долг послушанья
Сносить несправедливые деянья?
Смерть Глостера, изгнанье Херифорда,
Расстройство брачных планов Болингброка.
Всей Англии чинимые обиды,
Ланкастера опалу и свою
Терпел я с ненахмуренным челом,
Не мысля зла на своего монарха.
Я — младший сын великого Эдварда,
Был старшим принц Уэльский, твой отец;
Он на войне был яростнее льва,

В дни мира был он кроток, словно агнец, —
Таков был этот рыцарственный принц.
Лицом ты весь в него. Он был таким же,
Когда он счетом дней с тобой равнялся.
Что добывал в бою, то он и тратил,
Не расточал отцовского добра.
Кровь недругов от проливал нередко,
Но братской кровью рук не запятнал.
О Ричард! Йорк скорбит, должно быть, тяжело,
Коль сравнивать он стал тебя с отцом.

К о р о л ь Р и ч а р д

Но что с тобою, дядя?

Й о р к

Государь!

Простите дерзость, если вам угодно,
А не угодно, — обойдусь и так.
Хотите вы отнять и захватить
Наследство изгнанного Херифорда?
Иль Гант не мертв? Иль Херифорд не жив?
Иль Гант — не Гант? Иль сын ему не сын?
Иль Гант наследника иметь не вправе?
Иль прав наследственных у Гарри нет?
Что ж, отобрав права у Херифорда,
У времени их также отбери:

Пусть завтра не идет вслед за сегодня.
Сам от себя тогда ты отрекись:
Ведь свой престол ты получил в наследство.
Клянусь, что если, — сохрани господь, —
Решите вы отнять несправедливо
У Херифорда право на наследство
И грамоты, что стряпчим он предъявит
Для ввода во владенье, и присягу,
Которую он вам давал, — презрите,
То сотни бед к себе вы привлечете,
Лишиться сотен дружеских сердец;
Меня ж о том заставьте подумать,
О чем не может верность помышлять.

К о р о л ь Р и ч а р д

Что хочешь думай! Но без промедленья
Возьму себе я все его именье.

Й о р к

Прощай, король! Грядущее темно,
Что сбудется, — нам ведать не дано.
Добавлю только, уходя отсюда:
Добром не кончишь, если начал худо.

(Уходит.)

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты, Буши, к графу Уилтширу спеши,
Пусть явится он тотчас в Или-Хауз,
Чтоб надзирать за домом. Мы же завтра
В Ирландию отправимся. Пора!
Пока мы в Англию не возвратимся,
Пусть правит государством дядя Йорк,
Он справедлив и нам всегда был предан.
Идемте же отсюда, королева.
Развеселитесь! Близок час разлуки, —
Нет времени для горести и скуки.

Трубы. Король, королева, Омерль, Буши, Грин
и Бегот уходят.

Н о р т е м б е р л е н д

Что ж, лорды, доблестный Ланкастер умер.

Р о с с

И жив: ведь сын его теперь Ланкастер.

У и л л о б и

Но лишь по титулу, не по владеньям.

Н о р т е м б е р л е н д

То и другое получил бы он,
Не будь у нас бесправной справедливость.

Р о с с

Хоть многое на сердце наikipело, —
Пускай оно в молчанье разобьется,
Но я не дам свободы языку.

Н о р т е м б е р л е н д

Нет, говори! И тот пусть онемееет,
Кто станет разглашать твои слова.

У и л л о б и

Быть может, речь пойдет о Херифорде?
Ну, если так, то начинай смелей:
Я слышать рад все, что ему на пользу.

Р о с с

Смогу ли пользу я ему принести?
Вот разве лишь полезным вы сочтете,
Что я сочувствую его несчастьям,
Тому, что он наследством обделен.

Нортемберленд

Воистину позорные обиды
Чинятся принцу королевской крови
И многим в этой гибнущей стране.
Король наш — не король. Им управляют
Презренные льстецы. И лишь по злобе
Они ему о ком-нибудь шепнут, —
И у того король отнимет тотчас
И жизнь, и достоянье, и детей.

Росс

Он подати умножил непомерно, —
И отшатнулся от него народ;
Он пеню ввел за родовые распри, —
И отшатнулось от него дворянство.

Уиллоби

Все новые поборы, что ни день:
Пожертвования разные и бланки...
О боже, до чего мы так дойдем!

Нортемберленд

Не войнами он разорил страну,
Он войн не вел. В бесславных договорах

Все отдал, что в боях стяжали предки.
Нам мир его накладней, чем их войны.

Р о с с

Граф Уилтшир взял в аренду королевство!

У и л л о б и

Король — несостоятельный должник!

Н о р т е м б е р л е н д

Над ним нависли и позор и гибель.

Р о с с

Нет денег на ирландскую войну,
Хоть непосильно тяжелы налоги, —
Так он решил изгнанника ограбить!

Н о р т е м б е р л е н д

Кузена своего! Король безродный! —
Но, лорды, мы внимаем свисту бури,
Укрытья же не ищем от нее;
Глядим, как вихрь рвет наши паруса,
И смерти ждем, сложивши руки праздно.

Р о с с

Грозит беда. Но, лорды, слишком долго
Мирились мы с причинами ее,
И потому беды не избежать.

Н о р т е м б е р л е н д

Нет, ты не прав. В пустых глазницах смерти
Я различаю жизнь. Но я не смею
Вам сообщить спасительную весть.

У и л л о б и

Будь откровенен с нами, как и мы.

Р о с с

Нортемберленд, все молви без утайки.
Мы трое — как один, и эти речи —
Лишь мысли наши. Говори смелей!

Н о р т е м б е р л е н д

Итак, я нынче получил известье
Из Пор-ле-Блана, гавани в Бретани,
О том, что герцог Генрих Херифорд,
Лорд Кобхем, брат его, который был
Архиепископом Кентерберийским,
Сэр Норбери, сэр Уотертон, сэр Куойнт,

Сэр Томас Эрпингем и сэр Джон Рамстон
Отплыли от французских берегов;
И на восьми могучих кораблях
Они везут трехтысячное войско,
Которое им дал Бретонский герцог,
Солдат снабдивший всем необходимым.
Они хотят на севере пристать
И ожидают только одного:
Когда король в Ирландию отбудет.
Хотите сбросить рабское ярмо,
Дать родине расправить снова крылья,
Заложенную выкупить корону,
Стереть со скиптра золотого грязь
И возратить величеству величье? —
Тогда со мной скачите в Ревенсперг.
А слаб ваш дух для подвига такого, —
Помчусь один, вы ж никому ни слова.

Р о с с

Седлать коней! Кто остается — трус!

У и л л о б и

Я с вами! Неразрывен наш союз!

Уходят.

Сцена 2

Лондон. Покои в королевском дворце.

Входят королева, Буши и Бегот.

Буши

Грусть вашего величества безмерна,
А между тем, с супругом расставаясь,
Вы обещанье дали не грустить,
Веселость сохранять и бодрость духа.

Королева

Для короля я это обещала,
Но для себя исполнить не могу.
Тоска, зачем ты у меня в гостях?
Затем, что Ричард, милый гость, уехал?
Нет, чует сердце, что большое горе
Судьба во чреве носит для меня.
Я трепещу, чего-то ожидая,
И это что-то горше и страшней
Разлуки с королем, моим супругом.

Буши

У каждой существующей печали —
Сто отражений. Каждое из них
Не есть печаль, лишь сходно с ней по виду.

Ведь в отуманенном слезами взоре
Дробится вещь на множество частей.
Картины есть такие: если взглянешь
На них вблизи, то видишь только пятна,
А если отойдешь и взглянешь сбоку, —
Тогда видны фигуры. Так и вы
Взглянули сбоку на отъезд супруга,
И призрак горя вам явился вдруг;
Вглядитесь пристальней, — оно исчезнет.
Нет, госпожа, поверьте, оттого лишь
И слезы ваших глаз, и сердца боль,
Что нас покинул ваш супруг, король;
Все прочее — одно воображение:
Вам просто ваша скорбь туманит зренье.

К о р о л е в а

Пусть так. И все же больно сжалось сердце,
Предчувствуя недоброе. Так тяжело,
Так тяжело и тоскливо на душе!
Предчувствие мое — ничто? Быть может.
Но страшное н и ч т о гнетет и гложет.

Б у ш и

То призрачные страхи, госпожа.

К о р о л е в а

Нет! Призрачные страхи — порожденье
Былого горя. У меня не так.
Мое н и ч т о само рождает горе,
Как будто бы в моем н и ч т о есть н е ч т о
И буду им я скоро обладать.
Я знаю лишь, что ждет меня страданье.
Хотя не знаю для него названья.

Входит Г р и н.

Г р и н

О государыня, храни вас бог!
Привет вам, джентльмены! Я надеюсь, —
В Ирландию король наш не отплыл?

К о р о л е в а

Зачем же ты надеешься на это,
Не на обратное? Ведь он спешил,
На быстроту он возлагал надежду;
Зачем надеешься, что медлит он?

Г р и н

Затем, чтобы король, надежда наша,
Еще успел вернуть свои полки
И отнял все надежды у врага,

Уже вступившего на нашу землю:
Вернулся самовольно Болингброк
И высадился с войском в Ревенсперге.

К о р о л е в а

Нет! Не попустит бог!

Г р и н

Но это так.

Есть новость хуже: лорд Нортемберленд
И Генри Перси, юный сын его,
А также лорды Уиллоби, Росс, Боменд
И много их влиятельных друзей
Бежали к Болингброку.

Б у ш и

Почему же

Изменниками вы не объявили
Нортемберленда и всех тех, кто с ним?

Г р и н

Мы так и сделали. Тогда граф Вустер
Переломил свой сенешальский жезл
И с челядью своей перебежал
К мятежнику.

К о р о л е в а

Ты, Грин, — моей печали повитуха,
А Болингброк — ее злосчастный плод.
Так вот каким уродом разрешилась
Моя душа. И задыхаюсь я,
Былую скорбь умножив новой скорбью.

Б у ш и

Отчаиваться рано, госпожа.

К о р о л е в а

Нет, не мешай отчаиваться мне
И враждовать с обманчивой надеждой.
Она мне лжет и отдаляет смерть;
Меня бы смерть избавила от горя,
А лживая надежда длит его.

Входит Й о р к; он в панцире.

Г р и н

А вот и герцог Йорк.

К о р о л е в а

И в ожерелье
Войны его морщинистая шея.

Как взор его заботой омрачен! —
Скажите слово утешенья, дядя.

Й о р к

Я, сделав так, душой бы покривил.
На небесах найдем мы утешенье,
А на земле — лишь скорби да заботы.
Супруг ваш ищет за морем победу,
Но как бы здесь беду он не нашел.
Оставлен я опорой быть державе,
Но, стар и слаб, в опоре сам нуждаюсь.
Идет вослед за пиршеством похмелье,
И пробил час, когда король узнает,
На что годны льстецы, его друзья.

Входит слуга.

С л у г а

Милорд, я опоздал: ваш сын уехал.

Й о р к

Уехал?... Вот как... Что ж, пусть едут все!..
Бежит дворянство, а народ молчит,
Как будто безучастен, но боюсь,
Восстанет и примкнет он к Херифорду.

(Слуге.)

К сестре моей отправишься ты в Плэши,
Скажи, — прошу, мол, тысячу я фунтов.
На, вот мое кольцо!

С л у г а

Милорд, простите, я вам не сказал:
Я побывал сегодня там проездом.
Боюсь, что вас известьем огорчу...

Й о р к

Ну, что там? Говори!

С л у г а

За полчаса до моего приезда
Скончалась герцогиня.

Й о р к

Правый боже!..

Какой огромный океан несчастий
Вдруг затопил несчастную страну!
Что делать мне?.. О, если бы король, —
Хоть казни я не заслужил изменой, —
Велел меня, как брата, обезглавить!..
Отправлены ль в Ирландию гонцы?..
Откуда денег взять на эти войны?..

Пойдем, сестра... Простите, я ошибся, —
Племянница.

(Слуге.)

А ты ступай домой
И все оружие, что у нас найдется,
Доставь сюда немедленно на повозках.

С л у г а уходит.

Милорды, не собрать ли ополчение?..
Как быть? В мои слабеющие руки
Вложили дел запутанных клубок, —
Не приложу ума, как их распутать.
Тот и другой — моя родня. Один —
Мой государь, кому я дал присягу,
Велит мне долг сражаться за него.
Но и другой — племянник мне. И с ним
Несправедливо поступил король;
Быть за него велят мне кровь и совесть.
Что ж мне избрать?.. Племянница, пойдемте. —
Милорды, собирайте ополчение,
Я в замке Баркли буду вас встречать.
Мне надо было бы заехать в Плэши,
Да некогда. — Уж так оно сошлось,
Все в нашем государстве — вкривь и вкось!

Йорк и королева уходят.

Б у ш и

Благоприятен ветер для известий
От нас — в Ирландию, но не оттуда.
А здесь нам не набрать такое войско,
Чтоб мы с врагом помериться могли.

Г р и н

И наша близость к королю приблизит
К нам злобу тех, кто от него далек.

Б е г о т

Изменчива и ненадежна чернь,
Ее любовь лежит у ней в мошне;
И кто ее кошель опустошает,
Тот злобой сердце наполняет ей.

Б у ш и

За это короля и осуждают.

Б е г о т

И нас: ведь мы всех ближе к королю.

Г р и н

Пока в Бристольском замке я укроюсь;
Граф Уилтшир тоже выехал туда.

Рисунок Дж.Джилберта

Б у ш и

Я с вами. Ведь от этой злобной черни
Хорошего не жди. Им дай лишь волю, —
Как стая псов, нас в клочья разорвут.

(Беготу.)

И вы, надеюсь, с нами?

Б е г о т

Нет, к королю в Ирландию отправлюсь.
Предчувствий сердце горестных полно:
Нам свидеться, боюсь, не суждено.

Б у ш и

Но, может статься, натиск Болингброка
Йорк отразит.

Г р и н

Он мог бы точно так же
Счесть все песчинки, выпить океан.
Его успех, к несчастью, невозможен:
Из ста солдат едва ль один — надежен.
Прощайте! Да хранит нас бог от бед.

Б у ш и

Мы свидимся еще.

Б е г о т

Боюсь, что нет.

Уходят.

Сцена 3

Пустынная местность в Глостершире.

Входят Болингброк и Нортемберленд с войсками.

Б о л и н г б р о к

До Баркли далеко еще, милорд?

Н о р т е м б е р л е н д

Мой благородный принц,
Здесь, в Глостершире, я, как чужестранец.
Унылые, пустынные холмы,
Крутые, каменистые дороги
Наводят грусть и мили удлиняют.
И лишь беседа с вами, словно сахар.
Мне услаждает этот скучный путь.
Я думаю, что Уиллоби и Россу
Безмерно утомительна дорога,
Ведущая из Ревенсперга в Котсолд;

А я счастливей: трудности пути
Я в вашем обществе не замечаю.
И все ж им услаждает путь надежда
На то, чем обладаю нынче я.
Когда нет радости, тогда надежда
На будущую радость — тоже радость.
И потому тем двум усталым лордам
Надежда сокращает долгий путь,
Как мне — мой благородный собеседник.

Б о л и н г б р о к

О нет, ваш собеседник недостоин
Столь добрых слов. Но кто спешит сюда?

Входит Генри Перси.

Н о р т е м б е р л е н д

А, это юный сын мой, Гарри Перси.
Его послал, должно быть, брат мой Вустер. —
Здоров ли дядя, Гарри?

П е р с и

Ах, милорд,
Я сам хотел у вас спросить о том же.

Н о р т е м б е р л е н д

Как? Разве он не там, где королева?

П е р с и

Переломив свой сенешальский жезл,
Граф Вустер распустил дворцовых слуг
И сам оставил двор.

Н о р т е м б е р л е н д

Из-за чего же?
Он не имел намерений таких.

П е р с и

Из-за того, что объявили вас
Изменником, милорд. И в Ревенсперг
Он к герцогу уехал Херифорду —
Ему свои услуги предложить.
Меня ж послал он в Баркли разузнать,
Какое герцог Йорк собрал там войско,
И сведенья доставить в Ревенсперг.

Н о р т е м б е р л е н д

Ты герцога не помнишь Херифорда?

Перси

Милорд, как помнить я могу того,
Кого ни разу в жизни я не видел?

Нортемберленд

Тогда взгляни: перед тобою герцог.

Перси

Милорд, я буду счастлив вам служить.
Я знаю, что неопытен и молод,
Однако время принесет мне зрелость
И я смогу вам пользу принести.

Болингброк

Благодарю тебя, мой славный Перси.
Лишь думая об искренних друзьях,
Я высшее испытываю счастье.
Созреешь ты с моей Фортуной вместе,
Твою любовь она вознаградит.
Сей договор я заключаю сердцем,
Взамен печати — вот моя рука.

Нортемберленд

Далеко ль Баркли? Как там старый Йорк?
Большое ли собрал он ополчение?

Перси

Вон замок, сразу же за этой рощей.
Солдат, я слышал, там всего лишь триста,
Там герцог Йорк, лорд Баркли и лорд Сеймур,
Из знатных лордов больше никого.

Входят Росс и Уиллоби.

Нортемберленд

А вот и лорды Уиллоби и Росс,
В крови их шпоры, жаром пышут лица.

Болингброк

Милорды, вашу дружбу ценит тот,
Кто изгнан, кто изменником объявлен.
Из всех моих сокровищ мне осталась
Лишь благодарность, — вам ее дарю.
А если стану в будущем богаче,
Воздам за вашу службу и любовь.

Росс

Вы сами, славный принц, богатство наше.

Уиллоби

Его еще должны мы заслужить.

Б о л и н г б р о к

Спасибо вам, вот щедрость бедняка!
Когда моя Фортуна возмужает, —
И щедрость вырастет... А это кто?

Входит Б а р к л и.

Н о р т е м б е р л е н д

Я узнаю как будто лорда Баркли.

Б а р к л и

Я к вам с посланьем, герцог Херифорд.

Б о л и н г б р о к

Теперь, милорд, меня зовут Ланкастер,
И в Англии ищу я это имя.
На вашу речь отвечу я не прежде,
Чем титул сей произнесете вы.

Б а р к л и

Милорд, меня превратно не поймите:
На титул ваш я посягать не стану.
Но как бы вы, милорд, ни назывались,
Я прислан к вам правителем страны.
Светлейший герцог Йорк велел спросить:
Вы, пользуясь отъездом государя,

Зачем нарушили его запрет?
Зачем ваш меч грозит отчизне мирной?

Входит Йорк со свитой.

Болингброк

Не нужно мне посредничество ваше:
Вот герцог сам.

(Преклоняет колено.)

Мой благородный дядя!

Йорк

Что мне твое смирение показное?
Не гни колен, согни свою гордыню.

Болингброк

Мой добрый дядя!..

Йорк

Слушать не хочу!
К тебе не добрый и тебе не дядя!
Не дядя я изменнику. А “добрый”
Звучит в устах недобрых, как насмешка.
Зачем стопой изгнанника, скажи,
Коснуться ты дерзнул английской почвы?
Как грудь отчизны ты посмел топтать,

Грозя войною беззащитным селам,
Хвалясь братоубийственным мечом?
Явился ты, мальчишка неразумный,
Прослышав об отъезде короля?
Ошибся ты: он правит государством
И власть его — здесь, в этом верном сердце.
О, будь я так же молод и горяч,
Как в день, когда с отцом твоим отважным
Пробились мы сквозь тысячи французов
И выручен был нами Черный Принц.
Сей юный Марс, сей доблестный воитель, —
Тогда бы я своей рукой, вот этой,
Теперь, увы, параличом сведенной,
Тебя за преступленье покарал!

Б о л и н г б р о к

Но в чем моя вина, светлейший дядя,
Какое совершил я преступленье?

Й о р к

Какое? Тяжелейшее из всех:
Ты в мятеже повинен и в измене.
Срок твоего изгнания не истек,
А ты посмел вернуться и оружие
Поднять на государя своего.

Б о л и н г б р о к

Я изгнан из страны, как Херифорд,
В нее я возвратился, как Ланкастер.
Взгляните, дядя, беспристрастным оком,
Какие мне наносятся обиды!
Я вижу в вас отца: ведь старый Гант,
Мне мнится, воплотился в вас. Отец!
Потерпите ли вы, чтоб я скитался
В чужих краях бродягою бездомным,
А все мои богатства и права
Отобраны у их владельца были
И отданы каким-то проходимцам?
Кто я такой? Раз мой кузен король,
То по тому же праву я — Ланкастер.
У вас есть сын, Омерль, мой славный родич.
Когда бы умерли вы, а не Гант,
И с ним бы обошлись несправедливо, —
Ему бы дядя заменил отца
И ополчился на его невзгоды.
Я все права имею на наследство,
Но грамот здесь моих не признают.
Распродано отцовское добро,
Оно пошло на низменные цели.
Что было делать мне? Я обратиться
Решил, как верноподданный, к закону,
Но стряпчие не приняли мой иск.

И мне не оставалось средств иных,
Как самому явиться за наследством.

Н о р т е м б е р л е н д

Обижен тяжко благородный герцог.

Р о с с

Вступитесь же за правду, ваша светлость.

У и л л о б и

Его добром владеют подлецы.

Й о р к

Позвольте мне ответить вам, милорды.
Я знаю, что племянник мой обижен,
И для него я сделал все, что мог.
Но вторгнуться с оружием, пробиваться
К своим правам несправедным путем —
То значит быть мятежником. А вы,
Бунтовщика поддерживая, сами
Не менее виновны в мятеже.

Н о р т е м б е р л е н д

Но благородный герцог дал нам клятву,
Что ищет только прав своих законных.

Ему помочь мы в этом поклялись,
И стыд тому, кто сей обет нарушит.

Й о р к

Ну, ну, — добра не жду я от войны,
Однако же ей помешать не в силах.
Нет войска у меня; все врозь идет...
О, если бы я мог, — клянусь творцом, —
Я вас бы тотчас заключил под стражу
И головою выдал королю.
Но я бессилен; потому останусь
Покамест в стороне. Итак, прощайте.
А, может быть, со мною в этом замке
Вы проведете нынешнюю ночь?

Б о л и н г б р о к

Охотно, дядя, примем приглашение.
А вы участвовать не согласитесь
В походе нашем на бристольский замок?
Там, говорят, засели Буши, Бегот
И те, кто с ними заодно сосут
Все соки из народа. Я поклялся
Их вырвать прочь, как сорную траву.

Й о р к

Посмотрим... Поразмышлю я сначала:
Мне нарушать законы не пристало.
Я вам не друг, но и не враг. Ну что ж, —
Что сделано, того уж не вернешь.

Уходят.

Сцена 4

Лагерь в Уэльсе.

Входят Солсбери и капитан отряда уэльсцев.

К а п и т а н

Милорд, мы здесь стоим уж десять дней,
Моим уэльсцам это надоело,
Известий же от короля все нет.
Мы разойдемся по домам. Прощайте!

С о л с б е р и

Повремени хоть день, уэльсец верный,
Лишь на тебя надеется король.

К а п и т а н

Нет, мы уйдем. Король погиб, должно быть.
Засохли все лавровые деревья,
Грозя созвездьям, блещут метеоры,

А бледный месяц стал багрян, как кровь;
Зловещие блуждают ясновидцы
И страшные пророчат перемены;
Богатые мрачны, а чернь ликует:
Одни за выгоды свои боятся
Другие от войны себе ждут выгод.
А знаменья такие предвещают
Паденье или гибель королей.
Не удержать мне земляков своих,
Известно им: нет короля в живых.

(Уходит.)

С о л с б е р и

О Ричард! Я гляжу с тяжелым сердцем,
Как на землю с небес звездой падучей
Твое величье катится стремглав.
Увы, покинула тебя удача!
Диск солнца твоего заходит, плача.
Везде — враги; друзья твои бегут.
О, время потрясений, время смут!

(Уходит.)

АКТ III

Сцена 1

Лагерь Болингброка под стенами Бристоля.

Входят Болингброк, Йорк, Нортемберленд, Перси,
Уиллоби, Росс.

Болингброк

Пускай их приведут.

Входят Буши и Грин, под стражей.

Сейчас ваш дух проститься должен с плотью,
И перечнем всех ваших преступлений
Не стану я вам души отягчать:

Ведь это не было бы милосердно.
Но вашу кровь с себя хочу я смыть,
А потому пред всеми объявляю
Причины, по которым вы умрете.
Вы короля на путь дурной толкнули, —
Прекраснейший, светлейший государь
Обезображен вами и растлен.
Втянув его в свой мерзостный разврат,
Его вы от супруги оттолкнули,
Нарушили мир царственного ложа
И юной королевы красоту
Заставили от едких слез поблекнуть.
Я, кровный принц, был близок к государю
И по родству и по любви к нему,
Но вы меня пред ним оговорили,
И я, склонясь под бременем неправды,
Дышать был должен воздухом чужбины,
Был должен есть изгнанья горький хлеб;
А вы меж тем моим добром кормились,
Срубили на дрова леса и парки,
Со стекол замка вытравить велели
И мой девиз и родовой мой герб,
Так, что и знаков моего дворянства
Нет у меня, — осталась только жизнь
Да память обо мне в людских сердцах.
Лишь перечисленным, — добавить мог бы

Я вдвое больше, чем уже сказал, —
Вы, Грин и Буши, заслужили смерть.

(Страже.)

Да предадут обоих смертной казни.

Б у ш и

Прощайте, лорды! — Хоть страшна мне смерть,
Но Болингброк для Англии страшнее.

Г р и н

Я верю, небо примет наши души
И адом покарает беззаконье.

Б о л и н г б р о к

Милорд Нортемберленд, возьмите их.

Нортемберленд и другие уходят, уводя Буши и Грина.

Так королева, дядя, в вашем доме?
Пекитесь же о ней, молю вас богом.
Ей передайте низкий мой поклон,
Я вас прошу — об этом не забудьте.

Й о р к

Я к ней гонца отправил и в письме
Подробно описал все ваши чувства.

Б о л и н г б р о к

Благодарю, любезный дядя. — Лорды,
Пора нам в путь: с Глендауром сразиться
И с соумышленниками его.
Окончим труд и отдых свой заслужим.

Уходят.

Сцена 2

Берег Уэльса. Вдали — замок.

Входят король Ричард, епископ Карлейльский, Омерль
и солдаты.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ведь это замок Барклофли как будто?

О м е р л ь

Да, государь. Не легче ль вам дышать
С тех пор, как вы ступили вновь на сушу?

К о р о л ь Р и ч а р д

Дышать легко. И плачу я от счастья,
Что я в свое вернулся королевство. —
Приветствую тебя, моя земля,
Хоть ты и терпишь, чтоб тебя топтали
Бунтовщики копытами коней.
Как разлученная с ребенком мать

Встречается с ним вновь, смеясь сквозь слезы,
Так я, моя земля, смеюсь и плачу,
Тебя лаская царственной рукой.
Будь, добрая моя земля, сурова
С врагами государя своего:
Их алчности не дай своих плодов,
Нет, пауков, твой яд в себя впитавших,

Берег Уэльса

Да мерзких жаб навстречу им пошли, —
Пускай они вредят стопам злодеев,
Преступно попирающим тебя.

Взрасти моим врагам одну крапиву;
Когда ж сорвут с груди твоей цветок, —
Пусть спрятанную в нем найдут змею,
И пусть ее раздвоенное жало
Убьет врагов монарха твоего. —
Не смейтесь над моим заклатьем, лорды:
Скорей моя земля мой зов услышит,
В солдат все эти камни превратив,
Чем задрожит перед мятежным войском
Ее природный властелин, король.

К а р л е й л ь

У власти, подарившей вам корону,
Есть власть корону вашу сохранить.
Мужайтесь! Не отталкивайте средств,
Ниспосланных вам свыше: ведь иначе
Пренебрежете помощью небес.

О м е р л ь

А это значит, что мы слишком медлим,
Тогда как с каждым часом прибывает
У Болингброка денег и людей.

К о р о л ь Р и ч а р д

Не унывай, кузен! Иль ты не знаешь:
В часы, когда за горизонтом скрыто

Господне испытующее око,
Разбойники выходят на добычу,
Творя насилья, проливая кровь.
Но чуть, взоидя над рубежом земли,
Воспламенив вершины гордых сосен,
Оно метнет лучи в притоны зла, —
И уж разбой, измена и убийство,
С которых сорваны покровы тьмы,
Дрожат и наготы своей стыдятся.
Вот так и Болингброк, изменник, вор,
Который нагло рыскал здесь в ночи,
Пока скрывались мы за горизонтом,
Увидит, как восходим мы на трон,
И покраснеет от стыда измены,
Не в силах вынести сиянья солнца,
Дрожа при виде собственных грехов.
Не смыть всем водам яростного моря
Святой елей с монаршего чела.
И не страшны тому людские козни,
Кого господь наместником поставил.
За каждого из тех, кто поднял сталь,
Поддавшись наущеньям Болингброка,
Противу нашей золотой короны,
Бог Ричарду даст ангела с мечом.
За правду бьется ангельская рать,
Злодеям перед ней не устоять!

Входит Солсбери.

Привет, милорд! Далеко ль ваши силы?

С о л с б е р и

Не дальше и не ближе, государь,
Чем эта слабая моя рука.
Моим устам отчаянье велело
О горести поведать. Государь,
Боюсь, день опоздания омрачил
Все радости грядущих наших дней.
Верни вчерашний день, — и ты с ним вместе
Двенадцать тысяч воинов вернешь.
А день сегодняшней, день злых несчастий,
Лишил тебя друзей, надежд и власти:
Решив, что пал ты мертвым там, вдали,
Уэльсцы к Болингброку перешли.

О м е р л ь

Мужайтесь, государь! Вы побледили!

К о р о л ь Р и ч а р д

Кровь войска в двадцать тысяч человек
Румянила лицо мое. А ныне
Их нет, — и обескровлен я навек,
Пришел конец и мощи и гордыне.
Бегите ж прочь вы все, кто хочет жить:
И время отказалось мне служить.

О м е р л ь

Мужайтесь! Вспомните, кто вы такой.

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, я забылся! Разве не король я?
Эй, сонное величество, проснись!
Иль имя короля не больше стоит,
Чем сорок тысяч прозвищ и имен?
О, имя королевское мое!
Вооружись! Ведь на твое величье
Восстал всего лишь подданный ничтожный.
Любимцы короля, наш сан высок,
И вы держите голову высоко. —
У дяди Йорка есть еще войска.

Входит С к р у п.

С к р у п

Желаю государю больше счастья,
Чем возведу я скорбными устами.

К о р о л ь Р и ч а р д

Мой дух готов, мои открыты уши.
Ты скажешь мне лишь о земных утратах.
Что ж я утратил? Может быть, державу?
Тогда я с ней утратил и заботы.

Возвыситься стремится Болингброк?
Но выше нас он все равно не станет:
Он только раб господний, как и мы.
Бунтует наш народ? Что ж тут поделать, —
Он грешен и пред богом и пред нами.
Вещай же нам о бедствии любом:
Смерть хуже их, а мы ведь все умрем.

С к р у п

Я счастлив, что вы так вооружились,
Чтобы слышать горестную весть.
Как от внезапно налетевшей бури
Вздуваются серебряные реки
И водами всю затопляют землю,
Как будто растворился мир в слезах, —
Так ярость Болингброка захлестнула
Всю вашу уstraшенную державу
Потоком стали и стальных сердец.
Надвинут шлем на облысевший череп,
Восстали старики на вашу власть.
Мальчишки, говорить стараясь басом,
Напялили доспехи не по росту,
Чтобы идти войной на ваш престол;
Пономари и те хотят сражаться
И учатся, грозя короне вашей,
Гнуть лук из дважды гибельного тиса;
И даже пряжи ржавою секирой

Замахиваются на скипетр ваш.
И стар и млад бунтуют против вас,
И хуже истина, чем мой рассказ.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты слишком хорошо нам рассказал
О столь худых делах. Но где же Буши?
Что случилось с графом Уилтширом? Где Грин?
И как они позволили врагу
Без боя перейти границы наши?
Когда мы одолеем Болингброка,
Они за все ответят головой.
Ручаюсь, что они с ним помирились.

С к р у п

Воистину меж ними полный мир.

К о р о л ь Р и ч а р д

О, негодяи! Гнусные ехидны!
Собаки, лижущие руку вора!
Змей отогрел я на своей груди
И в сердце мне они вонзили жало!
Из трех Иуд тройной Иуда каждый!
Они с ним заключили мир? Так пусть
За то их душам ад войну объявит!

С к р у п

Любовь, своей природе вопреки,
Преобразилась в ненависть, я вижу.
Не надо проклинять их: не рукою,
Но головой скреплен был этот мир.
Возьмите же назад свое проклятье:
Ведь все они погибли смертью злой
И мирно спят теперь в земле сырой.

О м е р л ь

Так, значит, Уилтшир, Буши, Грин — погибли?

С к р у п

В Бристоле обезглавлены они.

О м е р л ь

А где же герцог, мой отец, с войсками?

К о р о л ь Р и ч а р д

Не все ль равно? Молчите о надеждах, —
Поговорим о смерти, о червях, —
Нам прах земной взамен бумаги будет,
В него слезами впишем нашу скорбь.
Нам надлежит составить завещанье,
Избрать душеприказчиков. Но что же,

Что вправе завещать мы? Плоть — земле?
Владеет враг всем нашим достояньем,
А нам принадлежит лишь наша смерть
Да эта жалкая щепотка глины,
Что служит оболочкою костям.
Давайте сядем наземь и припомним
Предания о смерти королей.
Тот был низложен, тот убит в бою,
Тот призраками жертв своих замучен,
Тот был отравлен собственной женой,
А тот во сне зарезан, — всех убили.
Внутри венца, который окружает
Нам, государям, бренное чело,
Сидит на троне смерть, шутиха злая,
Глумясь над нами, над величьем нашим.
Она потешиться нам позволяет:
Сыграть роль короля, который всем
Внушает страх и убивает взглядом;
Она дает нам призрачную власть
И уверяет нас, что наша плоть —
Несокрушимая стена из меди.
Но лишь поверим ей, — она булавкой
Проткнет ту стену, — и прощай, король!
Накройте ваши головы: почтенье
К бессильной этой плоти — лишь насмешка.
Забудьте долг, обычай, этикет:
Они вводили в заблуждение вас.

Ведь, как и вы, я насыщаюсь хлебом,
Желаю, стражду и друзей ищу,
Я подчинен своим страстям, — зачем же
Вы все меня зовете “государь”?

К а р л е й л ь

Мудрец над грянувшей бедой не плачет,
Но преграждает путь для новых бед.
Страх только ослабляет вашу мощь,
А ваша слабость — это мощь врага.
Вам малодушие лишь ущерб приносит;
Трус обречен, у смелых есть надежда:
Отважный, если он и мертвым пал,
То славной смертью смерть саму поправ.

О м е р л ь

В войсках отца опора вашей власти:
Мы целое воссоздадим из части.

К о р о л ь Р и ч а р д

(Карлейлю)

Ты прав в своих укорах. — Близок срок,
С тобой сражусь я, гордый Болингброк!
Прошел мой страх, исчезли колебанья;
Легко вернуть свое же достоянье.

(Скрупу.)

Где дядя наш? Дай радостную весть
В твоём суровом взоре нам прочесть.

С к р у п

Взглянув на небо, люди говорят,
Дождливо будет нынче или ясно;
И если так безрадостен мой взгляд, —
От уст моих ждать радости — напрасно.
Я длю мученья ваши, как палач,
И худшее оставил напоследок:
Ваш дядя Йорк в союзе с Болингброком,
Все крепости на севере сдались,
На юге же примкнуло к Болингброку
Все рыцарство.

К о р о л ь Р и ч а р д

Достаточно! Довольно!

(Омерлю.)

Будь проклят ты, кузен! Ты преградил
Мне сладкий путь к отчаянью. — Зачем?
Что ж смолкли вы? Где ваши утешенья?
Клянусь, возненавижу я навек
Того, кто утешать меня возьмется.
Поедем в замок Флинт, чтоб там скорей
Угас король, теперь — лишь раб скорбей.
Солдат я не держу; пусть пашут, сеют

И пусть на их полях надежды зреют,
А у меня надежды больше нет. —
Уже ничей не нужен мне совет.
Ни слова! Принято мое решение.

О м е р л ь

Но, государь...

К о р о л ь Р и ч а р д

Двойное оскорбление
Мне нанесет тот, кто посмеет льстить.
Всей свите на восток велю спешить:
Здесь Ричарда закат по воле рока,
А там восходит солнце Болингброка!

Уходят.

Сцена 3

Уэльс. Равнина перед замком Флинт.

Входят с барабанным боем и со знаменами Болингброк, Йорк,
Нортемберленд, приближенные и войска.

Б о л и н г б р о к

Доносят нам, что разбрелись уэльсцы,
А Солсбери уехал к королю,
Который с небольшим числом друзей
На этом высадился побережье.

Н о р т е м б е р л е н д

Отличные известия, милорд.
Так, значит, где-то здесь укрылся Ричард.

Й о р к

Милорд, вам подобало бы сказать
“Король наш Ричард”. О, прискорбный день,
Когда помазанник скрываться должен!

Н о р т е м б е р л е н д

Я, ваша светлость, лишь для сокращения
Сей титул опустил.

Й о р к

В былое время,
Чтоб голову вы впредь не задирали,
Он, вам платя за это сокращенье,
На голову бы вас укоротил.

Б о л и н г б р о к

Вы, дядя, переходите границы.

Й о р к

Не ты ль, племянник, перешел границы?
Но берегись: над нами есть господь.

Б о л и н г б р о к

Я знаю, дядя, и господней воле
Я не противлюсь. — Кто идет сюда?

Входит П е р с и.

А, Гарри! Что же, замок не сдается?

П е р с и

Нет, замок укреплен по-королевски,
Чтоб вам противиться.

Б о л и н г б р о к

По-королевски?

Там разве есть король?

П е р с и

О да, милорд,

Там есть король: король английский Ричард
В его стенах; с ним вместе лорд Омерль,
Лорд Солсбери, сэр Стивен Скруп, а также
Высокое духовное лицо,
Чье имя мне осталось неизвестным.

Н о р т е м б е р л е н д

Я узнаю епископа Карлейля.

Б о л и н г б р о к

Милорд Нортемберленд!
Ступайте к остову твердыни древней,
И в уши дряхлые ее бойниц
Пускай приникнет медный голос труб,
Призыв к переговорам.
Скажите так: я, Генрих Болингброк,
Пред королем колени преклоняю,
Ему целую царственную руку
И признаю себя его вассалом;
Согласен я сложить и меч и власть
К его стопам лишь при одном условии:
Чтоб он мое изгнание отменил
И мне вернул законные владенья.
А если нет, — употреблю я силу,
И хлынет кровь сраженных англичан,
И пыль к земле прибьет тот бурный ливень.
Но как далек я в мыслях от того,
Чтоб напоить сей пурпурною влагой
Зеленое и сладостное лоно
Страны, где правит государь наш Ричард, —
Покорностью готов я доказать.
Скажите так. Мы ж развернем войска
На травяном ковре равнины этой.

Н о р т е м б е р л е н д направляется к замку.

Да смолкнет грозный грохот барабанов,
Чтоб всем, кто там, — за ветхими зубцами, —
Была ясна благая наша цель. —
Предвижу я, что будет наша встреча,
Как встреча двух враждующих стихий,
Огня с водой, когда их столкновение,
Рождая гром, рвет в клочья небеса.
Пускай он — молния, тогда я — туча;
Ярится он, а я прольюсь дождем,
Не на него прольюсь, прольюсь на землю. —
Вперед! И взглянем королю в лицо.

Раздается звук трубы, приглашающей к переговорам,
ей отвечает труба внутри замка.

Трубы.

На стены входят король Ричард, епископ
Карлейльский, Омерль, Скрупи и Солсбери.

Йорк

Смотрите, вот и сам король! Подобен
Он покрасневшему от гнева солнцу,
Когда оно выходит в небеса
Через врата востока огневые
И видит вдруг завистливые тучи,
Которые ему сиять мешают
И омрачают триумфальный путь.
Нет, все же он — король. И взор его —
Орлиный взор, исполненный величья.

Увы, как жаль что небо обрекло
Злой скорби столь прекрасное чело.

К о р о л ь Р и ч а р д

(Нортемберленду)

Мы в изумленье. Долго ждали мы,
Что трепетные ты согнешь колени
Перед своим законным королем.
И если государь я, — как посмели
Твои колени должный страх забыть?
А если нет, то где десница божья,
Что от престола отрешила нас?
Ничья рука из плоти и из крови
Из наших рук не может вырвать скипетр,
А если кто отважится на это —
Тот святотатец, бунтовщик и вор.
Вы мните, что, сгубив изменой души,
Не только вы — все отреклись от нас,
Что мы бессильны, лишены друзей?
Но знайте, что господь мой всемогущий
С заоблачных высот на помощь нам
Пошлет всесокрушающее войско;
Оно сразит и вас и ваших чад,
Живых и тех, что в чреве материнском,
За то, что вы, вассалы, взбунтовались,
Моей короне вздумали грозить.

Не Болингброк ли там? Скажи ему,
Что каждым шагом по моей стране
Он совершает тяжкую измену.
Иль хочет он оставить за собой
Кровавый след войны междоусобной?
Но прежде чем он наш венец себе
На голову наденет, — десять тысяч
Разрубленных голов обезобразят
Лик Англии, измяв ее цветы,
И белоснежный мир ее заменят
Багровым гневом, и ее луга
Обрызжут английской священной кровью.

Н о р т е м б е р л е н д

Да сохранит наш властелин небесный
Земного властелина, короля,
От ужасов войны междоусобной!
Кузен твой благородный, Болингброк,
Почтительно тебе целуя руку,
Клянется досточтимую гробницей,
Воздвигнутой над прахом ваших предков,
И королевской кровью, что течет
В обоих вас из славного истока,
И мужественной дланью Джона Ганта,
И собственным достоинством и честью,
И всем, чем может клясться дворянин,
Что он сюда пришел с одной лишь целью:

Вернуть свои наследные права
И короля коленопреклоненно
Просить, чтоб он изгнание отменил.
Коль это государь ему дарует, —
Блестящий меч он ржавчине отдаст,
И берберийского коня — конюшне,
А верное и преданное сердце —
Служенью государю своему.
Он поклялся, как принц, и это правда;
Как дворянин, я клятву подтверждаю.

К о р о л ь Р и ч а р д

Нортемберленд, ответ наш передай:
Здесь будет наш кузен желанным гостем,
И все, о чем он справедливо просит,
Мы жалуем ему без возражений.
И передай в любезнейших словах
Привет от нас достойному кузену.

Н о р т е м б е р л е н д в о з в р а щ а е т с я к Б о л и н г б р о к у.

(Омерлю.)

Уж не унизились ли мы, кузен,
Смирненным видом и учтивой речью?
Быть может, нам вернуть Нортемберленда,
С изменником не заключать условий,
Сразиться с ним и умереть в бою?

О м е р л ь

Нет, надо время выиграть речами,
А время нам пошлет друзей с мечами,

К о р о л ь Р и ч а р д

О боже! Неужели мой язык,
Приговоривший гордеца к изгнанию,
Словами вкрадчивыми должен взять
Свой приговор назад? О, если б я
Мог быть великим, как мое несчастье,
Иль меньшим, чем велит высокий сан!
О, если б мне забыть, чем был я прежде,
Иль то, чем стал теперь, не вспоминать!
Ты бьешься, сердце? Или ты разбилось?
Мои враги разбили нас с тобой.

О м е р л ь

Нортемберленд опять идет сюда.

К о р о л ь Р и ч а р д

Что ж королю прикажут? Подчиняться?
Он подчинится. Иль его сместят?
И этим тоже будет он доволен.
Он должен титул потерять? Бог с ним!
Готов сменять я свой дворец на келью,

Каменья драгоценные — на четки,
Наряд великолепный — на лохмотья,
Резные кубки — на простую миску,
Мой скипетр — на посох пилигрима,
Весь мой народ — на грубое распятие,
И всю мою обширную страну —
На маленькую, тесную могилку,
На тесную убогую могилку.
А то пускай проезжая дорога
Мне будет кладбищем, чтоб мой народ
Вседневно попирает чело монарха:
Уж раз он мне живое сердце топчет, —
Пусть топчет погребенное чело! —
Ты плачешь, добрый мой кузен Омерль! —
Мы вызовем слезами непогоду,
От вздохов и от слез поляжет хлеб,
И на земле мятежной будет голод.
Иль, может быть, мы станем забавляться
Какой-нибудь игрою с нашим горем,
Веселою игрой? Вот, например:
Лить слезы на одно и то же место,
Пока не выдолбим себе могилы.
И пусть напишут на надгробном камне:
“Два родича лежат в могилах сих,
Могилы вырыты слезами их”.
Смешно! — Ну что ж, посмейтесь надо мною,
Над болтовней безумною, пустою. —

Сиятельнейший принц Нортемберленд,
Что повелел король наш Болингброк?
Его величество согласно ль ждать,
Пока умру я собственной смертью?
Коль вы кивнете, — я пойму тогда,
Что милостиво он ответил: “Да!”

Н о р т е м б е р л е н д

Благоволите, государь, спуститься:
Он хочет с вами говорить внизу.

К о р о л ь Р и ч а р д

Спуститься? Я спущусь, как Фазтон,
Не удержавший буйных жеребцов.

Н о р т е м б е р л е н д возвращается к Болингброку.

Вниз! Вниз, король! — дорогой униженья,
Чтоб выказать изменникам смирение.
Вниз, солнце, — тьме отдай свои права!
Где жаворонок пел, — кричит сова!

Все уходят со стен замка.

Б о л и н г б р о к

Ну, что его величество ответил?

Нортемберленд

От горести он словно обезумел:
Бессвязна речь его. Но вот он сам.

Входят король Ричард и его свита.

Боллингброк

Все окажите должное почтение
Его величеству — и отойдите.

(Преклоняет колено.)

Мой добрый государь!

Король Ричард

Любезный мой кузен, не унижайтесь,
Чтоб низкая земля не возгордилась
Касаньем ваших царственных колен.
Я холодно взираю на учтивость,
Милей бы ваша дружба мне была.
Не гнитесь низко! Встаньте же с колен:
Ведь метите высоко вы, кузен.

Боллингброк

Я, государь, лишь за своим явился.

К о р о л ь Р и ч а р д

Берите! Ваше все. Я тоже — ваш.

Б о л и н г б р о к

О повелитель! Вы настолько мой,
Насколько я своею верной службой
Достоин вашу заслужить любовь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Достойны? Вы? Тот все иметь достоин,
Кто брать умеет дерзостью и силой. —
Дай руку, дядя. Слезы осуши:
Не исцелить слезами боль души. —
Хоть вам, кузен, в отцы я не гожусь, —
Знать, вы-то мне в наследники годитесь.
Я все отдам, чего б вы ни просили:
Не должно ли нам покоряться силе? —
Что ж — в Лондон? Дайте мне, кузен, ответ.

Б о л и н г б р о к

Да, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Могу ль сказать я “нет”?

Трубы. Все уходят.

Сцена 4

Ленгли. Сад герцога Йоркского.

Входят королева и две придворные дамы.

Королева

Какую бы придумать нам игру,
Чтобы рассеять горькие заботы?

Первая придворная дама

Сыграем, государыня, в шары.

Королева

О нет, — шары напомнят мне о том,
Что на пути у нас стоят преграды
И что удары мне судьба готовит.

Первая придворная дама

Давайте танцевать.

Королева

Могу ль со счета я не сбиться в танце,
Со счета сбившись в горестях моих?
Нет, нет, прошу тебя, не надо танцев.

Первая придворная дама
Тогда давайте что-нибудь расскажем.

Королева
О чем же? О печали иль о счастье?

Первая придворная дама
О том и о другом.

Королева
Нет, ни о чем!
Рассказ о счастье мне печаль умножит,
Напомнив то, чего лишилась я;
А повесть о печали увеличит
Несчастьем чужим мою печаль.
К чему твердить о том, что есть в избытке,
Жалеть о том, чего мы лишены?

Первая придворная дама
Тогда я вам спою.

Королева
Коль сможешь — пой!
Но плач мне больше был бы по душе.

Первая придворная дама
Чтоб вам помочь, готова я заплакать.

Королева

Когда б я горе выплакать умела,
Я петь могла б, слез не прося твоих.

Костюм придворной дамы

Постойте! Вон садовники идут.
Я ставлю против сломанной булавки
Всю скорбь мою, что разговор меж ними
Пойдет о государственных делах.

В годину смут одни у всех тревоги;
Беда кричит, что горе на пороге.

Королева и придворные дамы прячутся.
Входят садовник и два работника.

Садовник

Ты подвяжи на этих абрикосах
Большие ветки, что отягощают
Свой ствол, как блудные сыны — отца;
Поставить надо для ветвей подпорки. —
Тебе же надлежит, как палачу,
Отсечь чрезмерно длинные побеги,
Которые так вознеслись надменно:
Пусть в царстве нашем будут все равны. —
Я ж сорняки выпалывать начну,
Которые сосут из почвы соки
И заглушают добрые цветы.

Первый работник

Зачем же нам внутри ограды этой,
На этом небольшом клочке земли
Поддерживать порядок, меру стройность,
Когда наш огражденный морем сад,
Наш край родной зарос травой сорной,
Зачахли лучшие его цветы,

Плодовые деревья одичали,
Изъедены червями?

С а д о в н и к

Помолчи!

Кто не навел в саду своем порядка,
Тот сам теперь увянуть обречен.
Он дал приют под царственной листвою
Прожорливым и вредным сорнякам,
Считая, что они — его опора;
Но вот их ныне вырвал Болингброк.
Те сорняки — граф Уилтшир, Грин и Буши.

П е р в ы й р а б о т н и к

Они мертвы?

С а д о в н и к

Мертвы. И Болингброком
Взят в плен сам расточительный король.
Как жаль, что не хранил он, не лелеял
Свою страну, как мы лелеем сад!
Чтоб не могли плодовые деревья
Погибнуть от переполнения соком,
Весной мы надрезаем их кору.
Когда б с вельможами так поступал он,
Росли б они на пользу государству,

А он вкушал бы верности плоды.
Мы обстригаем лишние побеги,
Чтоб дать простор ветвям плодоносящим.
Так поступая, он царил бы мирно,
Но нерадив и беззаботен он,
И должен потому отдать свой трон.

П е р в ы й р а б о т н и к

Так, стало быть, низложат короля?

С а д о в н и к

Унижен он; а будет и низложен.
В письме, что нынче ночью получило
Одно лицо, с кем герцог Йоркский в дружбе, —
Дурные новости.

К о р о л е в а

Нет сил терпеть! Молчать я не могу!

(Выходит из-за кустов.)

О ты, что наподобие Адама
Возделываешь райский этот сад!
Как повернулся грубый твой язык,
Чтоб разглашать дурные эти вести?
Какая Ева, змей какой толкнул
Тебя на новое грехопадение?

Как смел ты молвить, что король низложен?
Как ты, что лишь немногим лучше грязи,
Посмел предречь паденье божества?
Ответь мне: как, откуда и когда
Узнал ты это? Говори, несчастный!

С а д о в н и к

Простите, государыня, мне жалко
Вас огорчать, но мой рассказ правдив.
Наш государь во власти Болингброка.
Теперь их судьбы на весах Фортуны.
На чаше той, где ваш супруг, — он сам
Да несколько напыщенных ничтожеств,
Которые лишь уменьшают вес;
А на другой — всесильный Болингброк
И вместе с ним все английские пэры.
Так, верно, перевесит эта чаша.
Спешите в Лондон; вы поймете там:
Все знают то, что здесь сказал я вам.

К о р о л е в а

Зачем, о быстроногое несчастье,
Ко мне твое известье запоздало?
Зачем я все последней узнаю?
Иль ты желаешь, чтобы я подольше
Печаль хранила в сердце у себя?

(Придворным дамам.)

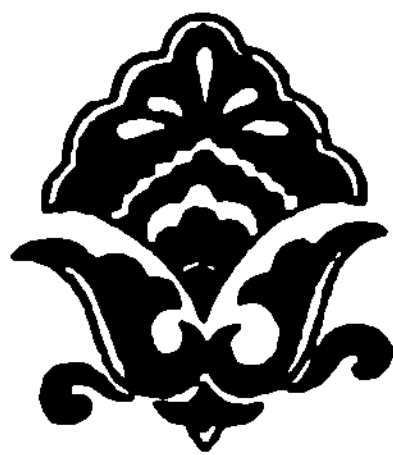
Скорее в путь! Скорее в Лондон, где
Властитель Лондона теперь в беде. —
Ужель, судьба, велишь ты мне жестоко
Быть пленницей в триумфе Болингброка? —
Садовник, за такую злую весть
Дай бог твоим цветам вовек не цвести.

Королева и придворные дамы уходят.

С а д о в н и к

Пускай бы все труды мои пропали,
Коль от того пройдут твои печали.
Бедняжка! Здесь, где плакала она,
Плакун-травы посею семена;
Кто взглянет на зеленые посевы,
Пусть вспоминает слезы королевы.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Лондон. Тронный зал в Уэстминстерском дворце.

Вокруг трона, на возвышении, стоят л о р д ы: слева — светские, справа — духовного звания; внизу — члены палаты общин.

Входят Болингброк, Омерль, Серри, Нортемберленд, Перси, Фицуотер, епископ Карлейльский, аббат Уэстминстерский и другие, за ними стража ведет Бегота.

Болингброк

Пусть Бегот подойдет. —
Итак, поведай, Бегот, без утайки, —
Как умерщвлен был благородный Глостер?

Кто вместе с королем задумал это
И кто свершил кровавое деянье,
Жизнь герцога до срока оборвав?

Б е г о т

Пусть предо мною встанет лорд Омерль.

Б о л и н г б р о к

Кузен, взгляните Беготу в лицо.

Б е г о т

Милорд, отказом от своих же слов
Унизите ли вы язык ваш дерзкий?
В час роковой, когда был герцог Глостер
На гибель обречен, сказали вы:
“Ужель рука моя так коротка,
Что ей из Англии не дотянуться
До дядюшкиной головы в Кале?”
В другой раз я слышал, как вы сказали,
Что легче было б вам отвергнуть дар
В сто тысяч крон, чем видеть Болингброка
Опять здесь, в Англии, к тому прибавив,
Что смерть кузена вашего была бы
Благословеньем для страны.

Омерль

Милорды!

Как мне ответить низкому лжецу?
Сразившись с этим подлецом, как с равным,
Я оскорблю высокий мой удел.
И все же языку клеветника
Я честь свою порочить не позволю.

(Бросает перчатку.)

Моя перчатка, смертное клеймо,
Теперь тебя отметила для ада.
Ты лжешь, и лживо все, что ты сказал:
Я это докажу твоею кровью,
Хоть жаль мараить мне рыцарский свой меч.

Боллингброк

Постой! Не поднимай перчатку, Бегот!

Омерль

О, если бы не он был оскорбитель,
А лучший из дворян, что здесь стоят, —
За исключением только одного.

Фицотер

Коль равного противника ты ищешь,
Омерль, — мою перчатку подними.

Клянусь сияющим над нами солнцем,
Я слышал сам, как похвалялся ты,
Что славный Глостер был тобой погублен.
И если станешь это отрицать,
Унизишься двадцатикратной ложью;
И в грудь твою, где ложь взяла начало,
Ее верну я острием меча.

О м е р л ь

До дня того не доживешь ты, трус!

Ф и ц у о т е р

Клянусь душой, — готов немедля биться!

О м е р л ь

За ложь, Фицуотер, будешь ты в аду!

П е р с и

Ты лжешь, Омерль! Правдив твой обвинитель
Настолько же, насколько сам ты лжив.
Чтоб это доказать, готов я биться
С тобою на смерть. Вот моя перчатка;
Осмелишься ли ты ее поднять?

О м е р л ь

Коль не осмелюсь, пусть рука отсохнет,
Чтобы не смог я мстительную сталь
Обрушить на блестящий шлем врага!

О д и н и з л о р д о в

И я земле, Омерль, клятвопреступник,
Мою перчатку для тебя вручаю.
Чтобы разъярить тебя, я не устану
И днем и ночью повторять: “Ты лжец!”
Вот мой залог, коль смеешь, подними!

О м е р л ь

Ну, кто еще? Любой приму я вызов!
Во мне отвага тысячи бойцов,
Таких, как вы, сражу я двадцать тысяч.

С е р р и

Милорд Фицуотер, я отлично помню
Беседу вашу с герцогом Омерлем.

Ф и ц у о т е р

Да, разговор происходил при вас;
Свидетель вы тому, что это правда.

Серри

Клянусь небесной правдой, что — неправда!

Фицотер

Ты, Серри, лжешь!

Серри

Молчи, щенок бесчестный!

Я ложь твою на меч свой положу,
И тяжкое обрушит он возмездье,
Пока не обретут себе покоя
На смертном ложе лжец и его ложь.
Тебе свою перчатку я бросаю,
Когда посмеешь ты, — сразись со мной!

Фицотер

Как ты горячего коня прищпорил!
Я смею пить и есть, дышать и жить,
И так же, встретив Серри, хоть в пустыне,
Ему в лицо посмею плюнуть я
И повторить, что лжец он, лжет и лжет!
Я привяжу тебе своею клятвой
К суровому отмщенью моему.
Как правда, что прославиться мечтаю
Я в этом мире, новом для меня,

Так правда все, в чем я виню Омерля. —
Еще, Омерль, от Норфолка я слышал, —
Послал в Кале ты двух своих вассалов,
Чтоб Глостера достойного убить.

О м е р л ь

Пусть кто-нибудь из честных христиан
Мне даст перчатку, чтоб ее я бросил
В залог того, что Норфолк лжет, и пусть
Он явится для божьего суда.

Б о л и н г б р о к

Все распри под залогами оставим,
Пока домой не возвратится Норфолк.
Хоть мне он враг, он будет возвращен
И вновь получит все свои владенья.
Омерлю с ним назначим поединок.

К а р л е й л ь

Сей славный день вовеки не наступит.
Изгнанник Норфолк ревностно сражался
В святой земле за гроб честной господень;
Под стягом крестоносцев побеждал
Он турок, сарацин и чернокожих,
И, утомленный бранными трудами,
В Венецию решил он удалиться

И там земле Италии прекрасной
Предал он плоть, а благородный дух
Предал он своему вождю Христу,
Под чьей хоругвью воевал так долго.

Б о л и н г б р о к

Вы точно знаете, что Норфолк умер?

К а р л е й л ь

Как знаю то, что ныне сам я жив.

Б о л и н г б р о к

Пускай его блаженная душа
Почиет с миром в лоне Авраама. —
Вы, лорды, обвинившие друг друга,
На время прекратите ваши распри,
Пока мы не назначим божий суд.

Входит Й о р к со свитой.

Й о р к

К тебе пришел я, доблестный Ланкастер,
Униженного Ричарда послом.
Он признает тебя по доброй воле
Наследником престола и свой скиптр
Тебе влагает в царственную руку.

Взойди на трон, раз он с него сошел.
Взойди! Да здравствует король наш Генрих!

Б о л и н г б р о к

То — божья воля: я взойду на трон.

К а р л е й л ь

Избави боже! Нет!
Пусть сильным мира я не угожу
Своею речью, — угожу я правде.
Когда бы в благородном сем собрание
Нашелся кто-нибудь столь благородный,
Чтобы он мог быть праведным судьей
Над благородным Ричардом, — тогда
Его бы удержало благородство
От этого ужасного греха.
Как может подданный судить монарха?
А подданные Ричарда — здесь все!
Ведь даже вора осудить нельзя,
Не выслушав, хоть кража очевидна.
Так можно ли судить вам государя,
Носителя небесного величья,
Избранника, наместника господня,
Венчанного, помазанного богом,
И приговор заочно выносить?
Избави боже, чтобы христиане

Столь черное свершили преступленье!
Я к подданным взываю; бог велит
Мне, подданному, встать за государя.
Лорд Херифорд, которого назвали
Вы королем, — изменник королю.
И если вы возложите корону
На голову его, я предрекаю:
Кровь павших англичан удобрит землю,
И многие грядущие века
Оплачут горько это злое дело;
К язычникам переселится мир,
А здесь междоусобья разгорятся,
Восстанет брат на брата, род на род.
Насилье, страх, разруха и мятеж
Здесь будут жить, и край наш будет зваться
Голгофой и страною мертвецов.
О! Если дом английских королей
Сам на себя восстанет, — это будет
Ужаснейшим из всех земных раздоров.
Опомнитесь! Не порождайте смут,
Иначе вас потомки проклянут!

Н о р т е м б е р л е н д

Отлично, сэр! Вы славно потрудились,
Чтобы изобличить себя в измене,
И мы сейчас под стражу вас возьмем. —
Вам поручается, милорд Уэстминстер,

Его стеречь до вызова на суд. —
Благоволят ли лорды согласиться
С решением, принятым палатой общин?

Б о л и н г б р о к

Введите Ричарда: пусть всенародно
Он отречется; и тогда мы сможем
От нас все подозренья отвести.

Й о р к

Ему служить я буду провожатым.

(Уходит.)

Б о л и н г б р о к

(Омерлю и Серри)

Вас, лорды, мы пока возьмем под стражу:
Должны вы поручительства представить,
Что в должный день вы явитесь на суд.

(Карлейлю.)

От вас не ожидали мы любви
И не надеялись на вашу помощь.

Возвращается Йорк с королем Ричардом. За ними
несколько дворян несут королевские регалии: корону и прочее.

К о р о л ь Р и ч а р д

Увы! Уже я позван к королю,
А сам еще не вовсе отрешился
От королевских помыслов и чувств!
Еще не научился я гнуть спину,
Поддакивать, наушничать и льстить.
О, дайте скорби срок, — она научит.
Но я припоминаю эти лица:
Как будто люди эти мне служили,
Кричали мне: “Да здравствует король!”
Вот так лобзал Иуда. Но Христос
Одним лишь из двенадцати был предан;
Меня же предали двенадцать тысяч,
И не остался верен ни один.
Бог короля храни! — Но я не слышу
В ответ “Аминь!” Я, видно, и священник
И причт? Ну что же, сам скажу аминь!
Бог короля храни! — хоть он — не я.
И все-таки аминь; быть может, небо
Еще меня считает королем. —
Зачем сюда велели мне прийти?

Й о р к

Затем, чтоб ты от бремени величья
Отрекся добровольно и признал

Что должен и державу и корону
Взять Генрих Болингброк.

К о р о л ь Р и ч а р д

Подайте мне корону. — Здесь, кузен,
Вот здесь, кузен, возьмитесь за нее.
Итак, мы с двух сторон венец сей держим.
Он — как колодец, мы — как два ведра,
Что связаны друг с другом общей цепью:
Одно из них пустое, вверх стремится,
Другое тонет, полное водою.
Я полон скорбью и в слезах тону,
А вы легко стремитесь в вышину.

Б о л и н г б р о к

Но сами вы отречься пожелали.

К о р о л ь Р и ч а р д

От трона — да; увы, — не от печали.
Я отдаю вам власть, но скорбь и боль
Возьму себе, над ними я король.

Б о л и н г б р о к

С короной часть забот вы мне вручите.

К о р о л ь Р и ч а р д

Себя заботой вы обремените,
Приняв мои заботы, мой венец,
Но все ж моим заботам — не конец.
У нас заботы — с разною основой:
Забота ваша — страсть к заботе новой,
Меня же то заботит и гнетет,
Что буду я лишен былых забот.

Б о л и н г б р о к

Согласны ль вы отречься от короны?

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, нет... Нет, да... Ведь я — ничто. В ответ,
Чтоб вышло “да”, я отрекусь от “нет”.
Итак, смотри, как сам себя я свергну! —
С главы сниму я непосильный груз,
Из сердца вырву царственную гордость
И выпущу из рук тяжелый скиптр.
Я днесь смываю свой елей слезами,
Я днесь свою корону отдаю,
Я днесь с себя слагаю сан священный,
Я днесь от всех отказываюсь прав.
От почестей, от власти отрекаюсь,
Отказываюсь от своих владений,
Свои указы все беру назад.

Пусть изменившим мне господь простит!
Тебя пусть от измены он хранит!
Пусть я, кто стал ничем, стал неимущим,
Ничем не буду удручен в грядущем;
Тебе же, кто вознесся выше всех,
Пускай во всем сопутствует успех!
Тебе — царить на Ричардовом троне,
А Ричарду — в земном сокрыться лоне.
Безоблачны твои да будут дни.
Король наш Генрих, бог тебя храни! —
Ну, что еще?

Н о р т е м б е р л е н д

(подавая бумагу)

Еще прочтите это, —
Признание в тяжелых преступлениях,
Которыми вы с вашими друзьями
Стране ущерб огромный нанесли.
Покайтесь же, и пусть народ узнает,
Что по заслугам низложили вас.

К о р о л ь Р и ч а р д

Как! Сам я должен размотать пред всеми
Клубок своих безумств? Нортемберленд,
Когда бы речь шла о твоих проступках,
Не стыдно ль было бы в таком собрание

Тебе их оглашать? А если нет, —
Ты в списке том прочел бы страшный грех:
Свержение законного монарха
И поругание святой присяги,
За что и будешь богом проклят ты. —
А вы — вам любопытно поглазеть,
Как надо мной беда моя глумится?
Кой-кто меня жалеет лицемерно
И умывает руки, как Пилат;
Но это вам, Пилаты, не мешает
На муки крестные меня отдать,
И вам водой не смыть сего греха.

Н о р т е м б е р л е н д

Читайте же, милорд, не будем медлить.

К о р о л ь Р и ч а р д

Не вижу — слез полны мои глаза!
И все же я соленой этой влагой
Не ослеплен настолько, чтоб не видеть
Изменников, столпившихся вокруг.
И если взор я обращаю к себе,
Окажется, что я изменник тоже:
Я дал свое согласие на то,
Чтоб с короля сорвать его порфиру,

Власть ввергнуть в рабство, обесчестить славу
И государя в смерда превратить.

Н о р т е м б е р л е н д

Милорд...

К о р о л ь Р и ч а р д

Тебе не лорд я, оскорбитель!
Я титул потерял, утратил имя, —
И даже имя, данное в купели,
Я потерял, — не Ричард больше я.
О горе! Столько зим прожив на свете,
Не знаю, как мне называть себя!
О, если б я был шуточный король,
Из снега слепленный, и мог растаять,
Растечься мог под солнцем Болингброка! —
Мой добрый, мой великий государь! —
Хоть доброты в твоём величье мало, —
Когда ещё какую-нибудь цену
Имеют в Англии мои слова, —
Вели, пусть зеркало мне принесут,
Хочу я посмотреть на короля,
Лишенного могущества и власти.

Б о л и н г б р о к

Пусть зеркало достанет кто-нибудь.

Один из слуг уходит.

Н о р т е м б е р л е н д

А вы пока бумагу прочитайте.

К о р о л ь Р и ч а р д

Еще я не в аду — не мучай, дьявол!

Б о л и н г б р о к

Оставим это, лорд Нортемберленд.

Н о р т е м б е р л е н д

Палата общин будет недовольна.

К о р о л ь Р и ч а р д

Довольна будет. Я прочту довольно,
Коль загляну в ту подлинную книгу,
Где значатся мои грехи, — в себя.

Входит слуга с зеркалом.

Дай зеркало, и все я в нем прочту. —
Как! Линии морщин не стали глубже?
Скорбь нанесла мне по лицу удары,
А шрамов нет? О, льстивое стекло!
Как все мои приверженцы былые,
Ты лжешь! Ужели здесь — лицо того,

Ричард II и Болингброк. Рис. Г.Силуза

Кто каждый день под кров гостеприимный
Сзывал по десять тысяч человек?
Лицо, что заставляло, словно солнце,
Зажмуриться глядевших на него?
Лицо того, кто был так безрассуден,
Так добрых от дурных не отличал,
Что был отлично свергнут Болингброком.
Величьем бренным светится лицо,
Но бренно, как величье, и лицо.

(С силой бросает зеркало на пол.)

Ну вот, оно лежит, в куски разбито,
И в том тебе урок, король угасший:
Как быстро скорбь разрушила лицо.

Б о л и н г б р о к

Разрушена лишь тенью вашей скорби
Тень вашего лица.

К о р о л ь Р и ч а р д

Как? Повтори!

Тень скорби, говоришь ты? Гм! Быть может. —
Конечно, так: гнездится скорбь внутри,
А горестные жалобы мои —
Лишь призраки невидимого горя,
Созревшего в истерзанной душе.
Король, благодарю тебя за щедрость:

Причины мне дарюя для печали,
Ты сам же учишь, как мне горевать.
Лишь об одном еще вас попрошу,
А там уйду и докучать не стану.
Могу ль надеяться на эту милость?

Б о л и н г б р о к

Какую же, достойнейший кузен?

К о р о л ь Р и ч а р д

“Достойнейший”? Я — больше, чем король!
Я был король, — мне подданные льстили;
Я — подданный, и вот — король мне льстит.
Я так велик, зачем же мне просить?

Б о л и н г б р о к

Просите все-таки.

К о р о л ь Р и ч а р д

И получу?

Б о л и н г б р о к

О да!

К о р о л ь Р и ч а р д

Итак, позвольте мне уйти.

Б о л и н г б р о к

Куда?

К о р о л ь Р и ч а р д

Туда, куда вы повелите,
Но только поскорее прочь отсюда.

Б о л и н г б р о к

Пусть проведут его немедля в Тауэр.

К о р о л ь Р и ч а р д

Пусть проведут? Вы хорошо сказали.
Меня любой сумеет провести:
Раз пал король — изменники в чести.

Король Ричард, несколько лордов и стража уходят.

Б о л и н г б р о к

На будущую среду назначаем
Мы нашу коронацию. Готовьтесь.

Уходят все, кроме епископа Карлейльского, аббата
Уэстминстерского и Омерля.

А б б а т

Я зрелища плачевней не видал.

К а р л е й л ь

Плач впереди: за это преступленье
Заплатят будущие поколения.

О м е р л ь

Ужель, отцы святые, средства нет
Наш край избавить от грозящих бед?

А б б а т

Милорд, я буду с вами откровенен,
Но только раньше вы должны поклясться
Моих намерений не разглашать
И все, что я потребую, исполнить. —
Я вижу на челе у вас заботу,
Печаль на сердце, слезы на глазах.
Прошу обоих вас ко мне на ужин,
И я вам изложу к спасенью путь;
Дни радости он сможет нам вернуть.

Уходят

АКТ V

Сцена 1

Лондон. Покой в Или-Хаузе.

Входят королева и придворные дамы.

Королева

Вот путь к угрюмой крепости; ее
На горе нам построил Юлий Цезарь,
По этому пути пройдет король.
Супруг мой будет в каменной громаде
Надменным Болингброком заточен.
Здесь отдохнем. — Мятежная земля,
Дай отдохнуть законной королеве!

Входит король Ричард под стражей.

Скорей! Взгляните!.. Или нет, не надо.
Цветок моей души, как он увял!
Нет, все же поглядите: состраданье
Пусть освежит его росой слез.
Вот что осталось от великой Трои!
Ты — отблеск прежней славы!
Ты — не Ричард,
Ты лишь гробница Ричарда бывшего!
Увы, зачем в прекраснейшем дворце
Уродливое горе обитает,
А счастье поселилось в кабаке?

Король Ричард

О, не вступай, красавица, в союз
Со скорбью: тем ты мой конец приблизишь.
Учись считать бывшее чудным сном,
От коего мы ныне пробудились.
Я побратался с беспощадным горем
И до могилы буду связан с ним.
Любимая, во Францию спеши
И затворись там в келье монастырской.
О, если бы мы праведною жизнью
Небесные венцы стяжать могли,
Раз уж своих земных не сберегли!

Королева

Как! Ричард мой настолько изменился,
Ослаб настолько телом и душой?
Иль Болингброк твой разум тоже сверг?

Иль в сердце Ричарда он тоже вторгся?
Лев раненый, когда когтистой лапой
До недруга не может дотянуться,
Терзает землю в ярости. А ты —
Ты, словно провинившийся школяр,
Льстишь ярости врага, целуя розгу?
Опомнись же — ты лев, ты царь зверей!

К о р о л ь Р и ч а р д

Воистину я — царь зверей! О, если б
Средь подданных не только звери были,
Я счастливо царил бы над людьми.
Былая королева! Собирайся
Во Францию. Считай, что ты вдова,
Что умер я, с тобою здесь простившись.
Когда тебе случится коротать
Со стариками долгий зимний вечер
У очага и слушать их рассказы
О бедствиях времен давно минувших, —
Ты расскажи им повесть обо мне,
Пусть перед сном они меня оплачут.
В твоих словах такая будет скорбь,
Что огненные слезы сострадания
Прольются из бесчувственных поленьев
И в черный уголь или в серый пепел
Они затем оденутся, печалясь
О свергнутом законном короле.

Входят Н ор тем бер лен д и другие.

Н о р т е м б е р л е н д

Милорд, решил иначе Болингброк:
Отправитесь вы в Помфрет, а не в Тауэр. —
Вы ж, государыня, благоволите
Немедленно во Францию отплыть.

К о р о л ь Р и ч а р д

Нортемберленд, ты — лестница, по коей
На мой престол поднялся Болингброк.
Но близок час, когда твой гнусный грех
Прорвется, как нарыв, набухший гноем.
Ты, если даже Болингброк отдаст
Тебе полцарства, — будешь недоволен:
Ему ведь все помог ты захватить.
А он поймет, увидев, как умеешь
Ты делать незаконных королей,
Что и его, чуть он тебя заденет,
С захваченного трона ты столкнешь.
Так ваша дружба обратится в страх,
Страх — в ненависть, а ненависть обоим
Заслуженную гибель принесет.

Н о р т е м б е р л е н д

Мой грех, мой и ответ, — покончим с этим.
Прощайтесь же, расстаться вы должны.

К о р о л ь Р и ч а р д

Двойной развод! — Расторгли, злые люди,
Вы мой союз с законною короной
И мой союз с законною женой.

(Королеве.)

Вернем друг другу брачные обеты

Прощальным поцелуем... Нет, не надо, —
Ведь поцелуй их некогда скрепил.

(Нортемберленду.)

Что ж, разлучай! Отправь меня на север,
Туда, где холод, сырость и болезни;
Ее — во Францию. Она оттуда
Пришла, как май, нас радостью даря,
Вернется же — грустнее ноября.

К о р о л е в а

Мы будем врозь? Должны мы жить в разлуке?

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, будут врозь сердца, врозь будут руки.

К о р о л е в а

Пускай пошлют в изгнание нас вдвоем.

Н о р т е м б е р л е н д

Опасность для страны была бы в том.

К о р о л е в а

Тогда пусть с ним я разделю неволю.

К о р о л ь Р и ч а р д

Чтоб вместе горькую оплакать долю?
Нет, если вместе жить не довелось,
То лучше уж и горевать нам врозь.
Твой путь измерят стоны, мой — рыдания.

К о р о л е в а

Мой долг путь, надолго и стенанья.

К о р о л ь Р и ч а р д

Но вдвое горше мой короткий путь,
И вздохи будут разрывать мне грудь.
Раз нам со скорбью обвенчаться надо,
Не будем длить венчального обряда.
И молча, — лишь с лобзаньем, — в знак конца
Друг другу мы вручим свои сердца.

Обмениваются поцелуем.

К о р о л е в а

Нет, снова обменяемся сердцами:
Я не хочу убить твое слезами.

Снова обмениваются поцелуем.

Ты сердце мне вернул; теперь иди:
Тоска убьет его в моей груди.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прощай! Молчи — слова лишь множат горе;
Все наша скорбь за нас доскажет вскоре.

Уходят.

Сцена 2

Лондон.

Покой во дворце герцога Йоркского.

Входят Йорк и герцогиня Йоркская.

Г е р ц о г и н я

Супруг мой, вам рыдания помешали,
Но вы должны окончить свой рассказ
О въезде двух племянников в столицу.

Й о р к

На чем остановился я?

Г е р ц о г и н я

На том,
Что на голову Ричарду из окон
Бросали злые руки всякий сор.

Й о р к

Как я сказал, великий Болингброк
Въезжал верхом на скакуне горячем,
Который выступал неторопливо,
Как будто бы гордясь столь славной ношей,
Своим честолюбивым седоком.
Народ его приветствовал, крича:
“Да здравствует наш Болингброк!” Казалось,
Что окна ожили: и стар и млад
Глазами жадными на них глядели;
Казалось, что кричали даже стены,
Украшенные яркими коврами:
“Добро пожаловать, наш Болингброк!”
Он ехал с непокрытой головой
И, кланяясь направо и налево,
Сгибаясь ниже конской шеи,
Всем говорил: “Спасибо, земляки”.
Так, всю дорогу кланяясь, он ехал.

Г е р ц о г и н я

А бедный Ричард? Как же ехал он?

Й о р к

Когда любимый публикой актер,
Окончив роль, подмостки покидает,
На сцене ж появляется другой,

То на него все смотрят без вниманья,
Зевают, слушая его слова.
Так Ричард встречен был пренебреженьем,
Никто “да здравствует!” не возгласил,
Никто “добро пожаловать!” не молвил,
Кой-кто бросал в помазанника грязью,
И кротко он стирал ее с себя;
А на лице его боролись слезы
С улыбкой — знаки скорби и терпенья.
Когда бы с некой высшей целью небо
Сердца людские не ожесточило, —
Смягчились бы они; и состраданья
Исполнилось бы варварство само.
Но всем видна здесь божия десница,
Должны мы высшей воле подчиниться.
Я Болингброку свой принес обет;
Он — мой король, возврата больше нет.

Герцогиня

Но вот Омерль.

Йорк

Он больше не Омерль.

Друг Ричарда, он герцогства лишен
И только графом Ретлендом зовется.
В парламенте я нынче дал присягу,

Что государю новому мой сын
Вассалом верным будет навсегда.

Входит Омерль.

Герцогиня

Мой сын, какие новые фиалки
Взрастила эта новая весна?

Омерль

Не знаю. Что мне в том? Господь свидетель, —
Я не желал бы стать одной из них.

Йорк

Сию весну ты должен стойко снести,
Иль будешь сорван, не успев расцвести.
Что в Оксфорде? Турниры и веселье?

Омерль

Как будто.

Йорк

Собираешься туда?

Омерль

Коль мне господь не помешает, — да.

Й о р к

Постой! Что это за шнурок с печатью?
Ты побледнел! Что это за бумага?

О м е р л ь

Безделица, милорд.

Й о р к

Ну, если так,
Тогда и показать ее не страшно.
Подай бумагу, я хочу прочесть.

О м е р л ь

Прошу меня уволить, ваша светлость.
Значения бумага не имеет,
Но все ж ее читать вы не должны.

Й о р к

И все же, сэр, ее прочесть я должен.
Боюсь, боюсь...

Г е р ц о г и н я

Чего боитесь вы?
Расписка это, верно, долговая:

Вошел в долги он, чтобы нарядиться
К оксфордским торжествам.

Й о р к

Вошел в долги?
И самому себе вручил расписку?
В уме ли ты?

(Омерлю.)

Подай сюда бумагу.

О м е р л ь

О нет, отец! Простите, не могу.

Й о р к

Нет, ты отдашь, и я ее прочту.

(Вырывает бумагу и читает ее.)

Предательство!.. Злодей! Подлец! Изменник!

Г е р ц о г и н я

Но что случилось? Что все это значит?

Й о р к

Эй! Слуги! Кто там! Эй!

Входит сл у г а.

Седлать коня!
О боже! Что за гнусная измена!

Герцогиня
О чем вы, мой супруг?

Герцогиня Йоркская

Йорк

Подай мне сапоги! Седлать коня! —

Слуга уходит.

Клянусь я честью, жизнью и присягой —
Изобличу злодея!

Герцогиня

Что случилось?

Йорк

Безумная, молчи!

Герцогиня

Не замолчу! — Омерль, скажи, в чем дело?

Омерль

Не бойся, пустяки. И я отвечу
За это только жизнью.

Герцогиня

Только жизнью?

Йорк

Эй, сапоги! Я еду к королю.

Входит слуга
с высокими сапогами.

Герцогиня

Гони его, Омерль! Мой бедный мальчик,
Растерян ты?

(Слуге.)

Прочь с глаз моих, холоп!

Слуга уходит.

Йорк

Я говорю — подать мне сапоги!

Герцогиня

Остановись! Что ты задумал, Йорк?
Ужель ты выдашь собственное чадо?
Иль есть у нас другие сыновья?
Иль мне рожать детей еще не поздно?
Отнять ты хочешь сына у старухи,
Чтоб матерью ее никто не звал?
Иль в вас нет сходства? Он тебе чужой?

Йорк

Несчастливая! Лишилась ты рассудка?
Ты хочешь скрыть сей заговор ужасный?
Двенадцать заговорщиков решили —
Вот клятва их, скрепленная печатью, —
Убить монарха в Оксфорде.

Герцогиня

О нет!

Мы сына своего туда не пустим!
Так нам-то что до этого?

Йорк

Отстань!

Безумная! Да будь он двадцать раз
Мой сын, — его изобличить я должен.

Герцогиня

Когда б из-за него ты принял муки,
Как я, — к нему ты был бы милосердней.
Теперь я вижу: ты подозреваешь,
Что ложе осквернила я твое
И он тебе не сын, но плод греха?
О нет, не думай так, супруг любимый!
Нет сходства большего, чем между вами.
Ни на меня, ни на моих родных
Он вовсе не похож, а между тем
Я так его люблю!

Йорк

Прочь! Прочь с дороги!

(Уходит.)

Герцогиня

Омерль, — за ним! Возьми его коня!
Мчись к королю, опередив отца,
И вымоли заранее прощенье,
Пока отцом еще не обвинен.
Я — тоже за тобой. Хоть я стара,
Но Йорк меня намного не обгонит.
И там с колен я поднимусь не прежде,
Чем Болингброк тебя простит. Спешите!

Уходят.

Сцена 3

Уиндзор. Зал во дворце.

Входит Болингброк в королевском одеянии, Перси
и другие лорды.

Болингброк

Кто скажет мне, где мой беспутный сын?
Три месяца, как я его не видел.
Поистине, для нас он божья кара.
Прошу вас разыскать его, милорды.
По лондонским ищите кабакам:
Там, говорят, он днюет и ночует
Среди своих друзей — головорезов,
Из тех, что рыщут в узких переулках,
Чиня разбой, на стражу нападая.

А он, шальной, балованный юнец,
Считает для себя великой честью
Кормить весь этот сброд.

П е р с и

На днях я встретил принца, государь,
И рассказал об оксфордских турнирах.

Б о л и н г б р о к

И что ж тебе ответил шалопай?

П е р с и

Ответил, что пойдет в публичный дом,
Возьмет перчатку у последней шлюхи,
Что, прикрепив сей знак благоволения
На шлем, участие примет он в турнире
И выбьет там любого из седла.

Б о л и н г б р о к

В нем удали не меньше, чем беспутства!
И все же в сыне проблески я вижу,
Которые мне подают надежду,
Что славы он достигнет, возмужав.

Вбегает О м е р л ь.

Омерль

Где государь?

Боллингброк

Но что с кузеном нашим?
Как дико он глядит.

Омерль

Бог да хранит вас, государь. Могу ли
Просить у вас беседы с глазу на глаз?

Боллингброк

Оставьте нас вдвоем.

Перси и другие уходят.

Кузен, что с вами?

Омерль

(преклоняя колени.)

Пускай вратут мои колени в землю,
Пускай прилипнет к небу мой язык,
Коль поднимусь или заговорю,
Не получив от короля прощенья.

Б о л и н г б р о к

Ты грешен помыслом или поступком?
Но если помыслом, — пусть самым злым, —
Прощу, чтоб впредь ты другом стал моим.

О м е р л ь

Позвольте дверь мне запереть на ключ,
Чтоб не вошел сюда никто, покамест
Не кончу я рассказ.

Б о л и н г б р о к

Ну что ж, запри.

О м е р л ь запирает дверь на ключ.

Й о р к

(за сценой)

Откройте! Государь, остерегись!
Остерегись — перед тобой изменник!

Б о л и н г б р о к

(обнажая меч)

Злодей! Сейчас тебя я обезврежу!

О м е р л ь

О нет, тебе опасность не грозит,
Не поднимай же мстительную руку!

Й о р к

(за сценой)

Открой, король беспечный, легковёрный!
Любя, тебе кричу я оскорбленья.
Открой, иначе выломаю дверь!

Б о л и н г б р о к отпирает дверь. Входит Й о р к.

Б о л и н г б р о к

Ну, что случилось, дядя? Отдышись.
Скажи нам, где опасность, чтобы мы
Ее могли во всеоружье встретить.

Й о р к

(подавая бумагу)

Здесь все прочтешь. Я так сюда спешил,
Что об измене рассказать — нет сил.

О м е р л ь

Но не забудь, что дал мне обещанье.
Ведь я раскаялся. Прошу тебя

Считать, что нет там подписи моей:
С рукою сердце не было в согласье.

Й о р к

Ложь! Ты — изменник сердцем и рукой! —
Бумагу эту вырвал у злодея
Я из-за пазухи. И здесь, король,
Не от любви он кается — от страха:
Щадя его, ты пощадишь змею,
Которая тебя ужалит в сердце.

Б о л и н г б р о к

Что? Заговор — ужасный, дерзкий, подлый!
О доблестный отец злодея-сына!
Ты — чистый и прозрачный горный ключ,
Из коего, беря свое начало,
Ручей вот этот долго тек по грязи
И вредоносным сделался теперь.
В тебе избыток доброго, в нем — злого;
Но все ж искупит преданность отца
И этот тяжкий грех дурного сына.

Й о р к

Как! Добродетель — сводня для порока?
Отцовской честью сын свой стыд оплатит,
Как золотом родительским — долги?

Нет, стыд и честь не существуют вместе.
Позор сыновний — смерть отцовской чести.
И верности в могилу должно лечь,
Когда измену не карает меч!

Г е р ц о г и н я

(за сценой)

Где государь? Впустите! Ради бога!

Б о л и н г б р о к

Кто там кричит, так жалобно моля?

Г е р ц о г и н я

(за сценой)

Я женщина, я тетка короля.
Откройте дверь во имя сострадания:
Вас просит нищенка о подаянье.

Б о л и н г б р о к

Трагедия окончилась, — и вот,
“Король и Нищенка” у нас идет. —

(Омерлю.)

Впустите мать. За ваше преступленье
Она пришла вымаливать прощенье.

Й о р к

Кто б ни молил, но если ты простишь,
То преступленья новые родишь.
Гниющий член должны отсечь мы смело,
Иль порча вскоре поразит все тело.

Входит герцогиня.

Г е р ц о г и н я

Не слушай, государь! От так жесток,
Что даже сына полюбить не смог.

Й о р к

Безумная! Изменника ты снова
Вскормить сосцами старыми готова?

Г е р ц о г и н я

(становясь на колени)

Йорк, сжался! Сердца моего не рань! —
Послушай, государь мой добрый!

Б о л и н г б р о к

Встань!

Г е р ц о г и н я

О нет, с колен я до тех пор не встану
Рыдать, к тебе взывая, не устану,
Пока мне радость не вернешь: вина
Заблудшему да будет прощена!

О м е р л ь

(становясь на колени)

Мою мольбу прими с ее мольбою.

Й о р к

(становясь на колени)

И я склоню колени пред тобою:
Им откажи, иль пожалеешь ты!

Г е р ц о г и н я

Что он сказал? Вглядись в его черты:
Нет слез в глазах, смеется он над нами.
Мы сердцем говорим, он — лишь устами.
Он просит, уповая на отказ;
Мы просим, и в отказе — смерть для нас.
Он только ждет, чтоб распрямить колени,
А мы умрем, склонившись для молений;
Притворны пылкие его мольбы,
Мы ж верим в милосердие судьбы.

Прошу тебя уважить то прошение,
Которое честней, — даруй прощенье!

Б о л и н г б р о к

Встань!

Г е р ц о г и н я

Нет! Другого слова я ищу:
Я встану, если скажешь ты “прощу”.
Будь нянькой я твоей, — ты это слово
Узнал бы раньше всякого другого.
О, как услышать мы его хотим!
Пусть жалость даст его устам твоим!
В нем много мягкости, хот звуков мало.
Как это слово королю пристало!

Й о р к

Ответь ей “Pardonnez-moi”*, король.

Г е р ц о г и н я

Нет, от игры словами нас уволь!
О злой, посредством языка чужого

* Простите меня. (Франц.)

Двусмысленным ты сделал это слово! —
Король, тебя мы просим об одном:
Скажи “прощу” на языке родном.
Твой взгляд смягчился, дай устам смягчиться;
Пусть в сердце чутком слух твой поместится,
Чтоб, вняв мольбам, от сердца полноты,
“Прощу” ответил милостиво ты.

Б о л и н г б р о к

Но встань же!

Г е р ц о г и н я

Нет! Молить я перестану,
Когда простишь. А не простишь, — не встану.

Б о л и н г б р о к

Прощу, и пусть меня простит господь.

Г е р ц о г и н я

Он будет жить! Он, кровь моя и плоть!
О, счастье коленопреклоненья!
Мне страшно... Повтори слова прощенья,
Чтоб я уверилась.

Б о л и н г б р о к

Прощен он мной.
Прощен от всей души.

Г е р ц о г и н я

Ты — бог земной!

Б о л и н г б р о к

Но за вернейшим братцем, за аббатом,
За этой всей достопочтенной шайкой,
Как гончий пес, сейчас помчится смерть. —
Погоню, дядя, отряди немедля,
Пускай их ищут в Оксфорде и всюду.
Ах, только бы их разыскать смогли, —
Изменников сотру с лица земли.
Счастливый путь, мой благородный дядя. —
Кузен, ступайте. Мать вам жизнь спасла,
Служите ж нам, не замышляя зла.

Г е р ц о г и н я

Мой сын не юн, но воля, знать, господня,
Чтоб заново он начал жить сегодня.

Уходят.

Сцена 4

Там же.

Входят сэр Пирс Экстон и слуга.

Экстон

Ты тоже слышал, как король сказал:
“Иль не найдется друга, чтоб избавить
Меня от этого живого страха?”
Не так ли?

Слуга

Точные его слова.

Экстон

“Иль не найдется друга?” — он спросил.
Он дважды это повторил, и дважды —
С особым удареньем. Так ведь?

Слуга

Так.

Экстон

И на меня он поглядел при этом,
Как будто говоря: “Не ты ли снимешь
Давящий ужас с сердца моего?” —

Того, кто в Помфрете, в виду имея.
Мне дружба государя дорога,
И я его избавлю от врага.

Уходят.

Сцена 5

Помфрет. Замковая башня.

Входит король Р и ч а р д.

К о р о л ь Р и ч а р д

Живя в тюрьме, я часто размышляю, —
Как мне ее вселенной уподобить?
Но во вселенной — множество существ,
А здесь — лишь я, и больше никого.
Как сравнивать? И все же попытаюсь.
Представим, что мой мозг с моей душой
В супружестве. От них родятся мысли,
Дающие дальнейшее потомство.
Вот племя, что живет в сем малом мире.
На племя, что живет в том, внешнем мире,
Похоже удивительно оно:
Ведь мысли тоже вечно недовольны.
Так, мысли о божественном всегда
Сплетаются с сомненьями, и часто
Одна из них другой противоречит:

Здесь, например, “Придите все”, а там —
“Ко мне попасть не легче, чем пройти
Верблюду сквозь игольное ушко”.
Иное у честолюбивых мыслей,
Им надобно несбыточных чудес:
Чтоб эти ногти слабые могли
Прорыть проход сквозь каменную толщу,
Разрушить грубый мир тюремных стен.
Но так как это неосуществимо, —
В своей гордыне гибнут мысли те.
А мысли о смиренье и покое
Твердят о том, что в рабстве у Фортуны
Не первый я и, верно, не последний.
Так утешается в своем позоре
Колодник жалкий — тем, что до него
Сидели тысячи бродяг в колодках, —
И ощущает облегчение он,
Переложив груз своего несчастья
На плечи тех, кто прежде отстрадал. —
В одном лице я здесь играю многих,
Но все они судьбою недовольны.
То я — король, но, встретившись с изменой,
Я нищему завидую. И вот,
Я — нищий. Но тяжелые лишения
Внушают мне, что королем быть лучше.
И вновь на мне венец. И вспоминаю
Я снова, что развенчан Болингброком

И стал ничем. Но, кем бы я ни стал, —
И всякий, если только человек он,
Ничем не будет никогда доволен
И обретет покой, лишь став ничем.

Музыка.

Что? Музыка? Ха-ха! Держите строй:
Ведь музыка нестройная ужасна!
Не так ли с музыкою душ людских?
Я здесь улавливаю чутким ухом
Фальшь инструментов, нарушение строя,
А нарушение строя в государстве
Расслышать вовремя я не сумел.
Я долго время проводил без пользы,
Зато и время провело меня.
Часы растратив, стал я сам часами:
Минуты — мысли; ход их мерят вздохи;
Счет времени — на циферблате глаз,
Где указующая стрелка — палец,
Который наземь смахивает слезы;
Бой, говорящий об истекшем часе, —
Стенанья, ударяющие в сердце,
Как в колокол. Так вздохи и стенанья
Ведут мой счет минутам и часам.
Послушное триумфу Болингброка,
Несется время; я же — неподвижен,
Стою кукушкой на его часах.

Не надо больше музыки. Устал я.
Хоть, говорят, безумных ею лечат, —
Боюсь, я от нее сойду с ума.
И все ж, да будет мне ее пославший
Благословен. Ведь это — знак любви,
А к Ричарду любовь — такая редкость,
Такая ценность в этом мире злом.

Входит к о н ю х.

К о н ю х

Привет мой королю!

К о р о л ь Р и ч а р д

Привет вельможе!

Мы вместе стоим фартинг, не дороже.
Кто ты? Зачем ты здесь, куда приходит
Лишь мрачный пес, который носит пищу,
Чтобы мое несчастье жить могло.

К о н ю х

Я конюхом был у тебя, король,
Когда ты королем был. В Йорк я еду
И, хоть с трудом, добился разрешенья
На господина прежнего взглянуть.
Как больно сжалось сердце у меня
В день коронации, когда — вдруг вижу:

На Берберийце едет Болингброк!
На жеребце, тобою столь любимом,
На жеребце, так выхоленном мной!

К о р о л ь Р и ч а р д

На Берберийце? Расскажи мне, друг,
Как шел мой конь под ним?

К о н ю х

Так горделиво, словно бы гнушался
Землею, по которой он ступал.

К о р о л ь Р и ч а р д

Гордился тем, что Болингброка нес?
Из рук моих хлеб ела эта кляча,
Она гордилась ласкою моей!
И не споткнулась кляча? Не упала
(Раз уж случилось, что упала гордость)
И шею не сломала гордецу,
Который сел в ее седло насильно?..
Прости, мой конь! За что тебя бранить?
Ты сотворен для подчиненья людям
И выношен, чтоб их носить. А я,
Хоть по рождению — человек, не лошадь,
Ташу свою поклажу, словно мул,
И загнан беспощадным Болингброком.

Входит тюремщик с блюдом.

Тюремщик

(конюху)

Приятель, уходи! Прошел твой срок.

Король Ричард

(конюху)

Коль ты мне друг, — переступи порог.

Конюх

Так много в сердце, а сказать — не смог.

(Уходит.)

Тюремщик

Милорд, вам не угодно ль пообедать?

Король Ричард

Изволь сначала, как всегда, отведать.

Тюремщик. Я не смею, милорд. Мне запретил это сэр Пирс Экстон, который только что прибыл от короля.

К о р о л ь Р и ч а р д

Пускай сам дьявол заберет тебя
И Генриха Ланкастера впридачу!
Мое терпенье истощили вы.

(Бьет тюремщика.)

Т ю р е м щ и к

Помогите! Помогите! Помогите!

Входят сэр Пирс Экстон и вооруженные слуги.

К о р о л ь Р и ч а р д

Вот как! Мне угрожает смерть? — Злодей,
Погибнешь ты от собственной секиры!

(Выхватывает секиру у одного из слуг и убивает его.)

И ты найдешь пристанище в аду.

(Убивает второго слугу.)

Экстон поражает короля Ричарда.

Рука, меня сразившая, да будет
В неугасимом пламени гореть. —
Свою страну ты, Экстон дерзновенный,
Забрызгал кровью короля священной. —
Душа, с греховной плотью распростиись.
Твой трон на небе, — отлетай же ввысь!

(Умирает.)

Смерть Ричарда II. С картины Ф.Уитли

Э к с т о н

О нем скажу одно в надгробном слове:
Он был король по доблести, по крови.
Я пролил кровь и доблесть я убил;
Благое ли я дело совершил?
Но дьявол, сам мою толкавший руку,
Теперь мне адскую пророчит муку. —
Я к королю свезу труп короля,
А эти два пусть примет здесь земля.

Уходит.

Сцена 6

Уиндзор. Покои в королевском дворце.
Трубы. Входят Б о л и н г б р о к, Й о р к и с в и т а.

Б о л и н г б р о к

Мятежники, как слышно, в Глостершире
Творят свои преступные дела:
Наш город Сайстер там сожжен дотла.
Успели ли схватить их, мы не знаем.

Входит Н о р т е м б е р л е н д.

Добро пожаловать. Какие вести?

Н о р т е м б е р л е н д

Да будет счастье над твоей державой! — Шлю в
Лондон я четыре головы:

Блент, Спенсер, Солсбери и Кент — мертвы.

(Подает бумагу.)

Здесь, государь, в подробном донесенье
Перечисляются их преступления.

Б о л и н г б р о к

Нортемберленд, за твой достойный труд
Тебя достойные награды ждут.

Входит Фицуотер.

Ф и ц у о т е р

Я, государь, из Оксфорда вернулся.
Всех прочих заговорщиков опасных,
Готовивших убийство короля,
Там ждали Брокас и сэр Беннет Сили.
Их головы я в Лондон отослал.

Б о л и н г б р о к

Фицуотер, ты достоин восхваленья,
Я твоего не позабуду рвенья.

Входят Перси и епископ Карлейльский.

П е р с и

Аббат Уэстминстерский, главарь их шайки,
Замученный раскаяньем и скорбью,

Плоть бренную свою могиле предал.
Но вот Карлейль. Я взял его живым,
Чтоб сам король вершил свой суд над ним.

Б о л и н г б р о к

Так слушай же, Карлейль!
К тебе судьба не будет столь жестокой:
Вдали от мира, в келье одинокой
Жить будешь ты и там, в святой тиши,
Молиться о спасении души.
Хоть мне как давний враг мой ты известен,
Но ты порой бывал и прям и честен.

Входит сэр Пирс Экстон, за ним слуги несут гроб.

Э к с т о н

Великий государь, вот гроб. Узнай же,
Что Ричарда Бордоского в нем прах.
Взгляни — в гробу покоится твой страх:
Твой злейший недруг больше не опасен.

Б о л и н г б р о к

Прочь, Экстон, прочь! Поступок твой ужасен.
И за него не жди себе похвал:
Меня и Англию он запятнал.

Боллингброк у гроба Ричарда. С картины Ф.Пехта

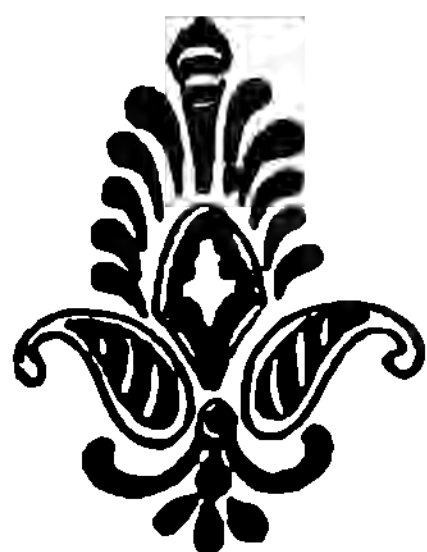
Э к с т о н

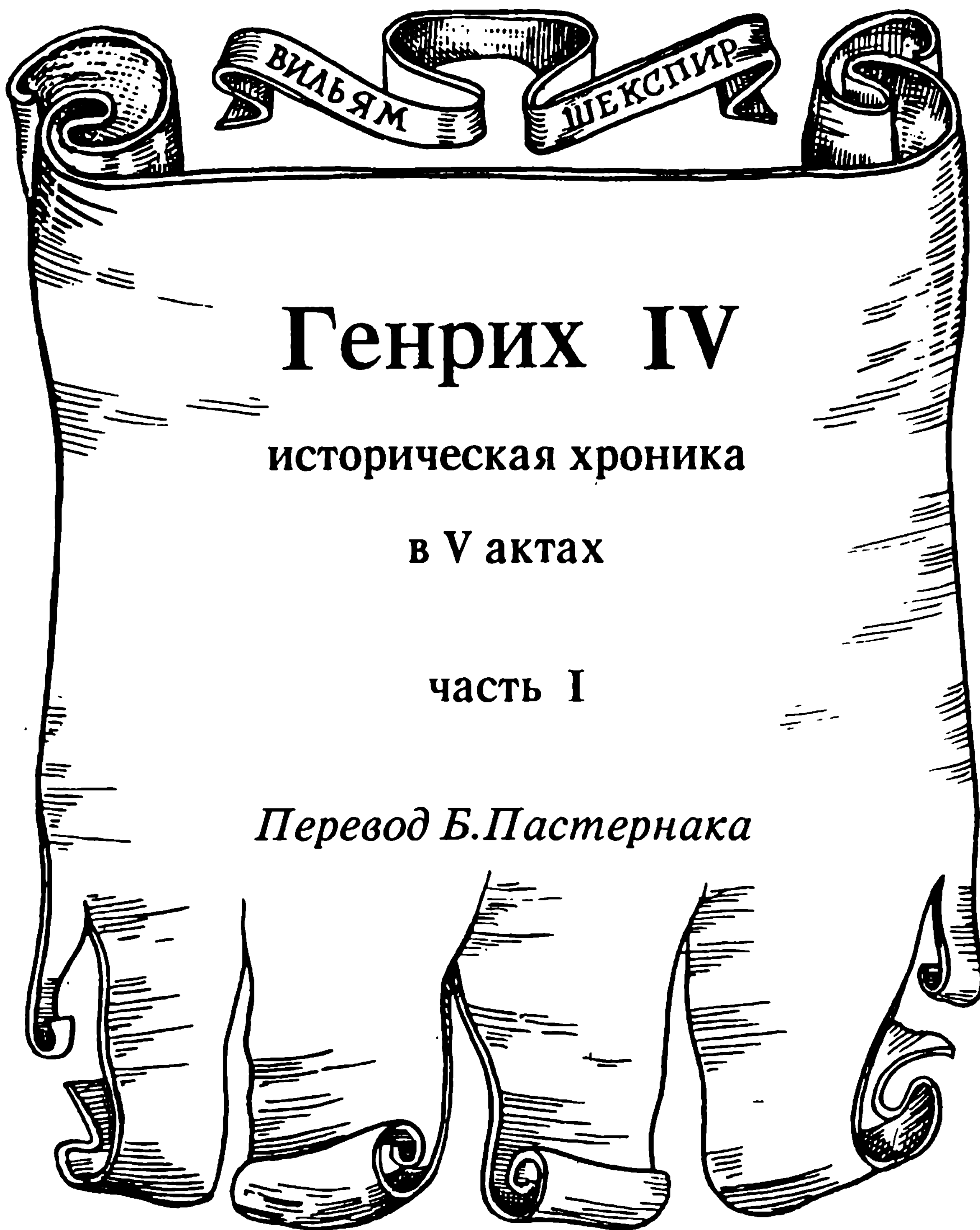
Он вами был внушен, хоть он и дерзок.

Б о л и н г б р о к

Порою нужен яд, — и все ж он мерзок.
Убийца гадов мне, убитый — мил,
Хоть звал я смерть к нему, пока он жил.
Ты встретишь не мое благоволение,
Но совести нечистой угрызенья:
Бродить, как Каин, будешь ты в ночи,
И солнце спрячет от тебя лучи. —
О горе! Неужели, боже правый,
Чтоб вырос я, был нужен дождь кровавый? —
Пусть все разделят скорбь мою сейчас;
Облечься в траур призываю вас.
Сей тяжкий грех я на себя приемлю,
Смыть кровь отправлюсь я в святую землю.
Несите гроб. — Восплачем же над ним,
Безвременно усопшего почтим.

Уходят.

Уильям

Шекспир

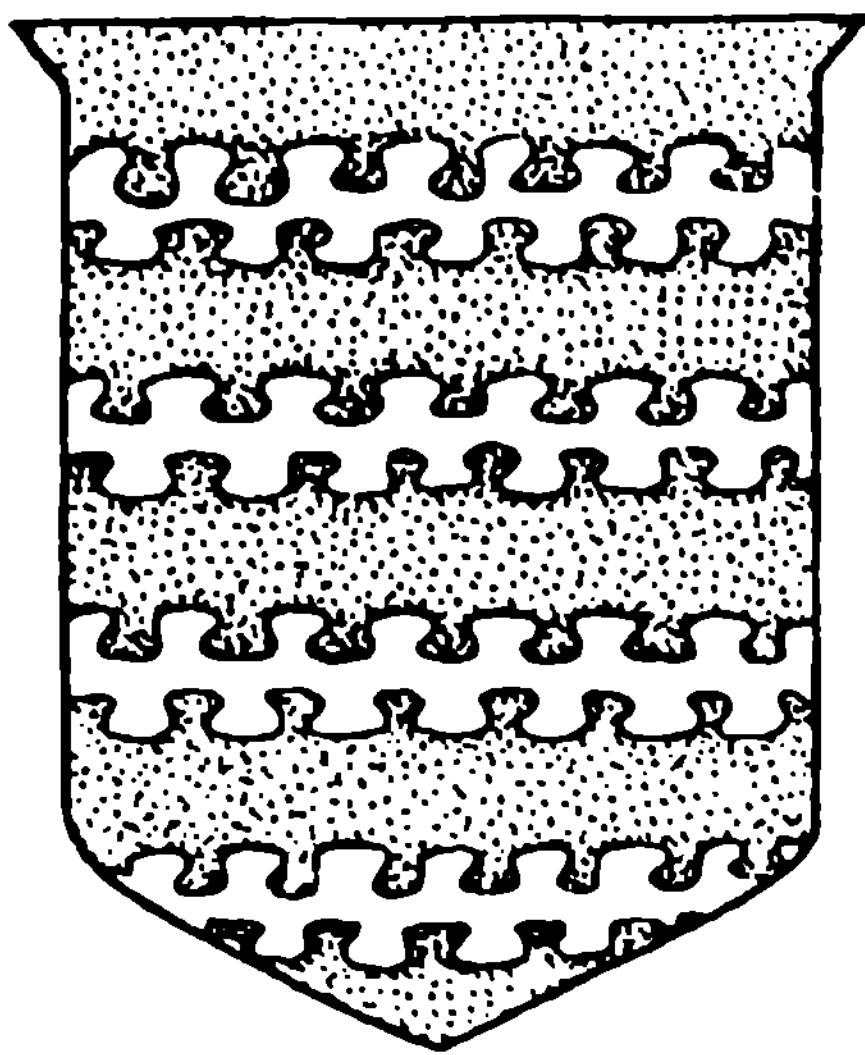
Генрих IV

историческая хроника

в V актах

часть I

Перевод Б.Пастернака

Действующие лица

Король Генрих IV.

Генрих, принц Уэльский		сыновья
------------------------	--	---------

Джон, принц Ланкастерский		короля
---------------------------	--	--------

Граф Уэстморленд.

Сэр Уолтер Блент.

Томас Перси, граф Вустер

Генрих Перси, граф Нортумберленд.

Генрих Перси, по прозвищу Готспер —

Горячая Шпора, его сын.

Эдмунд Мортимер, граф Марчский.

Ричард Скруп, архиепископ Йоркский.

Арчибальд, граф Дуглас.

Оуэн Глендаур.

Сэр Ричард Вернон.

Сэр Джон Фальстаф.

Сэр Майкл, друг архиепископа Йоркского.

Пойнс.

Гедсхиль.

Пето.

Бардольф.

Леди Перси, жена Готспера и сестра Мортимера.

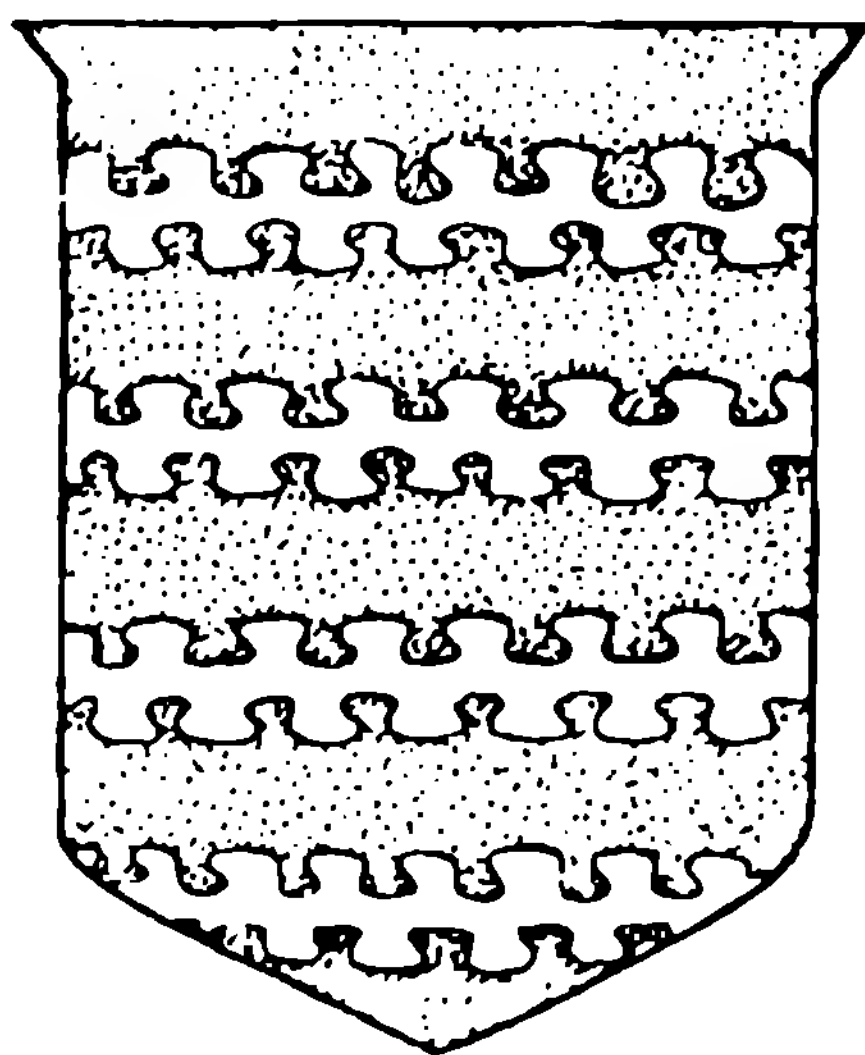
Леди Мортимер, жена Мортимера и дочь

Глендаура.

Мистрис Куикли, трактирщица в Истчипе.

Лорды, офицеры, шериф,
буфетчик, трактирные слуги, коридорные,
два извозчика, проезжие и свита.

Место действия — Англия начала XV века

АКТ I

Сцена 1

Лондон. Тронный зал во дворце.

Сидит на троне король Генрих, стоят, окружая его,
принц Джон Ланкастерский, граф Уэстморленд,
сэр Ричард Вернон, сэр Уолтер Блент и свита.

Король

Хоть до сих пор волнениям нет конца,
Пора подумать об успокоенье
И подготовке будущей войны,
На этот раз, далеко на чужбине.
Отчизна наша больше уст своих
Не будет обагрять сыновней кровью.
Война не будет разорять полей,
Топтать цветов подковами не будет.
Глазами, как огни недобрых звезд,
Смотреть не будут братья друг на друга.
Не будут поножовщина и кровь
Разъединять людей одной породы.
Отныне близкие и земляки

Окажутся в одном ряду друг с другом.
Клинок войны, как нож в худом чехле,
Не будет ранить своего владельца.
Отныне наша цель — господень гроб.
Сплотимся для крестового похода!
Составим ополчение англичан,
Которых руки в материнском чреве
Крестом сложились, как бы клятву дав
Освободить мечом святую землю
С пречистыми следами ног того,
Кто пригвожден к кресту был в этом крае
Четырнадцать веков тому назад.
Хотя мы год твердим об этом деле,
Оно не двигается ни на шаг.
Скажите, что по этому вопросу
Решил совет вчерашний, Уэстморленд?

У э с т м о р л е н д

Мы утверждали подати и сборы
Как раз на эти нужды, государь,
Когда пришла дурная весть из Уэльса.
Вождь герфордширцев Мортимер взят в плен
Разбойничьими шайками Глендаура.
Убита тысяча его солдат.
Над их телами женщины Уэльса
Глумились так, что выговорить срам.

К о р о л ь

Неужто весть об этом избиенье
Оттянет наш задуманный поход?

У э с т м о р л е н д

У нас не только это огорченье.
В Воздвиженье при Гольмдоне сошлись
Отважный Перси, знаменитый Готспер
И богатырь шотландский Арчибальд.
Бой был кровопролитный поначалу,
Судя по отголоскам их стрельбы.
Чем кончилось сражение, неизвестно.
Гонец оттуда ускакал верхом
В разгаре боя, до его исхода.

К о р о л ь

Вот перед вами друг наш Уолтер Блент.
Он весь в пыли и только что с дороги.
Я вас поздравлю. Дуглас побежден.
На поле тысячи солдатских трупов,
Десятки офицерских. Взяты в плен
Сын и наследник Дугласа граф Мордейк,
Граф Этол, Меррей, Энгус и Ментейс.
Не правда ли, богатая добыча
И громкая победа? Правда, брат?

Уэстморленд

Принц крови был бы рад такой победе.

Король

Увы, нож в сердце мне твои слова.
Завидую отцу Нортумберленду,
Что у него такой удачный сын.
Как лучший ствол среди деревьев леса,
Он выше прочих целой головой.

Muffler — женский головной убор XVI века

Он баловень судьбы и гордость века.
В сравненье с ним мой Гарри шалопай.
Как счастлив был бы я узнать, что феи
Нам обменяли наших сыновей
И что мое дитя зовется Перси,
В то время как его — Плантагенет!
Но лучше ран не бередить. Ты слышал

Про эту дерзость? Перси не дает
Мне пленников, захваченных в сражение,
И на словах передает с гонцом,
Что только графа Файфского уступит.

У э с т м о р л е н д

Его так дядя Вустер научил,
Который вам вредит, где только может.
Вот Готспер и зазнался и шумит,
По молодости лет, забыв приличие.

К о р о л ь

Но я за ним послал, чтоб разбранить.
Придется отложить опять на время
Поход крестовый в Иерусалим.

(Поднимаясь с трона.)

Скажите лордам, — в среду совещанье
В Виндзоре — и пожалуйста назад.
Необсужденных дел гораздо больше,
Чем в гневе наспех можно разобрать.

У э с т м о р л е н д

Все будет сделано, мой повелитель.

Трубы.

Уходят.

Сцена 2

Лондон. Комната принца Генриха.

Входят навстречу друг другу принц Генрих и Фальстаф.

Фальстаф. Который час, Гарри?

Принц. У тебя так ожирели мозги от десертных вин, расстегивания жилета после ужина и спанья днем по углам на скамейках, что ты спрашиваешь совсем не то, что тебя интересует. Я понимаю, если бы часы были стаканами вина, минуты — жареными каплунами, стук маятников — болтовней служанок, а циферблаты — вывесками трактиров, время дня близко касалось бы тебя. А то какое тебе до него дело?

Фальстаф. Ты попал прямо в точку, Гарри. Действительно, такие ловкачи по чужим карманам, как мы, скорее ночные, чем дневные птицы. И знаешь, душенька, когда ты сделаешься королем, да хранит господь твою милость, виноват, величество, должен был бы я сказать, потому что милости тебе от господя не будет...

Принц. Неужели не будет?

Фальстаф. Не будет нисколько, даже на скромный утренний завтрак.

Принц. Ну, допустим. Что же дальше? Короче, короче!

Фальстаф. Так вот, душенька, когда ты взойдешь на престол, позаботься, чтобы нас, рыцарей ночного часа, не звали грабителями средь бела дня. Заведи для нас титулы лесничих луны или телохранителей темноты. Пусть будет известно, что у нас высокие побуждения, если в своей дея-

тельности мы, подобно морю, руководствуемся положением луны на небе и действуем под ее охраной.

П р и н ц. Очень дельное соображение. В судьбе награвленного такие же приливы и отливы, как на море. Например, прилив золота в понедельник, после грабежа, сменяется его отливом во вторник, после кутежа. За обмеленьем, которое спускает тебя вниз с трактирной лестницы, наступает наводнение, которое поднимает тебя на вершину виселицы.

Ф а л ь с т а ф. Клянусь богом, это правда, мой ненаглядный. Кстати, скажи, неужели в твое царствование не отменят в Англии варварского обычая вешанья, и закон по-прежнему будет сковывать молодую предприимчивость? Слушай, когда ты воцаришься, не вешай, пожалуйста, воров.

П р и н ц. Хорошо. Это будешь делать ты.

Ф а л ь с т а ф. В самом деле? Это очень мило с твоей стороны. Ты увидишь, я рассужу всех правильно.

П р и н ц. Ты уже рассудил неправильно. Я собираюсь сделать тебя палачом, а не судьей.

Ф а л ь с т а ф. Ну что же, Гарри, спасибо. Я доволен всем, что бы ни шло от тебя: служить ли смотрителем твоей тюрьмы или хранителем твоего гардероба.

П р и н ц. Чтобы получать платье с моего плеча?

Ф а л ь с т а ф. Или с плеч казненных. Однако поговорим о другом. Я сегодня какой-то кислый, как выдранный кот или ученый медведь на привязи.

П р и н ц. Или как беззубый лев, или как лютня влюбленного.

Ф а л ь с т а ф. Да. Или как сопенье линкольнширской во-
лынки.

П р и н ц. Или как протухшее жаркое из зайца, или тоска Мурфильдских болот.

Ф а л ь с т а ф. У тебя самые неожиданные сравнения, и тем не менее ты самый несравненный, протоканальский и неподражаемый из всех принцев, каких я знаю. Но выслушай меня, Гарри. Перестань развращать меня. Подумай, как необходимо нам обоим доброе имя. А где приобрести нам этот товар? На днях мне попало из-за тебя на улице от одного королевского советника. Он говорил очень основательно, а я не обратил на него внимания. Тем не менее он говорил очень основательно. И, что существенно, при свидетелях.

П р и н ц. Как по Писанию. Премудрость возвышает голос свой на улице, и никто не слушает ее.

Ф а л ь с т а ф. У тебя отвратительная привычка переви-
рать тексты, способная соблазнить даже святого. Ты в жизни оказал дурное влияние на меня, душа Гарри, да простит тебя бог. До знакомства с тобой я был невинен. А теперь, говоря правду, я не многим лучше самых нечестивых. Я должен бросить такую жизнь, и я ее брошу, клянусь богом, а если не брошу, можешь сказать, что я мерзавец. Никакой принц на свете не заставит меня погубить мою душу.

П р и н ц. Где бы нам раздобыть денег на завтрашний день, Джек?

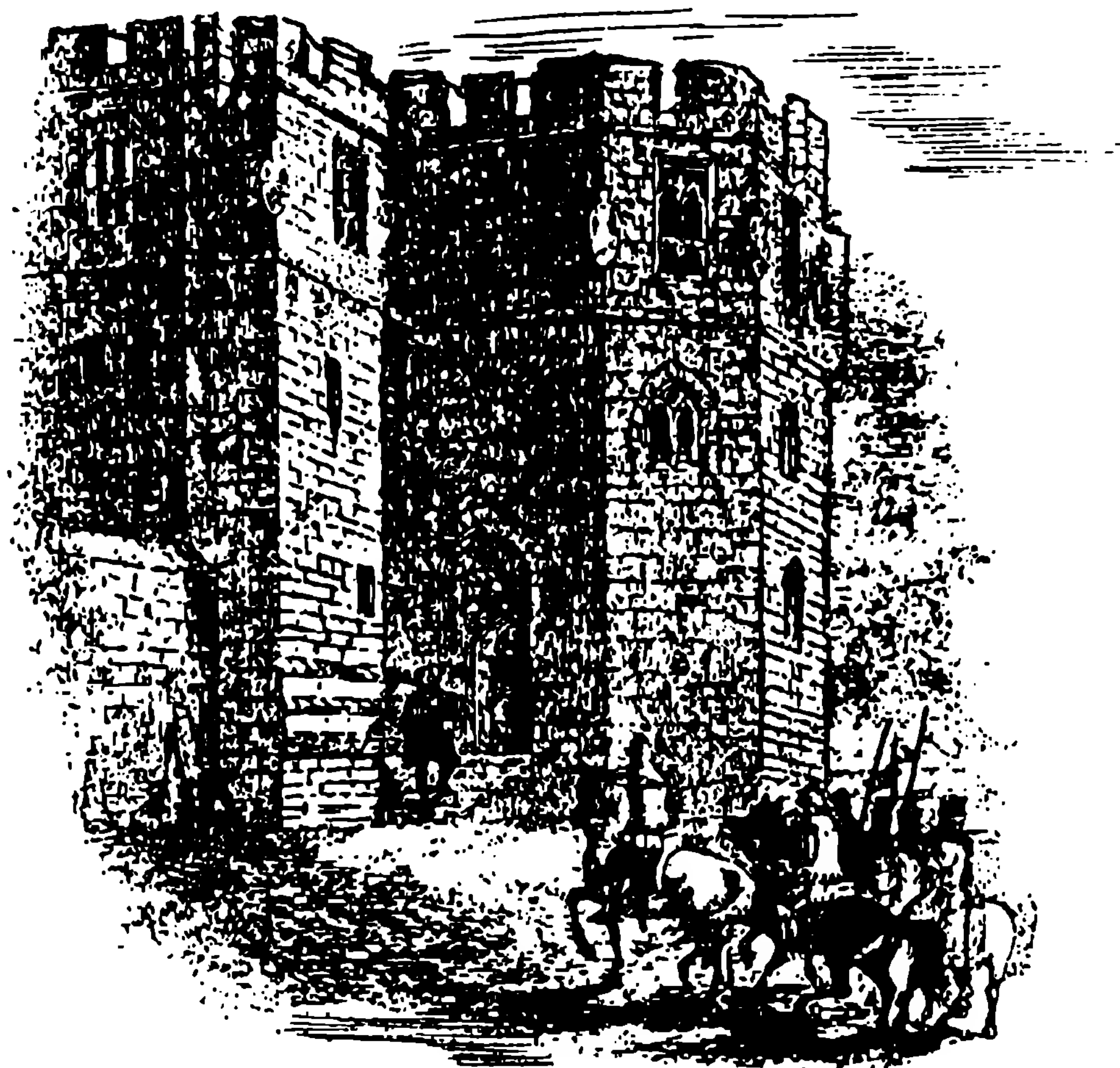
Ф а л ь с т а ф. Где вздумается, душенька, за мной дело не станст. А то можешь сказать, что я мерзавец, и лишить меня рыцарского достоинства.

П р и н ц. Хорошо же подвигается твое исправление! От приступа благочестия к возобновлению воровства!

Ф а л ь с т а ф. В самом деле, Гарри? Ну что же, таково мое призвание. Каждый трудится на своем поприще.

Входит П о й н с.

А, вот и Пойнс. Сейчас мы узнаем, не выследил ли Гедсхиль чего-нибудь нового. О, если бы на свете была справедли-

Английский замок XVI века

вость, какое место в аду было бы достаточно жарко для него? Это негодяй самой чистой воды из всех когда-либо разбойничавших на большой дороге.

П р и н ц. Здравствуй, Нед!

П о й н с. Здравствуй, Гарри. Ну, что говорит наш кающийся грешник? Как поживает наше вино с сахаром? Джек, чем кончились твои переговоры с чертом о твоей душе, которую ты ему продал в страстную пятницу за бокал мадеры и холодную каплунию ножку?

П р и н ц. Сэр Джон не нарушит слова. Черт получит свое. Джек верен заповеди. Дьяволу — дьяволово.

П о й н с. Да, чтоб не забыть. Господа, господа! Завтра в четыре часа утра всем быть в сборе на Гедских холмах. Мимо пройдут богомольцы в Кентербери и купцы с деньгами и товарами в Лондон. Я достал вам маски. Лошади у вас свои. В ожидании нас Гедсхиль будет ночевать в Рочестере. Завтра мы задаем пир в Истчипе. Дело не представит никакой трудности. Участникам я обеспечиваю полные карманы денег, уклонившимся желаю болтаться на виселице.

Ф а л ь с т а ф. Поедем, Гарри?

П р и н ц. Кто? Я? Воровать? Грабить? Ни за что на свете.

Ф а л ь с т а ф. Значит, у тебя нет решимости рискнуть на десять шиллингов? Тогда нет у тебя никакой чести. Ты не мужчина и не товарищ, и, уж во всяком случае, не принц королевской крови.

П р и н ц. Эх, была не была, раз в жизни сделаю глупость!

Ф а л ь с т а ф. Вот это дело.

П р и н ц. Будь что будет, остаюсь дома.

Ф а л ь с т а ф. Ну так клянусь богом, когда ты станешь королем, я отплачу тебе государственной изменой!

П р и н ц. Велика важность!

П о й н с. Сэр Джон, оставь меня с принцем наедине. У меня для него такие доводы, что он поедет.

Ф а л ь с т а ф. Хорошо. Да придаст тебе бог убедительности, а ему разумения, чтобы он понял, что шутки ради неподдельный принц может раз в жизни поддаться под вора. Прощайте. Вы найдете меня в Истчипе.

П р и н ц. Прощай, закатившаяся молодость! Прощай, бабье лето!

Ф а л ь с т а ф уходит.

П о й н с. Ну, вот. Милый, премилый принц, поедемте с нами завтра. Я задумал шутку, но с этим мне одному не справиться. Фальстаф, Бардольф, Пето и Гедсхиль совершат намеченное ограбление. Мы с ними не поедем. Когда они завладеют добычей, мы нападём на них и отнимем ее. Это будет замечательно, даю вам голову на отсечение.

П р и н ц. Хорошо. Но как нам отвязаться от них при выезде?

П о й н с. Мы выедем до них или попозднее и назначим им место встречи. В нашей власти не явиться туда. Тогда они возьмутся за дело сами, и только его доведут до конца, как мы нападём на них.

П р и н ц. Да, но ведь они отлично знают наш внешний вид: лошадей, одежду, вооруженье.

П о й н с. Лошадей они не увидят. Я привяжу их в лесу. Маски мы переменим. А платье мы прикроем плащами. Я их приготовил.

П р и н ц. Да, но сладим ли мы с ними? Их четверо.

П о й н с. Оставьте, пожалуйста. Двое такие трусы, каких свет не создавал, и тотчас удерут. А третий защищается, только пока это не опасно. Мы их сейчас же рассеем. Но дело не в этом. Главная умора в том, что нам будет врать за ужином этот плут и обжора. Мы услышим, как человек тридцать навалилось на него и как храбро он от них отбивался. И каково будет зрелище, когда мы уличим его!

П р и н ц. Ладно. Я поеду. Позаботьтесь обо всем необходимом и приходите за мной завтра в Истчип. Я там буду ужинать. Прощайте.

П о й н с. Прощайте, милорд. (*Уходит.*)

П р и н ц

Я всем вам знаю цену, но пока
Потворщик первый вашим безобразьям.
Мне в этом солнце подает пример.
Оно дает себя туманить тучам,
Чтоб после тем сильнее ослепить
Своим внезапным выходом из мрака.
Когда б мы праздновали каждый день,
То отдых был бы тягостней работы.

Так именно, когда я прекращу
Разгул и обнаружу исправленье,
Какого никому не обещал,
Людей я озадачу переменой
И лучше окажусь, чем думал свет.
Благодаря моим былым порокам
Еще яснее будет, чем я стал,
Как оттеняет темная подушка
Блеск золота, лежащего на ней.
Все, что теперь я трачу на пирушки,
Со временем верну я до полушки.

(Уходит.)

Сцена 3

Лондон. Зал совета во дворце.

Трубы. Король Генрих на троне, кругом — принц Джон,
Нортумберленд, Вустер, Готспер, сэр Уолтер Блент,
рыцари, стража и свита.

Король

Я кроток был и слишком терпелив
И мог вам нерешительным казаться.
Вы бросили стесняться и теперь
Мое терпенье топчете ногами.
Но берегитесь, я переменюсь.
Я мягок был, как пух, как масло, гладок,
И все спускал. Вот я и потерял

Свои права на ваше уважение,
Которое привыкли воздавать
Лишь грубой силе люди грубой силы.

В у с т е р

Мой государь, наш дом не заслужил,
Чтобы ему о силе говорила
Та сила, для которой этот дом
Служил опорой при возвышении.

Н о р т у м б е р л е н д

Мой повелитель...

К о р о л ь

Вустер, выйди вон.
В твоих глазах недобрый блеск и вызов.
Вы слишком дерзки, сударь. Короли
Не терпят, чтоб на них смотрели хмуро.
Вы слышите? Вы можете идти.
Мы позовем вас, если будет нужно.

В у с т е р уходит.

(Нортумберленду.)

Вы что-то собирались нам сказать?

Н о р т у м б е р л е н д

С отказом возвратить гольмдонских пленных
Все обстоит не так, как донесли.
Сын отказал не так определенно,
И ваши сведенья — несчастный плод
Ошибки или недоразуменья.

Г о т с п е р

Я их не отказался выдавать,
А вот как было дело. После битвы,
Когда, склонясь на меч и чуть дыша
От напряженья ярости и жажды,
Сидел я, подошел какой-то лорд,
Нарядный, как жених, и свежебритый,
Как поле после жатвы. Он держал
Меж пальцев склянку с мускусной струею,
Вертел в руках, и нюхал, и чихал,
И нес какой-то вздор, и улыбался.
Когда солдаты стали выносить
Убитых, он им сделал замечанье,
Чтоб трупы проносили стороной,
Откуда не повеет разложением.
Так щебеча, он мимоходом, вскользь
Потребовал, чтоб я вам выдал пленных.
Я знаю, это право королей,
Но я взбешен был этим попугаем,

И раны о себе давали знать —
Ей-богу, я не помню, как ответил,
Что выдам пленных или не отдам,
Но я утратил самообладанье.
Он был прилизан и благоухал,
И рассуждал, как барышня, о пушках
И ранах, и хвалил мне спермацет
Как лучшее лекарство от контузий.
Он очень сожалел, что из земли
Выкапывают гадкую селитру,
Которая цветущим существам
Приносит смерть или вредит здоровью,
И уверял, что, если б не стрельба,
Он сам бы, может быть, пошел в солдаты.
Понятно, что на эту ерунду
Не мог я отвечать ему серьезно,
Чего прошу мне не вменять в вину,
Чтоб неприятность с этим господином
Не стала разделяющей стеной
Меж вашим троном и моей любовью.

Б л е н т

Забудем этот случай, государь.
Смягчающих так много обстоятельств!
Каких бы Гарри Перси ни сказал
Случайных слов такому-то тогда-то,

Они перестают существовать,
Раз он теперь готов их взять обратно.

К о р о л ь

Но пленных и сейчас он не дает.
Он ставит предварительным условием,
Чтоб выкупили шурина его,
Безумца Мортимера. А известно,
Что Мортимер нарочно погубил
Моих солдат и сдался в плен Глендауру,
На дочери которого женат.
На что теперь мне этот перебежчик?
К чему на труса истощать казну?
Он вырыл яму сам себе, предатель.
Пусть помирает с голоду в горах.
Клянусь, я буду всех считать врагами,
Кто грош хотя б попросит, чтоб помочь
Нарушившему верность Мортимеру.

Г о т с п е р

Нарушившему верность! Но кому
Нарушил верность он? Измена разве,
Что счастья не было ему в бою?
Чтоб рот зажать всем этим наговорам,
Достаточно напомнить, сколько ран
Он получил в смертельном поединке

С Глендауром! Схватка длилась целый час.
Поймите, как она была упорна!
Бойцы, переводя три раза дух,
Из Северна три раза пили воду,
Поток которого бежал, журча
Меж камышей, дрожавших от испуга.
Кто б стал так сильно кровью истекать
И жертвовать собою для притворства?
Нет, не ломал комедий Мортимер.
Все это выстрадал он добровольно.
Поэтому не надо клеветать
И случай с ним изображать изменой.

К о р о л ь

Неправда все с начала до конца.
Ты выдумал, не дрался он с Глендауром.

(Поднимаясь.)

Он с дьяволом один бы на один
Мог драться с той же самою удачей.
Тебе не стыдно врать? Но все равно.
Чтоб впредь о Мортимере я не слышал!
Пришли мне пленных и поторопись,
А то заговорю я по-другому.
Я не шучу. Милорд Нортумберленд,
Мы разрешаем вам уехать с сыном.

(Уходя.)

Пришли мне пленных, чтоб не пожалеть.

Трубы.

Все уходят, кроме Нортумберленда и Готспера.

Готспер

Нет, не пришлю ни за какие деньги.
Сейчас за ним вдогонку побегу
И прямо выложу, что накипело,
Хоть стоило бы это головы.

Нортумберленд

Да ты с ума сошел? В припадке гнева?
Остановись. Вот дядя твой идет.

Возвращается Вустер.

Готспер

“Чтоб впредь о Мортимере я не слышал!”
Ан вот я буду, буду говорить!
Пусть сгину я, когда я с ним не сблизусь!
Да нет, я кровь свою отдам за то,
Чтоб Мортимера возвести на место,
Где восседает этот самодур,
Проклятый Болинброк неблагодарный.

Нортумберленд*(Вустеру)*

Вот до чего довел его король.

Вустер

О чем шла речь у вас, когда я вышел?

Готспер

Он хочет пленных всех до одного.
Мое условие — выкуп Мортимера.
Едва он это имя услышал,
Как вздрогнул и позеленел от злости.

Вустер

Еще бы! Мортимер был наречен
Преемником покойного Ричарда.

Нортумберленд

Я был при том и слышал сам указ.
Ричард его наследником назначил
Пред выездом в Ирландию, в поход,
Откуда, по причине наших козней,
Он должен был вернуться и затем
Был свергнут и убит.

В у с т е р

За умерщвление

Которого должны мы отвечать
И опозорены пред целым светом.

Г о т с п е р

Я не ослышался? Король Ричард
Наследником назначил Мортимера?
И вы при этом были?

Н о р т у м б е р л е н д

Да, я сам.

Г о т с п е р

Тогда я ничему не удивляюсь,
И мне понятно, почему король
Мог пожелать ему голодной смерти.
Но вы-то что смотрели? Для чего
Надели вы венец на человека,
Не помнящего вашего добра?
Зачем участвовали в преступленье?
Затем, чтоб стать во мнении людей
Сообщниками зла, орудьем казни,
Подобно виселице, топору,
Ступенькам лестницы или веревке?

Вы видите, не ставит ни во что
Вас этот изворотливый правитель!
Так что ж, терпеть и дальше этот стыд?
Ведь в будущем прочтут и не поверят,

Мужской английский костюм XVI века

Как люди лучшей крови, вроде вас,
Могли содействовать такой проделке
(А видит бог, как вы повинны в ней),
Что вырван был Ричард, цветущий розан,
И насажден терновник Болинброк.
Но разве это все? Вдвойне позорно,
Что вас забыл, надул и гонит прочь
Тот, для кого покрылись вы бесславьем.

Но честь не поздно ведь еще спасти
И сызнова подняться в общем мненье.
Достойно отомстите королю
За то, что он высокомерен с вами.
Он спит и видит, как бы вас сгубить,
Чтоб навсегда покончить с вами счеты.
Поэтому...

В у с т е р

Племянник, перестань.
Сейчас я загляну с тобой, как в книгу,
На дно души, где я таю мечту
О страшном шаге. Этот шаг опасен,
Как переход по тонкому копыю
Над пропастью с kloкочущим потоком.

Г о т с п е р

Что ж, и пройду. А если упаду,
Мне, значит, утонуть судьба сулила.
Во мне опасность зажигает кровь.
Не нахожу забавы в травле зайцев:
Достойнее охотиться на львов.

Н о р т у м б е р л е н д

Чуть услышал про трудную задачу,
Воображенье так уж и кипит.

Готспер

Поверите ли, для стяжання славы
Я, кажется, взобрался б на луну
И, не колеблясь, бросился б в пучину,
Которой дна никто не достигал.
Но только б быть единственным и первым.
Я в жизни равенства не признаю.

Вустер

Он бог весть где витает и не хочет
Перенестись сюда на землю к нам.
Минуты две внимания, племянник.

Готспер

Позвольте, дядя...

Вустер

Вот что я скажу:
Шотландских пленных...

Готспер

Я себе оставлю.
Хотя б спасение его души
Зависело от них, он не получит
Ни одного шотландца.

В у с т е р

Погоди.

Ты слова не даешь сказать. Шотландцев
Ты можешь не давать.

Г о т с п е р

И не отдам.

Не сомневайтесь. Он платить не хочет
За выкуп Мортимера, запретил
О Мортимере даже заикаться,
Но я зайду к нему, когда он спит,
И громко крикну имя Мортимера.
Нет! Я этим звукам выучу скворца
И дам ему, чтоб злить его, в подарок.

В у с т е р

Племянник, слушай. Слово дай сказать.

Г о т с п е р

Торжественно пред вами отрекаюсь
От всех желаний, кроме жажды мстить
И злить как можно больше Болинброка.
А принца Уэльского я б отравил
Стаканом пива, если б не боялся,

Что этот сын в обузу королю
И он обрадуется избавленью.

В у с т е р

Прощай, племянник. Мы поговорим,
Когда ты будешь несколько спокойней.

Н о р т у м б е р л е н д

Кто укусил тебя, что ты оглох?
Откуда это женское упрямство?
Ты не желаешь слушать никого.

Г о т с п е р

Когда заходит речь о Болинброке,
Я весь горю, и трудно усидеть,
Как от ожогов розог и укусов
Или крапивы, или муравьев.
Вы помните — постойте — при Ричарде —
Забыл название замка, как его?..
Ах, черт возьми, ну этот, в Глостершире,
Где дядя короля, безумный Йорк
Стоял двором, — в том самом замке, словом,
Где я склонил колени в первый раз
Пред королем улыбок, Болинброком.
Черт! Вертится на языке. В тот день
Вы с ним приехали из Ревенсперга.

Н о р т у м б е р л е н д

Не в замке Беркли?

Г о т с п е р

В нем, конечно, в нем.
Как предо мной тогда он рассыпался!
Как по-собачьи льстил и лебезил!
“Я отплачу, когда я выйду в люди”.
“Мой Гарри Перси”! “Мой названный брат”!
Чтоб черт тебя подрал, какой обманщик!
Ну, погоди же ты, прости господь!
Теперь я кончил. Говорите, дядя.

В у с т е р

Да нет, мы подождем.

Г о т с п е р

Я все сказал.

В у с т е р

Тогда еще раз о шотландских пленных.
Ты их без выкупа освободи.
Сын Дугласа за это пусть поможет
Тебе набрать в Шотландии солдат.

Зачем они понадобятся, после
Я точно изложу тебе в письме.

(Нортумберленду.)

А вы, милорд, пока он будет занят
В Шотландии, должны расположить
Его преосвященство в нашу пользу.

Готспер

Епископа Йоркского?

Вустер

Ну да.

Он не простил, что в Бристоле казнили
Его родного брата. Он отмстит
За лорда Скрупа. Это не догадка.
Я твердо знаю, что я говорю.
Сухого хвороста повсюду кучи —
И только искры ждут, чтоб запылать.

Готспер

Я чувствую. Ей-богу, пахнет дымом.

Нортумберленд

Ты дичи слишком рано не спугни.

Готспер

Мы победим. Не может быть сомненья.
Шотландцы, Йорк, а третий — Мортимер?
Не правда ль, угадал?

Вустер

Ты догадался.

Готспер

Великолепный план.

Вустер

Дремать нельзя.

Наш заговор — для нас вопрос спасенья.
Теперь, что мы ни делай, все равно
Король в нас будет видеть недовольных,
И он не успокоится, пока
Не уберет нас со своей дороги.
Видали, как сейчас он был угрюм?
Вот первые предвестия разрыва.

Готспер

Да, да. Но мы за это отомстим.

В у с т е р

Прощай, племянник. Соблюдай границы,
Которые тебе я предпишу.
Придет пора, я съедусь с Мортимером
И Глендауром, и там устроим сбор
И Дугласовых и твоих отрядов.
Настало время овладеть судьбой,
Которую из рук мы упустили.

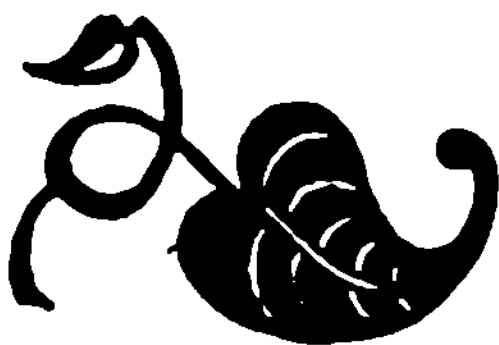
Н о р т у м б е р л е н д

Будь счастлив, брат. Мне верится в успех.

Г о т с п е р

Прощайте. Я не буду знать покоя,
Покамест армий к битве не построю.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Рочестер. Постоялый двор.

Входит извозчик с фонарем.

И з в о з ч и к (*зевая*). Э-хе-хе! Должно быть, уже четыре часа утра, не меньше, чтоб я лопнул. Медведица уже вон где, над дымовой трубою, а лошадь еще не вьючена. Эй, конюх!

К о н ю х (*за сценой*). Сейчас, сейчас!

И з в о з ч и к. Слушай, Том, подложи кобыле пакли под седло. У нее вся спина в ранах, у горемычной.

Входит второй извозчик.

В т о р о й и з в о з ч и к. Подают гнилой горох и чечевицу, только лошадей морить. Такое собачье место! Со смерти Робина тут все вверх дном.

П е р в ы й и з в о з ч и к. Как вздорожал овес, так я больше не видел, чтобы он бедный, смеялся. Это был зарез для покойника.

Второй извозчик. По всей лондонской дороге нет хуже двора в смысле блох. У меня все тело искусано, и я весь, как линь, пятнистый.

Первый извозчик. Как они в меня впились с первых петухов, так до утра уже не отпускали. Конюх! Да куда ж он запропастился, этот окаянный конюх, чтоб он провалялся! Вылезай, вылезай!

Второй извозчик. Со мной копченый окорок и два тюка имбиря в Черинг-Кросс.

Первый извозчик. Батюшки, индюшки в корзине не кормлены, спасибо, напомнил! Конюх, что ты, оглох? Да когда же ты, черт, проспишься, чтоб тебе пусто было! Вот мы проломим тебе голову, будешь ты прохлаждаться!

Входит Гедсхиль.

Гедсхиль. Здорово, извозчики. Который час?

Первый извозчик. Думается, часа два.

Гедсхиль. Одолжи мне на минуту фонарь, я взгляну на своего мерина в конюшне.

Первый извозчик. Ишь ты что выдумал, “одолжи”! Больно хитер. Видали мы таких, видали.

Гедсхиль (второму извозчику). Ну так дай мне свой.

Второй извозчик. Фонарь? Как бы не так. Вперед дай полюбуюсь, как тебя повесят.

Гедсхиль. Извозчики, когда вы, каналы, рассчитываете попасть в Лондон?

Второй извозчик. Приедем когда надо. Как раз будет время завалиться спать, будь покоен. Пойдем, кум Мегс, разбудим господ. Они будут рады попутчикам, у них много груза.

Извозчики уходят.

Гедсхиль. Коридорный!

Коридорный (за сценой). Мигом, как говорят карманники.

Гедсхиль. Или еще лучше: как говорят коридорные. Одно другого стоит.

Входит коридорный.

Коридорный. С добрым утром, мистер Гедсхиль. Подтверждается, что я вам сказал вчера. Владелец леса из Кента везет с собой двести фунтов стерлингов золотом. Он в этом признался вчера за ужином своему спутнику. Тот что-то вроде сборщика податей, и тоже с большим багажом. Но одному богу известно, что в нем.

Гедсхиль. Напорются они по дороге на каких-нибудь молодчиков, даю тебе голову на отсечение.

Коридорный. А на что мне ваша голова? Сохраните ее лучше для петли. Уж коли на то пошло, вы первый молодчик и есть. Вам от петли не уйти.

Гедсхиль. Что ты мне, дурак, толкуешь про петлю? Ведь если дойдет до нее дело, мне висеть не одному. Рядом вздернут старого сэра Джона, а это, сам знаешь, не иголка. У нас, брат, компаньонами такие люди, что ты бы ахнул! Они

скуки ради балуются нашим ремеслом, и ты сам понимаешь, если бы что вышло наружу, это сейчас же замнут, чтобы их не замарать. Нет, брат, я знаю, что делаю. С мелкой разбойничьей сошкой я не знаюсь. Босомыги-оборванцы, усачи-головорезы с опухшими носами и всякая голь кабацкая — не нашего прихода. У нас в деле верхи общества, бургомистры, разбойники почище нас с тобой, и орудуем мы как за каменной стеной, в безнаказанности. Мы сорвали, понимаешь ли ты, папоротников цвет, и все стали невидимками.

Старо-английский постоялый двор. Рис. Дж. Джильберта

К о р и д о р н ы й. Ну, что вас не видать, так это, полагаю, не папоротник, а, главным образом, ночные потемки.

Г е д с х и л ь. Ладно. Дай руку. Помалкивай. Как честный человек, обещаю тебе долю в добыче.

К о р и д о р н ы й. Зачем как честный? Тогда вы обманете. Лучше поклянитесь по настоящему, как продувной мошенник.

Г е д с х и л ь. Ладно, ступай. Вели конюху вывести мою лошадь. Прощай, грязная личность.

Уходят.

Сцена 2

Большая дорога у Гедских холмов.

Входят п р и н ц Г е н р и х и П о й н с, переодетые.

П о й н с. В кусты, в кусты! Я увел лошадь Фальстафа, и он беснуется.

П р и н ц. Спрячься.

Уходят в глубину сцены.

Входит Ф а л ь с т а ф, переодетый.

Ф а л ь с т а ф. Пойнс! Пойнс, чтоб тебе пусто было! Пойнс!

П р и н ц (*выступая вперед*). Тсс! Что ты бушуешь, толстопузый?

Ф а л ь с т а ф. Где Пойнс, Гарри?

П р и н ц. Он на холме. Я сейчас пойду за ним. (*Снова удаляется в глубь сцены.*)

Ф а л ь с т а ф. Это мне за то, что я опять снюхался с этим проходимцем. Мерзавец увел мою лошадь и привязал черт знает где. Если я сделаю еще шаг пешком, я упаду. Тогда я умру, по крайней мере, естественной смертью, а не на виселице за убийство этого негодяя. Каждый час все эти двадцать два года я даю себе слово раззнакомиться с ним, но он словно чем-то приворожил меня. Ей-богу, пусть меня удавят, если негодяй не подсыпал мне каких-то любовных порошков. А то это необъяснимо. Пойнс! Гарри! Провалитесь вы оба! Бардольф! Пето! Пусть меня уморят голодом, если я двинусь еще хоть на шаг дальше. Пора опомниться и расплеваться с ними. Если я этого не сделаю, я самое подлое существо из всех, кто только жевал зубами пищу с сотворенья мира. Восемь ярдов неровной местности для меня хуже, чем семьдесят миль ровной. Негодяи прекрасно это знают. До чего же мы дойдем, если совести не будет даже между ворами?

Слышен свист. Он отвечает.

Фью! Чума возьми вас всех! Где моя лошадь, собачьи дети? Где моя лошадь, чтоб вы околели!

П р и н ц (*выступая вперед*). Тише, толстопузый! Ляг на землю и послушай, не едет ли кто-нибудь по дороге.

Ф а л ь с т а ф. А что, есть у тебя рычаги, чтобы поднять меня потом с земли? Своими силами я уже не подымусь ни за какую золотую наличность в королевской казне Англии. Душка принц, разыщи мою лошадь!

П р и н ц. Опомнись, невежа! Что я тебе, конюх?

Фальстаф. Чтоб тебе в таком случае удавиться на твоём собственном ордене Подвязки. Если меня схватят, я покажу на вас. Чтоб мне отравиться хересом, если я не сочиню, на вас всех пасквиля с музыкой, чтоб его распевали на всех перекрестках. Безобразие, когда шутка заходит так далеко, да еще пешком.

Входят **Пойнс** с одной стороны, а с другой — **Гедсхиль**,
Бардольф и **Пето**, переодетые.

Гедсхиль. Стой!

Фальстаф. А я и не сижу, к сожаленью.

Пойнс. Это наш разведчик. Его голос.

Бардольф. Что нового?

Гедсхиль. Запахивайтесь плащами. Надевайте маски. С горы текут королевские денежки. Они направляются в королевское казначейство.

Фальстаф. Врешь, брат, — в королевские питейные заведения.

Гедсхиль. Хватит на всех.

Фальстаф. Чтобы быть повешенными.

Принц. Вы вчетвером остановите их, где дорога суживается. Я и Нед спустимся ниже. Если они минуют вас благополучно, то наскочат на нас.

Пето. Сколько их там?

Гедсхиль. Человек восемь или десять.

Фальстаф. Как бы нападающей стороной не оказались они.

Принц. Струсили, сэр Джон Толстый?

Ф а л ь с т а ф. Ну, конечно, куда нам до Джона Тонкого, вашего дедушки! Тем не менее мы не струсили.

П р и н ц. Мы это проверим.

П о й н с. Да, Джек, твоя лошадь за изгородью. Когда она тебе понадобится, найдешь ее там. Будь здоров и смотри не осрамись.

Ф а л ь с т а ф. Ну вот я и опять размяк, и пальцем его не трону, хоть режьте меня.

П р и н ц *(в сторону, Пойнсу).* Нед, где наши плащи?

П о й н с *(в сторону, принцу).* Здесь, рядом. Пойдемте.

П р и н ц и П о й н с уходят.

Ф а л ь с т а ф. Ну, господа, счастливой удачи вам всем! По местам!

Скрываются. Появляются *п р о е з ж и е*.

П е р в ы й п р о е з ж и й. Пройдемтесь немножко.

В о р ы. Стой!

В т о р о й п р о е з ж и й. Господи Иисусе!

Ф а л ь с т а ф. Вали их на землю и коленом на горло! У, саранча ненасытная! Пожили, мироеды! Надо и другим. На землю их — и долой с них шкуру!

П е р в ы й п р о е з ж и й. Разорили! Погубили! Пропали мы с нашими чадами!

П р о е з ж и е бегом покидают сцену, преследуемые **Б а р д о л ь ф о м,**
Г е д с х и л е м и П е т о.

Ф а л ь с т а ф (*носясь по сцене с вынутым мечом*). Раз-
орили, чревоугодники? А ваши сундуки и кубышки, объеда-
лы? Пошевеливайтесь, золотые мешки! Мы вам покажем —
заедать молодой наш век! Может быть, среди вас есть люди
почтенные, присяжные заседатели? Мы вам покажем при-
сяжных заседателей! (*Уходит.*)

Возвращаются принц Генрих и Пойнс, под плащами.

П р и н ц. Воры связали честных людей. Теперь, в свою
очередь, мы оберем воров и от трудов праведных отправимся
веселиться в Лондон. Разговоров будет на неделю, смеху —
на месяц, а шутка запомнится на всю жизнь.

П о й н с. Спрячемся. Они идут.

Прячутся. Возвращаются **Ф а л ь с т а ф**, **Г е д с х и л ь**, **Б а р д о л ь ф**
и **П е т о**, нагруженные мешками.

Ф а л ь с т а ф. Ну, ребята, давайте поделимся — и по ло-
шадям, пока не рассвело.

(*Садятся в кружок.*)

Если вы теперь не убедились, какие трусы принц и Пойнс, на
свете нет справедливости. Храбрости у Пойнса не больше,
чем в дикой утке.

Во время дележа на них бросаются принц и Пойнс.

П р и н ц. Ваши деньги!

П о й н с. Негодяи!

Г е д с х и л ь, **Б а р д о л ь ф**, **П е т о** и, после короткого сопротивления,
Ф а л ь с т а ф убегают, оставив на земле добычу.

П р и н ц

Досталось без борьбы. Скорее в путь.
Они от нас пустились врассыпную
И разбегаются по сторонам,
За стражников друг друга принимая.
Поедем, Нед. Придется попотеть
И землю салом покропить Фальстафу.
Мне и смешно и вместе жаль его.

П о й н с

Как он ревел! Как племенной бычище!

Уходят.

Сцена 3

Уоркуорт. Комната в замке.

Входит Г о т с п е р, читая письмо.

Г о т с п е р. “Со своей стороны, милорд, я считал бы радостью быть с вами, принимая во внимание мою любовь к вашему дому”. Он считал бы радостью! Что ж он ее себе не доставит? Принимая во внимание его любовь к нашему дому! Свои амбары, однако же, он, как видно, любит еще больше. Посмотрим дальше. “Дело, за которое вы беретесь, опасно”. Что же, это бесспорно. Все на свете опасно. Выйти на свежий воздух, выпить, лечь спать. Да, но поймите, милорд дуралеевич, что в гуще крапивы, которая называется опасностью, мы срываем цветок, который называется благополучьем.

“Дело, за которое вы беретесь, опасно; друзья, о которых вы пишете, ненадежны; время теперь неподходящее, и под вашим заговором нет достаточной почвы для борьбы с таким сильным противником”. Вы так думаете? Вы так думаете? А я вам на это скажу, что вы тупой, бессмысленный трус да и лгун к тому же. Вот идиот! Клянусь богом, таких обдуман-ных заговоров еще не бывало. Друзья преданны и проверены. Очень хороший заговор, отличные друзья, большие надеж-ды. Да, да. Великолепный заговор, отличные друзья! Какое бездушное животное! Если заговор неудачен, отчего же ар-хиепископ Йоркский одобряет его? У, черт, мокрая курица, так бы и пробил ему голову веером его супруги! А мой отец, мой дядя и я сам? Разве мы не участвуем в мятеже? Разве лорд Эдмунд Мортимер, архиепископ Йоркский и Оуэн Глендаур не с нами? А про Дугласа вы забыли? Разве нет их письменного обещанья присоединиться к нам девятого числа следующего месяца? И разве уже некоторые не в походе? Так что же это за малонер и язычник? Теперь этот трус, уви-дите, отправится к королю и все расскажет. О, я готов нада-вать себе пощечин за то, что предложил такую чудную вещь этой размазне. Черт с ним. Пусть доносит. Мы готовы. Сегод-ня я выступаю.

Входит леди Перси.

Здравствуй, Кет! Через два часа я должен буду уехать.

Л е д и П е р с и

Мой милый, отчего замкнулся ты?
Чем провинилась я, что две недели
Я без тебя изгнанницей живу?
Что отбивает у тебя охоту
Привольно жить, спокойно есть и спать?
Зачем ты стал смотреть так часто в землю
И вздрагивать, когда сидишь один?
Куда девался прежний твой румянец?
Ведь весь ты мой. Имущество мое
Как смел отдать ты грустным размышленьям?
На днях к тебе вошла я. Ты дремал,
Шепча во сне о битвах и доспехах.
Осаживая мысленно коня,
Ты вскрикивал во сне: “Вперед. Смелее!”
Я слышала твой возбужденный бред
О частоколах, вылазках, прикрытьях,
О пленных и убитых, обо всем,
Чем только может быть полно сражение.
Ты так был этим поглощен во сне!
На лбу твоём блестели капли пота,
Как пузыри на пенистой воде,
И на лице менялось выражение.
Ты перекашивал свои черты,
Как будто с болью сдерживал дыханье.
Что значит это все? Мне надо знать,

Какая тяжесть на сердце у мужа,
А то не любит больше он меня.

Готспер

Сюда! Кто там?

Входит слуга.

Ушел с пакетом Джильямс?

Слуга

Да, час назад.

Готспер

А Батлер от судьи
Вернулся с лошадьми?

Слуга

С одной вернулся.

Готспер

С саврасой? Карнаухой?

Слуга

Точно так.

Готспер

Конь этой масти нас поднимет к власти.
Немедленно седлать. О, esperance!
Пусть Батлер ждет меня с конем у входа.

Слуга уходит.

Леди Перси

Однако, милый друг...

Готспер

Что “милый друг”?

Леди Перси

Что прочь тебя несет?

Готспер

Мой конь, родная.

Леди Перси

Несносная мартышка, перестань!
Конца, ей-богу, нет твоим причудам!
Я, Гарри, знать хочу твои дела.
Мне чудится, что занят вновь постройкой
Воздушных замков брат мой Мортимер
И, верно, требует твоей поддержки?

Но если ты осмелишься пойти
Так далеко...

Готспер

К нему? Пешком? Едва ли.

Леди Перси

Не смей вилять, болтушка попугай!
Сейчас же отвечай мне без утайки,
А то я палец выверну тебе.

Готспер

Пусти, пусти! Так что ты знать желаешь?
Люблю ли я тебя? Понятно, нет.
Окончились турниры поцелуев,
И в куклы стало некогда играть.
Теперь в ходу разбитые короны
И спрос на перебитые носы.
Когда коня мне подведут, однако?
Так что ты, Кет? Что говоришь ты, Кет?

Леди Перси

Как, ты действительно меня не любишь?
И ты не шутишь? Ладно. Не люби.
Я отплачу такую же монетой.

Нет, ты меня серьезно разлюбил?
Скажи мне, это правда, ты не шутишь?

Готспер

Сойдем во двор. Пред тем как уезжать,
Я клятвенно с коня тебя уверю,
Что твой навек. Но обещаю и ты
Не спрашивать вперед, куда я еду.
Раз еду, значит, надо уезжать.
Сегодня должен я тебя оставить.
Ты — умница, однако не умней,
Чем ты сама. Ты — верная супруга,
Но — женщина и, стало быть, молчать
Умеешь лишь о том, чего не знаешь.
Таких границ я и держусь с тобой.

Леди Перси

Таких границ?

Готспер

Да, это неизбежно.
Но через день ты выедешь ко мне
И разгадаешь тайны все на месте.
Согласна?

Л е д и П е р с и

Хоть и нет, — принуждена.

Уходят.

Сцена 4

Комната в трактире “Кабанья голова”.

Входит п р и н ц Г е н р и х.

П р и н ц. Ой не могу, Нед! На помощь! Выйди из этой душной комнаты. Меня рассмешили до упаду.

Входит П о й н с.

П о й н с. Где ты пропадал, Гарри?

П р и н ц. В компании четырех дубовых голов и сорока дубовых бочек. Я спустился на самое дно общества и выпил на “ты” со всей трактирной прислугой. Хочешь, я скажу тебе, как их зовут? Том, Дик и Френсис. Для них уже нет сомнения, что хотя я еще только принц Уэльский, а не король Англии, но зато уже признанный король учтивости и не задираю носа, как некоторые, вроде Фальстафа. Наоборот, я совсем простой и, что называется, душа нараспашку. После коронации они обещают мне покровительство всех истчипских приказчиков. Между прочим, вот их словарь. Напиться значит у них “накраситься”. Кружку полагается выпивать залпом, а если кто-нибудь остановится, чтобы передохнуть, кругом кричат “переиграть” и требуют повторенья. Словом, в какие-нибудь четверть часа я так насобачился, что теперь

всю жизнь могу распивать и растабарывать с кем угодно из простонародья. Видишь, Нед, как ты много потерял. Но слушай, мой сахарный, кстати, вот тебе на один пенс сахару, который мне только что всучил младший половой. Это один из тех, для которых весь английский язык сводится к двум-трем выражениям, вроде: “Восемь шиллингов и шесть пенсов”, “пожалуйста, пожалуйста”, “сейчас, сейчас”, “пинту сладкого в кабинет с полумесяцем” и тому подобное. Да, так, значит, слушай, зачем я тебя позвал. В ожиданье Фальстафа надо что-нибудь выкинуть. Пойди в соседнюю комнату. С моим младшим половым я заведу разговор о сахаре, который он мне дал. Зови, не переставая, “Френсис”, так, чтобы он все время разрывался между мной и тобою и на все мои вопросы отвечал только “сейчас, сейчас”. Выйди за дверь. Поупражняемся.

П о й н с уходит.

П о й н с (за сценой). Френсис!

П р и н ц. Великолепно.

П о й н с (за сценой). Френсис!

Входит Ф р е н с и с.

Ф р е н с и с. Сейчас, сейчас, сэр! Загляни, Ральф, в гранатовую комнату.

П р и н ц. Поди сюда, Френсис.

Ф р е н с и с. Чего изволите, милорд?

П р и н ц. Сколько тебе еще осталось прослужить в мальчиках, Френсис?

Френсис. Пять лет, ей-богу, не вру, а если считать...

Пойнс (за сценой). Френсис!

Френсис. Сейчас, сейчас, сэр.

Принц. Пять лет! Царица небесная, за такой срок может надоесть звон посуды. А скажи, Френсис, что тебе смотреть на хозяина? Отчего не удрать тебе раньше срока?

Френсис. О сэр, я могу поклясться на всех библиях Англии...

Пойнс (за сценой). Френсис!

Френсис (пытаясь уйти). Сейчас, сэр.

Принц. Сколько тебе лет, Френсис?

Френсис (возвращаясь). Сейчас соображу. В михайлов день мне исполнится...

Пойнс (за сценой). Френсис!

Френсис. Сейчас, сэр. (Пытаясь уйти.) Погодите немного, милорд.

Принц. Только минуту, Френсис. Я насчет сахара, который ты мне дал. Тут на один пенс, не правда ли?

Френсис (возвращаясь). Очень жаль, что не на два.

Принц. Я дам тебе за него тысячу фунтов в любое время, которое ты мне укажешь.

Пойнс (за сценой). Френсис!

Френсис. Сейчас, сейчас.

Принц. Сейчас, Френсис? Нет, ты слишком нетерпелив. Сейчас нельзя. Но завтра или в будущий четверг, — пожалуйста. Однако, Френсис...

Френсис. Слушаю, милорд.

П р и н ц. Однако вот какой уговор. Ты должен обобрать этого господина в кожаном камзоле со стеклянными пуговицами, стриженного под гребенку, с агатовым перстнем, в темных чулках с подвязками, сладкоречивого, с сумкой из испанской кожи.

Ф р е н с и с. О, господи, сэр, на кого вы намекаете?

П р и н ц. Стало быть, пить у вас ничего нет, кроме красного муската? Осторожнее, Френсис, не замарай фуфайки. Нет, милостивый государь, в Берберии этого бы не случилось.

Ф р е н с и с. Виноват, не понимаю, милорд.

П о й н с (за сценой). Френсис!

П р и н ц. Марш, каналья! Тебя зовут. Не слышишь, что ли?

Принц и Пойнс начинают звать его одновременно, и он не знает, куда ему кинуться. Входит б у ф е т ч и к.

Б у ф е т ч и к. Что это такое? Тебе кричат “Френсис”, сам ты ни с места? Живо к гостям в ту комнату!

Ф р е н с и с уходит.

Милорд, пришли старый сэр Джон и с ним человек пять-шесть народу. Прикажете впустить?

П р и н ц. Да, немного погодя.

Б у ф е т ч и к уходит.

Пойнс!

П о й н с возвращается.

П о й н с. Сейчас, сейчас, сэр.

П р и н ц. Фальстаф с остальными ворами стоит у входа. Ты представляешь себе, какая сейчас будет потеха?

П о й н с. Порезвимся, как сверчки. А чем кончилась ваша шутка с половым?

П р и н ц. Мне лезет сейчас в голову вздор, смешнее которого не было с сотворения мира.

Входит Ф р е н с и с с вином.

Который час, Френсис?

Ф р е н с и с (*пробегая мимо*). Сейчас, сейчас. (*Убегает.*)

П р и н ц. И подумать, что этот мальчишка, у которого меньше слов, чем у попугая, рожден женщиной! Вся его премудрость состоит в беганье вверх и вниз по лестнице, а его разговоры не выходят из рамок трактирного счета. Да, так видишь ли, я еще не остепенился. Далеко мне до Перси Готспера, этой горячей шпоры севера. Набьет он с утра душ до сотни шотландцев, моет руки перед завтраком и говорит жене: “Надоела мне эта безмятежная жизнь, я соскучился по настоящему делу”. А она спрашивает: “Дорогой Гарри, сколько народу убил ты сегодня?” — “Напоите саврасого”, — говорит он, а спустя час отвечает: “Маловато. Человек четырнадцать. Не о чем толковать”. Теперь можно позвать Фальстафа. Я изображу Гарри Перси, а эта скотина будет госпожой Мортимер, моей женой. “Rivo!”, как кричат пьяницы. Сюда его, эту отбивную котлету, сюда его, жирный ком сала!

Входят Фальстаф, Гедсхиль, Бардольф, Пето
и Френсис.

П о й н с. Здравствуй, Джек. Откуда ты?

Ф а л ь с т а ф. Горе трусам, горе и проклятье! Аминь, говорю я, да будет так. стакан хереса, малый! Больше я вам не товарищ. Займусь вязаньем носков, их штопаньем и подшивкой — вот мое занятие. Да, да. Я, кажется, сказал, стакан хереса, каналья? Вывелась на свете доблесть.

Френсис подает требуемое. Фальстаф пьет.

П р и н ц. Видал ли ты когда-нибудь тарелку с маслом под ласками летнего солнца? Взгляни на эту потную глыбу.

Ф а л ь с т а ф. В вине известь, мошенники! (*Выплескивает вино.*)

Ф р е н с и с уходит.

Кругом одно надувательство. Но общество трусов еще хуже, чем херес с известью. Проклятые трусы! Будь верен себе, старый Джек. Ты можешь умереть со спокойной совестью. Зовите меня селедкой, если мужество, настоящее мужество не перевелось на земле. Во всей Англии не наберется трех смельчаков, которые бы не были повешены. Один из них полнеет и старится, не оставь его господи. Дрянной мир, надо сказать. Отчего я не ткач? Распевал бы я себе псалмы и этим коротал бы время. Горе трусам, говорю я.

П р и н ц (*подходя к Фальстафу*). Что ты там бормочешь, шерстяной мешок?

Фальстаф. Королевский сын, нечего сказать! Быть мне без одного волоса, если я не прогоню тебя деревянной скалкой из твоего королевства и всех твоих подданных, как стадо гусей, вместе с тобою. Принц Уэльский, нечего сказать!

Принц. Ах ты, старое бревно, это еще что за разговоры?

Фальстаф. А разве вы не струсили, отвечайте мне, ты и Пойнс?

Пойнс. Посмей еще раз назвать меня трусом, и я заколю тебя, тунеядец!

Фальстаф. Назвать тебя трусом? Пропади я пропадом, если я это сделаю. Это не требуется. Тысячу фунтов отдал бы я за то, чтобы научиться бегать, как ты. У вас красивые талии, господа. Наверное, вот почему вам не стыдно показывать людям спины. И этот поворот кругом вы называете круговой порукой? К черту такую круговую поруку! Дайте мне людей, которые смотрят в глаза опасности. Стакан хереса, мальчик. С утра у меня не было во рту ни капли, чтоб я лопнул!

Принц. Только что пил и даже губ еще не утер.

Френсис возвращается с другим стаканом.

Фальстаф. Не важно. (*Пьет.*) Горе трусам, говорю я.

Френсис уходит.

Принц. Что все это значит?

Фальстаф. Это значит, что четверо из нас захватили сегодня ночью тысячу фунтов.

П р и н ц. Где они, Джек? Давай их сюда.

Ф а л ь с т а ф. Где они! Их отняли у нас силой. Человек сто напали на нас четверых.

П р и н ц. Неужели сто?

Ф а л ь с т а ф. Считай меня последним мерзавцем, если я не отбивался два часа врукопашную от доброго десятка. Я спасся чудом. Безрукавка проткнута у меня в восьми местах, штаны — в четырех. Щит изрублен вдоль и поперек, меч в зазубринах, как ручная пила. Вот, полюбуйте. (*Показывает свой меч.*) Никогда, с тех пор как я ношу оружие, я не держался лучше. Но все было напрасно. Горе трусам. Спросите остальных, пусть они сами расскажут. Если они хоть чем-нибудь уклонятся от правды, то они — детища тьмы и сыновья порока.

П р и н ц. Ну что же, господа? Как было дело?

Г е д с х и л ь. Мы вчетвером совершили нападение человек на двенадцать.

Ф а л ь с т а ф. Нет, самое меньшее на шестнадцать, милорд.

Г е д с х и л ь. И связали их.

П е т о. Нет, нет, мы их не связывали.

Ф а л ь с т а ф. Вы врете, мы их связали, каждого поодиночке. Если это неправда, то я иудей, древний иудей.

Г е д с х и л ь. Когда мы стали делить добычу, подоспели шесть или семь новых и напали на нас.

Ф а л ь с т а ф. Они развязали первых. К ним присоединились еще новые.

П р и н ц. И вы сцепились со всеми?

Ф а л ь с т а ф. Со всеми! Смотря как понимать твое выражение. Но можешь сказать, что я пучок редиски, если я не имел дела с пятьюдесятью. Если их набросилось меньше пятидесяти двух или трех на бедного старого Джека, можешь думать, что я не двуногое существо.

П р и н ц. Надеюсь, ты не убил кого-нибудь, не дай бог.

Ф а л ь с т а ф. Ну, обращение к богу тут уже не поможет. Двое из них пошли в засол. Двое, я уверен, получили по заслугам, два мерзавца в плащах. Говорю тебе, Гарри, если я прикрашиваю, можешь плюнуть мне в глаза и сказать, что я старая кляча. Ты знаешь мой прием защиты. Смотри, вот так я стал для отражения удара, так поднял меч. Откуда ни возьмись, четыре негодяя в плащах...

П р и н ц. Как четыре? Ты ведь только что сказал, что два.

Ф а л ь с т а ф. Четыре, Гарри. Я сказал — четыре.

П о й н с. Да, да, он сказал четыре.

Ф а л ь с т а ф. Эти четыре стали в шеренгу и атаковали меня. Недолго думая, я дал вонзиться всем семи их мечам в свой щит вот так.

П р и н ц. Семи мечам? Только что их было четыре.

Ф а л ь с т а ф. В плащах.

П о й н с. Да, четыре, в плащах.

Ф а л ь с т а ф. Семь, клянусь этой рукоятью. Неужели ты можешь допустить, что я такой лгун?

П р и н ц. Не прерывай его. Их число будет постепенно возрастать.

Ф а л ь с т а ф. Ты слушаешь, Гарри?

П р и н ц. Слушаю не отрываясь.

Ф а л ь с т а ф. Слушай, слушай, ты не пожалеешь. Так вот, эти девять в плащах, о которых была речь...

П р и н ц. Ну, что я говорил? На два прибавилось.

Ф а л ь с т а ф. Они стали отступать. Я не дал им уйти, настиг, и семи из одиннадцати как не бывало.

П р и н ц. Невероятно! Одиннадцать человек в плащах, незаметно получившиеся из двух!

Ф а л ь с т а ф. Но тут черт принес этих трех выродков в зеленом. Пользуясь темнотой, они набросились на меня сзади. Было темно, хоть глаз выколи. Ты бы не различил своей собственной руки, Гарри.

П р и н ц. Эти небылицы похожи на того, кто их выдумывает. Они так же нелепы, чудовищно раздуты, и их лживость так же очевидна с первого взгляда. Ах ты, торба с овсом, дармоед ты бессовестный, ах ты, сукин сын, грязная ты кадушка с салом...

Ф а л ь с т а ф. Опомнись, опомнись! Как можно отрицать доказанное?

П р и н ц. Как же ты узнал, что эти люди в зеленом, если было так темно, что ты не видел собственной руки? Объясни нам это. Что ты на это скажешь?

П о й н с. Да, да, объясни нам это, Джек.

Ф а л ь с т а ф. Как, все на одного? По принуждению я не отвечу. Черт возьми, я бы этого не сделал даже под самой страшной пыткой. Шутка ли сказать, отвечать по принуждению! Если б даже объяснения были не дороже ежевики, я бы их не дал по принуждению.

П р и н ц. Ну, долго я тебя принуждать не стану. Слушайте, господа. Этот полнокровный трус, этот сокрушитель конских хребтов и кроватей, эта непомерная гора мяса...

Ф а л ь с т а ф. Эй, полегче, ты, заморыш, рыба кожа, кишка коровья, телячий язык! У человека не хватит голоса перебрать все то, на что ты похож худобой. Молчал бы лучше, портновский аршин, колчан без стрел, сточившийся клинок! *(Переводит дыхание.)*

П р и н ц. Вот именно, отдышись и продолжай. А когда ты истощишь свои низкие сравнения, будь любезен выслушать.

П о й н с. Да, да, выслушай его, Джек.

П р и н ц. Мы оба видели, как вы напали вчетвером на четверых, связали их и присвоили их имущество. Теперь я что-то прибавлю, и после моих слов от тебя ничего не останется. Мы напали на вас, и вы со страху побросали всю вашу добычу. Она у нас, мы можем вам ее показать. Надо сказать, Фальстаф, ты уносил свои потроха с величайшим проворством и при этом ревел, как племенной бык. Спрашивается, каким надо быть негодяем, чтобы взять после этого свой меч, изрубить его и уверять, что это случилось в бою? Любопытно, какую лазейку придумаешь ты теперь, когда ты так явно опозорен?

Фальстаф прячет лицо за щитом.

П о й н с. Правда, интересно, Джек, что ты придумаешь?

Ф а л ь с т а ф (*отбрасывая щит*). Я узнал вас с первого взгляда. Ей-богу, как родной отец. Скажите сами, господа, мог ли я броситься с оружием на наследника престола? А вдруг я убил бы его? Ты знаешь, Гарри, я храбр, как Геркулес. Ничто не может остановить меня, когда я разойдусь. Кроме инстинкта. Лев из чувства породы никогда не тронет истинного принца, вы подумайте! О, инстинкт — великая вещь! Сегодня я сробел, потому что инстинкт остановил меня. Я горжусь этим вдвойне. Горжусь тем, что львиный нюх не обманул меня, горжусь тем, что твоя королевская кровь не осталась неузнанной. Однако на что мы тратим время, ребята! Черт побери, я рад, что деньги у вас. Запирай двери, хозяйка! Ночь шумим, утром каемся. Гуляй, мои золотые! Дети мои, богатыри мои, какие слова дружбы достаточны для вас? Итак, веселимся. Симпровизируем какую-нибудь комедию.

П р и н ц. По рукам. И темою послужит твое бегство.

Ф а л ь с т а ф. Довольно, Гарри. Ни слова больше об этом, если любишь меня.

Входит т р а к т и р щ и ц а.

Т р а к т и р щ и ц а. Господи Иисусе, милорд принц!

П р и н ц. А, миледи трактирщица! Что скажешь?

Т р а к т и р щ и ц а. Ах, милорд, там у дверей какой-то придворный спрашивает вас. Он говорит, что он к вам от вашего батюшки.

П р и н ц. Тогда выставь этого придворного на двор к моей матушке.

Ф а л ь с т а ф. Какой он из себя?

Т р а к т и р щ и ц а. Старик.

Бардольф. Рис. Дж. Джильберта

Ф а л ь с т а ф. Почему же он не в постели в такое время? Можно мне поговорить с ним?

П р и н ц. Сделай одолжение, Джек.

Ф а л ь с т а ф. Хорошо. Я пошлю его к черту. (*Уходит.*)

П р и н ц. Ну, господа, видит бог, вы дрались на славу. Речь о вас, Пето, и, Бардольф, о вас. Вы тоже львы, у вас верный инстинкт, вы удрали, чтобы не тронуть истинного принца.

Б а р д о л ь ф. Я побежал, потому что увидел, что бегут другие.

П р и н ц. Признайтесь откровенно, отчего меч у Фальстафа так иззубрен?

П е т о. Очень просто. Он изрубил его своим кинжалом и сказал, что всеми правдами и неправдами заставит вас поверить, что это случилось в побоище. Он подговаривал и нас сделать то же самое.

Б а р д о л ь ф. Он нам советовал расцарапать носы пыреем до крови, выпачкать платье и сказать, что это кровь убитых. Впервые за последние десять лет я опять краснел, как в детстве, слушая эти жульнические наущенья.

П р и н ц. Что ты сочиняешь? Краска не сходит у тебя с лица с тех пор, как ты стащил первый стакан хереса и был пойман с поличным. Восемнадцать лет твой нос пылает не переставая. С таким пушечным фитилем на лице, и ты бежал! Какой инстинкт руководил тобою?

Б а р д о л ь ф (*показывая на свой нос*). Вы про эти зарева и северные сиянья?

П р и н ц. Да, про них.

Б а р д о л ь ф. Как вы думаете, что означает эта краснота?

П р и н ц. Запой и нищету.

Б а р д о л ь ф. Нет, — вспыльчивость, если взять эти пятна в корне.

П р и н ц. Ну нет, если их взять, то они означают виселицу.

Рассердившись, Б а р д о л ь ф уходит. Ф а л ь с т а ф возвращается.

А, вот худышка Джек, вот он скелетик! Ну, что слышно, моя вата для набивки? Скажи, Джек, сколько лет ты не видал своих коленей?

Ф а л ь с т а ф. Своих коленей? В твоём возрасте, Гарри, я был в талии тоньше орлиного когтя и свободно пролезал в мужской перстень с большого пальца. Меня изменили огорчения. Частые вздохи пучат человека, как кислое тесто. Ты спрашиваешь, что нового? Плохие, брат, новости. Это тебя спрашивал сэр Джон Бреси по поручению твоего отца. Тебя вызывают утром во дворец. Северный сорванец Перси да еще этот из Уэльса, ну знаешь, который выпорол нечистого, налил нос Люциферу и держит дьявола в подчиненье, — ну, черт возьми, ты его знаешь.

П о й н с. А, Глендаур?

Ф а л ь с т а ф. Оуэн, как же, он самый. Так вот, Оуэн, его зять Мортимер, старик Нортумберленд и этот сверхшотлан-

дец Дуглас, который берет на коне разбег вверх по отвесной горе...

П р и н ц. И на всем скаку попадает из пистолета в летящего воробья?

Ф а л ь с т а ф. Да, храбрости ему не занимать стать. Этот не побежит.

П р и н ц. Как же ты хвалил только что его разбег?

Ф а л ь с т а ф. Верхом, глупенький, верхом. А я говорю, пеший. Пеший он не отступит.

П р и н ц. А по инстинкту?

Ф а л ь с т а ф. Ну, по инстинкту другое дело. Так вот, этот шотландец, потом какой-то Мордейк и еще целая тысяча других синих шапок объединились. Ночью бежал Вустер. У твоего отца поседела борода, когда он узнал это. Сейчас можно будет покупать землю по цене тухлой макрели.

П р и н ц. А летом, если эта туземная суматоха не уляжется, обесценится и человеческая жизнь. Людей будут сбывать сотнями, как кузнечные гвозди.

Ф а л ь с т а ф. Правильно, друг мой. Эта отрасль промышленности будет процветать. Но воображаю, Гарри, как в глубине души ты перепуган! Ты прав, трудно подыскать более страшную угрозу на твоём пути к престолу, чем этот черт Дуглас, этот оборотень Перси и этот дьявол Глендаур. Тебя, конечно, это повергает в содроганье, не правда ли? И у тебя заledenела кровь?

П р и н ц. Честное слово, несколько. Очевидно, мне недостает твоего инстинкта.

Ф а л ь с т а ф. Ну, хорошо. Но тебя страшно проберут завтра у отца. Если ты меня любишь, подготовься.

П р и н ц. Хорошо. Вообразим, что ты мой отец. Допрашивай меня о моем образе жизни, а я буду отвечать.

Ф а л ь с т а ф. Отлично. Этот стул будет моим тронем, этот нож — моим скипетром, а эта подушка — моей короной. Если последняя искра благодати не угасла в тебе, ты будешь тронут. Дайте мне стакан хереса, чтобы у меня покраснели глаза, словно я плакал. Я буду играть с большим чувством, как в “Царе Камбизе”. (Пьет.)

П р и н ц. Вот я становлюсь на колени.

Ф а л ь с т а ф. А вот мой монолог. Расступитесь, рыцари.

Т р а к т и р щ и ц а. Господи Иисусе, как красиво!

Ф а л ь с т а ф

Не плачь, супруга. Слезы — суета.

Т р а к т и р щ и ц а. Как бедный папаша расстраивается!

Ф а л ь с т а ф

Прошу вас, лорды, надо увести
Рыдающую горько королеву.

Т р а к т и р щ и ц а. Господи Иисусе, какой искусник! Совершенно как эти паршивцы комедианты!

П р и н ц. Как, ты еще ругаешься, негодный мальчишка? Прочь с глаз моих! Тебя насильно сбивают с истинного пути.

Злой дух в образе старого толстяка преследует тебя. Подобие бочки в дружбе с тобой. Зачем ты знаешься с этим чурбаном? Этот человек — целая кладовая всякого свинства, это — вздутие от водянки и чудовищный бурдюк с хересом, это — целиком зажаренный ярмарочный бык с кашей. Чем он одарен, кроме умения пробовать херес? Чему научился, кроме разрезывания и пожирания каплунов? Чем он проявил себя, кроме обмана и подлости? Какие у него достоинства? — Никаких. Какие недостатки? — Все решительно.

Ф а л ь с т а ф. Поясните, пожалуйста, ваше величество, кого вы разумеете?

П р и н ц. Я имею в виду совратителя юношества, мерзопакостного и седобородого сатану Фальстафа.

Ф а л ь с т а ф. Милорд, этого человека я знаю.

П р и н ц. Я думаю!

Ф а л ь с т а ф. Однако я не решусь сказать, что он чем-нибудь хуже меня. Что он стар, так это весьма прискорбно, и об этом говорят его седые волосы. Но чтобы он был, с вашего позволения, распутником, это я категорически отвергаю. Если херес с сахаром — преступление, то все мои знакомые трактирщики должны погибнуть. Если полнота навлекает ненависть, то, следовательно, тощие фараоновы коровы заслуживают любви. Нет, добрый государь. Можете удалить Пето, удалите Бардольфа, удалите Пойнса. Но не смотрите косо на доброго Джека Фальстафа, на бескорыстного и храброго друга Джека Фальстафа, тем более храброго, что он стар. Не разлучайте его с Гарри, не оставляйте вашего Гарри

рого друга Джека Фальстафа, тем более храброго, что он стар. Не разлучайте его с Гарри, не оставляйте вашего Гарри в одиночестве. Не будет с ним толстого Джека — отвернется от него и весь мир.

П р и н ц. Ничего не поможет. Я прогоню его.

Стук в дверь. Т р а к т и р щ и ц а уходит. Вбегает Б а р д о л ь ф.

Б а р д о л ь ф. Принц, принц, у дверей шериф с несметной стражей!

Ф а л ь с т а ф. Вон, бродяга! Не мешай представленью. У меня еще много оправданий в пользу этого Фальстафа.

Торопливо возвращается т р а к т и р щ и ц а.

Т р а к т и р щ и ц а. Господи Иисусе! О, милорд, милорд!

П р и н ц. Тише, что там такое? Словно увидали черта верхом на скрипичном смычке.

Т р а к т и р щ и ц а. У порога шериф со стражей. Они хотят обыскать дом. Как быть, впустить их?

Ф а л ь с т а ф. Помни, Гарри, цени настоящее золото и не смешивай его с подделкой. Надеюсь, ты меня не выдашь. Если же ты не выгородишь меня перед шерифом, я, наверное, не оскандаюсь на виселице, и веревка удавит меня так же скоро, как всякого другого.

П р и н ц. Спрячься за драпировкой, а вы господа, на чердак. Ну, смотреть у меня соколами, как полагается честным людям с чистой совестью.

П р и н ц. Позовите шерифа.

Т р а к т и р щ и ц а уходит. Входит шериф с извозчиком.

Что вам угодно, господин судья?

Ш е р и ф

Во-первых, виноват, милорд. Но в доме
Скрывается сомнительный народ.

П р и н ц

Кто именно?

Ш е р и ф

Одно лицо известно.
Упитанный толстяк.

И з в о з ч и к.

Как масла ком.

П р и н ц

Его здесь нет. Он послан мной по делу.
Но завтра, слово вам даю, судья,
Предстанет он пред вами и ответит
За все, в чем может быть он обвинен.
С чем вас почтительно и отпускаю.

Ш е р и ф

Сейчас уйду, милорд. У двух господ.
Похищено в дороге двести фунтов.

П р и н ц

Возможно. Если их ограбил он,
То и поплатится. Итак, прощайте.

Ш е р и ф

Спокойной ночи, благородный принц.

П р и н ц

Скорее, полагаю, с добрым утром.

Ш е р и ф

Милорд, вы правы. Два часа утра.

Ш е р и ф и извозчик уходят.

П р и н ц. Эта сальная морда пользуется не меньшей известностью, чем собор святого Павла. Давай его сюда.

П о й н с. Фальстаф! *(Отдергивает занавеску.)* Спит, как убитый, и храпит, как лошадь.

П р и н ц. Действительно, как тяжело он дышит! Обыщи его карманы.

Пойнс обыскивает его.

Что ты нашел?

П о й н с. Какие-то записки, милорд.

П р и н ц. Посмотрим, что в них написано. Читай.

П о й н с (*читает*). “Сверх того, каплун — два шиллинга два пенса, сверх того, одна порция соуса — четыре пенса, сверх того, хересу два галлона — пять шиллингов восемь пенсов, сверх того, еще хересу дополнительно и анчоусов к нему — два шиллинга шесть пенсов, сверх того, хлеба на полпенни”.

Фальстаф, принц Генрих и его свита. Художник Ф.Пехт

П р и н ц. Ты подумай, на такую прорву хереса хлеба только на полпенни! Спрячь остальные бумажки, прочтем на досуге. Не надо будить его, пусть выспится. Немного попозднее я пойду во дворец. Всем нам надо будет отправиться на войну. Я тебе выхлопочу хорошее место. Этому разбойнику я достану назначенье в пехоте. Надо его проучить, пусть побеждает. Награбленные деньги будут возвращены с избытком. Зайди за мной завтра утром пораньше, а теперь прощай, Пойнс.

П о й н с. Прощайте, милорд.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Бангор. Комната в доме архиепископа.

Входят Готспер, Вустер, Мортимер и Глендаур.

Мортимер

Все заодно, друзья дают согласие, —
Начало обещает нам успех.

Готспер

Лорд Мортимер, Глендаур, — садитесь, дядя...
Какое свинство, карту я забыл!

Глендаур

Нет, вот она. Вы сами сядьте, Перси.
Садитесь, Готспер. Всякий раз, как вас
Зовут при короле по этой кличке,
Он вам желает на небо попасть.

Готспер

А вам в тартарары.

Глендаур

Вполне понятно.

При появлении моем на свет
Пылало небо и земля дрожала.

Готспер. Это событие произошло бы и в том случае, если бы у вашей матери окотилась кошка, а вас не было бы и в помине.

Глендаур

Я говорю вам, при моем рожденье
Земля тряслась.

Готспер

А я вам говорю,
Что если вас она перепугалась,
Отказываюсь я ее понять.

Глендаур

Земля дрожала, и пылало небо.

Готспер

Ну так ее бросало в дрожь
Пыланье неба, а не страх пред вами.
Бывают схватки боли у земли,
Когда ей пучит изнутри утробу,
Тогда бедняжку корчит и трясет
И валятся дома и колокольни.
По-видимому, приступ тех же спазм
Был у нее в день вашего рожденья.

Глендаур

Я в жизни к возраженьям не привык.
Позвольте повторить вам с новой силой:
При появлении моем на свет
Пылало небо, с гор сбегали козы,
Ревели в исступлении стада.
Все это были знаменья особой
Заранее отмеченной судьбы.
И правда, будущее показало,
Что я не из числа простых людей.
Нет никого в Шотландии, Уэльсе
И Англии, кто б мог мне послужить
Образчиком, нет никого на свете,
Кто мог бы стать со мною наравне
В проникновенье в тайные науки
И магией так полно овладел.

Готспер. Наверное, правда, никто не говорит лучше вас по-уэльски. Но позвольте, я пойду обедать.

Мортимер

Оставьте спор. Он выйдет из себя.

Глендаур

Я духов вызывать из тьмы умею.

Готспер

И я, как, впрочем, всякий человек.
Все дело в том лишь, явятся ли духи.

Глендаур

Я чертом управлять вас научу.

Готспер

А я вас научу над ним смеяться.
Любите правду. Это черту смерть.
Заполучите черта мне заклятьем,
А я его вам в ложке утоплю.
Не надо лгать, — и победите черта.

Мортимер

Окончите бесплодный этот спор.

Г л е н д а у р

Три раза Болинброк тягаться думал
Со мною силой. Трижды уходил
Несолоно хлебавши.

Г о т с п е р**Солонее**

Из вас двоих пришлось, как видно, вам?

Г л е н д а у р

Вот карта. Надо землю на три части,
Как мы уговорились, разделить.

М о р т и м е р

На карте обозначил архидьякон
Три равных, одинаковых куска.
Вся Англия от Северна и Трента
На юг и на восток дается мне.
Уэльский край от Северна на запад
Получит Глендаур. Вам мы отдаем
На север вверх от Трента весь остаток.
Я договор велел переписать
В трех списках. Мы подпишем их сегодня,
А завтра, Вустер, вы и я начнем
Передвижение в Шрусбери к шотландцам

И вашему отцу, как уговор.
Мой тесть Глендаур еще не кончил сборов.
Потерпим две недели без него.

(Глендауру.)

А вы за этот срок вооружите
Своих соседей, челядь и крестьян.

Г л е н д а у р

Надеюсь быть у вас гораздо раньше
И привезу с собою ваших жен.
Теперь вы лучше с ними не прощайтесь,
Во избежанье океана слез,
Который будет непременно пролит.

Г о т с п е р

Я все смотрю, земельный мой надел
От Бертонна на север меньше ваших.
В него вдаются в нескольких местах
Извилины реки и сокращают
Мне этот край на целый полукруг.
Я здесь построю на реке плотину,
И тихий Трент отсюда потечет
По новому и ровному протоку.
Я больше виться так ему не дам
И портить богатейшую долину.

Г л е н д а у р

Вы не дадите виться? То есть как?
Как вьется он, так он и будет виться.

М о р т и м е р

Не забывайте также и того,
Что он на следующем повороте
Вознаграждает вас в убыток мне
Таким же точно вырезом и клином.

В у с т е р

Здесь можно без особенных хлопот
Перекопать на самом деле реку,
Что в выигрыше даст нам этот мыс.

Г о т с п е р

На это я затрат не пожалею.

Г л е н д а у р

Я против этого.

Г о т с п е р

Вы против?

Г л е н д а у р

Да.

Г о т с п е р

Но кто мне помешает это сделать?

Г л е н д а у р

Кто помешает? Помешаю я.

Г о т с п е р

По-уэльски лучше б это вы сказали.
Предпочитаю вас не понимать.

Г л е н д а у р

Английский знаю я не хуже вас.
Я при дворе английском был воспитан,
Где в юности для арфы сочинил
Большое множество английских песен,
Обогатив посильно ваш язык —
Талант, которым вы не отличались.

Г о т с п е р

Чему я необыкновенно рад.
Мне было б легче кошкою мяукать,
Чем промышлять рифмованным враньем.

Когда со звоном падает подсвечник
Или скрипит без смазки колесо,
То у меня от них, по крайней мере,
Не ноют зубы. Для меня стихи
Как поступь старой лошади разбитой.

Г л е н д а у р

Ну ладно, перекапывайте Трент.

Г о т с п е р

Не стоит. Мне случалось втрое больше
Дарить, не глядя. Но в делах с людьми
Я буду торговаться для порядка
Из-за десятой доли волоска.
Готовы договоры? Можно ехать?

Г л е н д а у р

Ночь лунная, в пути светло как днем.
Потороплю писца и приготовлю
К минуте расставанья ваших жен.
Что будет с дочерью моей, не знаю.
Без Мортимера жизнь ей не мила.

(Уходит.)

М о р т и м е р

Зачем вы злите тестя, милый Перси?

Готспер

Он может ведь в отчаянье привести.
Я вот как сыт его абракадаброй.
В ушах звенит от муравьев, кротов,
Волшебников Мерлинов, предсказаний,
Бескрылых грифов и бесперых рыб.
Львов на гербах, лежащих и стоящих.
Где столько дичи мне переварить!
Вчера он протомил меня полночи,
Перечисляя имена чертей,
Ему подвластных. Я его не слушал
И только лишь поддакивал в ответ.
Он хуже бабы злой и старой клячи
И нестерпим, как дом, где печь дымит.
От жизни с ним и этих разговоров
Я б из дворца на мельницу сбежал
От пирогов и вин на хлеб и воду.

Мортимер

Напрасно. Это ценный человек,
Начитанный, сокровищница знаний,
Добрjak, храбрец и золотое дно
Отзывчивости и гостеприимства.
Он любит вас и в уважение к вам
Прощает ваши колкие ответы.

Они б другому даром не прошли.
Но не играйте этим предпочтеньем.

В у с т е р

Ты, правда, слишком груб и вздоришь с ним
Без перерыва с самого приезда.
Напрасно думать, будто резкий тон
Есть признак прямодушия и силы.
В основе тут отсутствие манер.
Напротив, самомненье и бахвальство
Не могут делать чести никому.

Г о т с п е р

Спасибо. Я усвою светский лоск.
Но вот пришли прощаться наши жены.

Возвращается Г л е н д а у р в сопровождении л е д и М о р т и м е р
и л е д и П е р с и.

М о р т и м е р

Я уэльского не знаю, а жена —
Английского. Не правда ли, несчастье!

Г л е н д а у р

Дочь плачет. “Мортимера, — говорит, —
Не отпущу. Сама пойду в солдаты”.

М о р т и м е р

А вы ей объясните, что на днях
Ее к нам привезете с леди Перси.

Глендаур и леди Мортимер разговаривают по-уэльски.

Г л е н д а у р. Как об стену горох. Ничего не желает, дура,
слышать.

Леди Мортимер обращается к мужу по-уэльски.

М о р т и м е р

Я понимаю. Говор слез твоих
Без перевода с уэльского понятен.
Я б отвечал на том же языке,
Когда бы мне не стыдно было плакать.

Леди Мортимер снова обращается к нему по-уэльски.

.И я могу понять беседу чувств
По звуку поцелуя, но покоя
Не обрету, пока не научусь
По-уэльски. У тебя наречье это
Звучит волшебной, будто это песнь
Какой-то королевы, заключенной
В далеком замке средь густых лесов.

Г л е н д а у р

Не надо распускать себя. Бедняжка
Сойдет с ума.

Леди Мортимер снова обращается к Мортимеру по-уэльски.

М о р т и м е р

Невеждою стою
Перед тобой.

Г л е н д а у р

Дочь говорит, прилягте
Здесь на камыш, и просит положить
К ней на колени голову. Хотите,
Она споет любимый ваш напев?
У вас сомкнутся слипшиеся веки,
Отяжелеет сразу голова,
И вы забудетесь на перепутье
Меж сном и бдением, полночью и днем.

М о р т и м е р

Спасибо ей. Я буду рад послушать,
Покамест перепишут договор.

Г л е н д а у р

Ну, вот, располагайтесь. Музыканты,
Играющие аккомпанемент,
Еще в десятке тысяч миль отсюда,
Но заиграют ровно через миг.

Готспер. Приляжем, Кет. Это по твоей части. Дай я положу тебе голову на колени.

Леди Перси. Вот тебе, вот тебе, бесстыдник!

Глендаур произносит несколько слов по-уэльски.

Начинается музыка.

Готспер. Теперь я вижу, что дьявол понимает по-уэльски. Кроме того, я сообразил, отчего черти так взбалмошны. Слышишь, как благозвучна эта чертовщина?

Леди Перси. Если бы сумасбродство было основанием музыкальности, ты был бы гением в этой области, потому что ты само упрямство и сплошная причуда. Лежи смирно, неугомонный, а то мы ничего не услышим. Сейчас леди будет петь по-уэльски.

Готспер. Я бы с большим удовольствием послушал, как моя легавая Леди будет выть по-ирландски. Однако тише. Она действительно поет.

Леди Мортимер поет уэльскую песню.

Теперь спой ты, Кет.

Леди Перси. Как бы не так! Ни за какие коврижки!

Готспер. “Как бы не так, ни за какие коврижки!” У тебя выраженья, словно ты жена булочника. “Как бы не так”, “держи карман пошире”, “накажи меня бог”, “чтоб мне света не видать”.

Ты божишься, как будто ты весь век
За Финсберийский вал не выходила
Уж если речи клятвой подкреплять,

То крупно, во весь голос, по-дворянски.
А клятвы с ароматом имбиря
Оставь воскресным парам на гулянье,
Мещанам с бархатом на обшлагах.
Спой, дорогая.

Л е д и П е р с и

Нет, я петь не буду.

Г о т с п е р. Ну, как хочешь. Петь — это слабость портных и птицеловов. Что, готовы соглашения? Тогда я выезжаю через два часа. Немного погода надо будет прощаться.
(Уходит.)

Г л е н д а у р

Пойдемте, Мортимер. Вы так же вялы,
Как Перси пылок и нетерпелив.
Наверно, договор готов. Подпишем,
И вы отправитесь.

М о р т и м е р

Душевно рад.

Уходят.

Генрих IV

Сцена 2

Лондон. Приемная во дворце.

Сидит король. Его окружают принц Генрих,
принц Джон Ланкастерский, граф Уэстморленд,
сэр Уолтер Блент и другие.
Стража и свита.

Король

Оставьте, господа, нас. Я и принц
Должны поговорить без посторонних.
Но скоро вы понадобится нам.
Не удаляйтесь.

Все, кроме короля и принца Генриха, уходят.

Право, я не знаю,
Наверно, я так бога прогневил,
Что он мне превращает в наказание
Родного сына, собственную плоть?
Меня ты убеждаешь каждым шагом,
Что избран для меня таким бичом.
Иначе как понять, скажи на милость,
Твой образ жизни, изменный разгул
И эту неразборчивость во вкусах?
Скажи мне, как все это примирить
С твоей высокой королевской кровью?

П р и н ц

Я утверждать не смею, государь,
Что чист кругом пред светлостью вашей,
Но часть упреков должен отстранить.
Когда я опровергну измышленья,
Что сеют обо мне клеветники,
Простите мне те несколько проступков,
Которые по молодости лет
Действительно я совершил и каюсь.

К о р о л ь

Прости тебя господь. Но я дивлюсь
Твоим привязанностям, милый Гарри.
У наших предков был другой полет.
Ходить в совет ты не считаешь нужным,
Тебя в нем заменяет младший брат.
Ты стал чужой двору и принцам крови.
Надежды времени разбиты в прах,
И все кругом тебе пророчат гибель.
Когда б я так у всех был на виду,
Так примелькался, так глаза мозолил,
Я королем не мог бы стать. Народ
Доволен был бы старым государем,
И я бы затерялся без следа,
Как нечто недостойное вниманья.
Но я был редкостью среди людей

И поражал при встрече, как комета.
Кругом шептали: “Это Болинброк”.
И спрашивали: “Где он? Покажите”.
Я был приветлив, как лазурь небес,
И привораживал простонародье.
Все радовались мне, как королю,
В присутствии законного монарха,
Но я к себе привыкнуть не давал,
Как к золоту церковных облачений.
Я появлялся редко, ослеплял
И превращал свой выход в светлый праздник.
А вьюн-король мелькал в толпе шутов,
Менял забавы, остывал к забавам
И комедьянтам позволял трунить
Над королевскою своею особой.
На улице любой кому не лень
Ему вдогонку отпускал остроты,
А он воображал, что он любим,
И счастлив был, что так для всех доступен.
Понятно, что, как всякою едой,
И этим медом под конец объелись.
От пищи неумеренной тошнит.
Чуть больше, чем немного, — слишком много.
Весной, как зарядит она свое,
Все слышат, но не слушают кукушку.
Встречаясь часто взглядом с королем,
Не обращали на него вниманья,

А если даже кто и замечал,
То не смотрел зажмурясь, как на солнце,
А как на чей-нибудь приход не в срок
Недружелюбным взором исподлобья.
Ты, Гарри, стал на тот же самый путь.
Ты жертвуешь своим высоким званием.
Твой круг гуляк отталкивает всех,
Все отвернулись от тебя в обиде,
Лишь я гляжу не отрывая глаз,
И нежность застилает их слезами.

П р и н ц

Стыжусь все это слышать, государь,
И правда постараюсь измениться.

К о р о л ь

Ты иногда мне кажешься таким,
Каким Ричард был к моему приезду,
А Перси — это мой живой портрет.
Вот подобала бы кому корона,
Хотя наследник по закону ты.
Но разве спрашивает о законе
Тот, кто гремит оружием, как он?
Его бы не смутило льва рычанье.
Он мальчик, как и ты, а посмотри,
Каких епископов и старых лордов

Его приказы посылают в бой.
А как его прославила победа
Над Дугласом, который не имел
Соперников по смелости набегов,
А по предвиденью и быстроте
Считался первым полководцем в мире!
И Готспер трижды ведь его разбил,
Дитя-герой и новый Марс в пленках.
Да что разбил, — взял в плен, освободил
И с ним в союзе хочет ниспровергнуть
Мой трон и наш общественный покой.
Ты слышал, граф Нортумберленд и Перси,
Епископ Йоркский, Дуглас, Мортимер,
Составив втайне заговор, восстали?
Кому я, впрочем, это говорю!
Ведь ты мой наихудший враг заклятый
И к ним примкнешь, я в этом убежден,
Чтоб выкинуть проделку почуднее.
Да, да, я знаю, ты, как трус, пойдешь
Против меня, виляя по-собачьи
Перед врагами, чтобы показать,
Как далеко зашел ты в вырождение.

П р и н ц

Все будет, вы увидите, не так.
Но, боже правый, до каких пределов
Восстановили вас против меня!

Все искуплю я головою Перси
 И как-нибудь, в счастливый день побед
 Назваться вашим сыном буду вправе.
 Я буду весь в крови и в этот день
 С себя следы позора кровью смою.
 Да, в день тот встретятся лицом к лицу
 Счастливец этот, чудо-рыцарь Готспер
 И бедный Гарри, ваш забытый сын.
 И пусть бы вдесятеро горделивей
 Носил он шлем, и пусть бы в десять раз
 Униженной сносил я осужденье,
 Мы поменяемся, и я возьму
 Всю честь его, а он — мое бесчестье.
 Он мой батрак, он копит для меня
 Блеск подвигов своих, он мне по счету
 Отдаст их все, а если не отдаст,
 Я счет их у него из сердца вырву.

(Становится на колени.)

Я это обещаю совершить
 И, если мне поможет бог, исполню.
 Тогда моя удача исцелит
 Отеческие раны в вашем сердце.
 А если счастье мне не суждено,
 Смерть избавляет нас от обязательств,
 А лучше я сто тысяч раз умру
 В сражение, чем нарушу эту клятву.

К о р о л ь

Сто тысяч раз умрут бунтовщики.

(Подходит к принцу, поднимает его с колен и обнимает.)

Тебя командующим я назначу.

Входит сэр Уолтер Блент.

Что скажешь, добрый Блент? Твое лицо
Встревожено.

Б л е н т

Тревожна весть, с которой
Я к вам сейчас врываюсь. Вот о чем
Доносит нам лорд Мортимер Шотландский.
Одиннадцатого числа сошлись
Граф Дуглас и английские повстанцы
Под Шрусбери. Их много. Если к ним
Примкнут все, давшие им обещанье.
Мятеж их примет очень грозный вид.

К о р о л ь

Граф Уэстморленд сегодня вышел. Следом
Идет лорд Джон Ланкастерский, мой сын.
Твое известье очень запоздало.
Ты, Гарри, в среду выступишь, а я —
В четверг. Мы в Бриджнорсе назначим встречу.
Иди чрез Глостершир. Я убежден,

Что дней через двенадцать мы сойдемся
Итак, за дело. Медлить я не дам.
Отсрочка наша на руку врагам.

Уходят.

Сцена 3

Истчип. Комната в трактире “Кабанья голова”.

Входят Фальстаф и Бардольф.

Фальстаф. Я страшно похудел с последнего выезда, Бардольф! Я разрушаюсь. Кожа висит на мне, как платье на какой-нибудь высокопоставленной старушке. Я высох, как печеное яблоко. Надо принести покаяние не откладывая, пока еще я в силах, а то скоро я не буду в состоянии исповедоваться. Пусть я буду перечным зерном или ломовою лошадю на пивоварне, если я не забыл внутреннего вида храма. Внутренность церкви! Господи боже мой, плохие знакомства погубили меня.

Бардольф. Сэр Джон, вы в таком унынии. Видно, вы недолго протянете.

Фальстаф. В том-то и дело. Слушай, спой мне что-нибудь неприличное. Разгони тоску. Когда-то я был примерной нравственности, да, высоконравственной личностью. Я ругался умеренно. Играл в азартные игры не чаще семи раз в неделю. Ходил в нехорошие места только по четвергам, раз в четверть часа. Было три или даже четыре случая, что я воз-

вратил занятые деньги. Жизнь моя протекала в разумных границах. А что теперь?

Б а р д о л ь ф. Как было не выйти из границ при такой толщине, сэр Джон? Очертанья стерлись.

Ф а л ь с т а ф. Наведи порядок у себя на роже, а потом учи меня, как мне жить. Ты наш адмирал, у тебя флагманский фонарь на носу. Ты у нас рыцарь ордена ламповщиков.

Б а р д о л ь ф. Заладили вы одно, сэр Джон. Мое лицо не сделало вам ничего дурного.

Ф а л ь с т а ф. Нет, конечно. Напротив. Я пользуюсь им как черепом или напоминанием о смерти, с назидательной целью. Чуть я посмотрю на тебя, как задумаюсь о преисподней и вспомню богатого в притче, одевавшегося в пурпур и потом горевшего в пламени. Если бы в тебе был хоть проблеск добродетели, я бы клялся твоим лицом. “Клянусь этим пламенным мечом обращающимся”, — говорил бы я. Но ты существо пропащее, и, не считая небольшого освещенного участка на твоём лице, весь ты, конечно, сын кромешной тьмы. Если в ночь нашего налета, когда ты бежал за моей лошастью, я не принял тебя за блуждающий огонек или шаровую молнию, можешь сказать, что я не люблю денег. Ты — наше вечное празднество с кострами и фейерверками и сберег мне по крайней мере, семьсот фунтов стерлингов на факелах, когда по ночам мы перекочевывали с тобою из кабака в кабак. Впрочем, на хрес, выпитый тобою по этому случаю, я мог бы построить лучший свечной завод в Европе. Да, двад-

цать три года, видит бог, поддерживаю я огонь в этой саламандре.

Б а р д о л ь ф. Далась вам моя наружность, подавитесь вы ею!

Ф а л ь с т а ф. Сохрани бог, я бы умер от изжоги.

Входит трактирщица.

А, почтение нашей курочке! Ну что, выяснили вы, кто очистил мои карманы?

Т р а к т и р щ и ц а. Опомнитесь, сэр Джон! Стану я держать воров у себя в доме! Слыханное ли дело? Я и мой муж обыскали всех поголовно до последнего мальчика, до последней служанки. Волоска до сих пор не пропадало у меня в доме.

Ф а л ь с т а ф. Неправда. Бардольф недавно брился тут и потерял много волосков. Но ведь карманы-то у меня вывернули в вашем доме! Нечего корчить святую. Я вас знаю хорошо. Одно слово — женщина.

Т р а к т и р щ и ц а. Кто? Я? Нет! Как вы смеете? Боже правый! Еще никто не обзывал меня так в моем собственном доме.

Ф а л ь с т а ф. Оставьте. Я вас отлично знаю.

Т р а к т и р щ и ц а. Нет, сэр Джон, вы меня не знаете. А вот я вас знаю хорошо, сэр Джон. Вы мне должны, сэр Джон, и вы умышленно хотите поссориться со мной, чтобы не платить. Я вам купила дюжину рубашек.

Фальстаф. Из гнилой реднины для мешков! Я их отдал в булочную на мучные сита.

Трактирщица. Вот и неправда. Рубашки голландского полотна по восемь шиллингов за ярд, чтоб мне живой с места не сойти. А кроме того, вы перебрали займы, наели в кредит и пропустили отдельными порциями на двадцать четыре фунта.

Фальстаф (указывая на Бардольфа). Он тоже прикладывался. Пусть платит.

Трактирщица. Что вы, сэр Джон! Такой бедняк? Что с него возьмешь!

Фальстаф. С таким монетным двором на лице? Что называть после этого богатством? Надо чеканить золотые из его носа, из его щек. Я ничего не заплачу. Что я, новоприезжий? Уж и соснуть нельзя у себя в гостинице, чтобы тебя не обобрали? У меня пропало дедовское кольцо с печаткой ценной в сорок марок.

Трактирщица. Господи, какой обман! Сколько раз при мне принц говорил, что оно медное.

Фальстаф. Твой принц — губошлеп и простофиля. Будь он тут, я бы избил его за такие слова, как собаку.

Входят, маршируя по-военному, в легком вооружении, **принц** и **Пойнс**. Фальстаф встречает их, проложив к губам трость, как флейту.

Ну, как, дружок? Ветер дует действительно в эту сторону? Нам всем придется двинуться?

Бардольф. Да, по двое, в ногу, как в Ньюгэтскую тюрьму.

Т р а к т и р щ и ц а. Милорд, послушайте...

П р и н ц. Что скажешь, мистрис Куикли? Как поживает твой муж? Он мне нравится. Он хороший человек.

Т р а к т и р щ и ц а. Добрый милорд, послушайте...

Ф а л ь с т а ф. Плюнь на нее. Лучше послушай меня.

П р и н ц. Да, Джек.

Ф а л ь с т а ф. В последний раз, когда я заснул тут за занавеской, у меня опорожнили карманы. Это воровской притон. Тут обирают.

П р и н ц. Что у тебя пропало, Джек?

Ф а л ь с т а ф. Ты не поверишь, Гарри. Три или четыре сорокафунтовых билета и дедовский перстень с печатью.

П р и н ц. Ах, этот пенсов на восемь, неважный?

Т р а к т и р щ и ц а. Ага, вы слышите? Милорд, так и я ему сказала. Я говорю, принц тоже так думает. А он ругает вас на чем свет стоит и говорит: "Я, — говорит, — отколочу его".

П р и н ц. Как? Я, наверное, ослышался?

Т р а к т и р щ и ц а. Если я вру, то нет во мне ни правды, ни совести, ни женской чести.

Ф а л ь с т а ф. Их и нет в тебе. Правды в тебе, что в вареном черносливе, а совести не больше, чем в лисице, выкуреной из норы. Что же касается женской чести, то чего бы то ни было женского в тебе столько же, как в полицейском надзирателе. Пошла отсюда, тварь ты этакая, пошла!

Т р а к т и р щ и ц а. Какая такая тварь? А? Моментально отвечай, какая?

Ф а л ь с т а ф. Такая, что не приведи бог, вот такая.

Т р а к т и р щ и ц а. Неправда, не такая я, что не приведи бог, а я порядочная женщина в законном браке. А вот ты, хоть ты и рыцарь и дворянин, а ты подлец, если говоришь так обо мне!

Ф а л ь с т а ф. А ты, хотя ты и трактирщица, а животное, если все время споришь со мной.

Т р а к т и р щ и ц а. Какое такое животное? А? Моментально отвечай, какое животное?

Ф а л ь с т а ф. Какое животное? Выдра — вот какое.

П р и н ц. Твоя правда, хозяйка. Он тебя поносит ни за что ни про что.

Т р а к т и р щ и ц а. Так же как и вас, милорд. Он говорит, что вы задолжали ему тысячу.

П р и н ц. Как, я должен тебе тысячу, каналья?

Ф а л ь с т а ф. Какую тысячу, Гарри, — миллион! Твоя любовь стоит больше миллиона, а ты должен любить меня.

Т р а к т и р щ и ц а. Он назвал вас губошлепом и простофилей и сказал, что прибьет вас.

Ф а л ь с т а ф. Говорил я это, Бардольф?

Б а р д о л ь ф. Конечно, говорили, сэр Джон.

Ф а л ь с т а ф. Ну да, в том случае, если бы принц стал утверждать, что кольцо медное.

П р и н ц. Я и говорю, что оно медное. Где же твои угрозы?

Ф а л ь с т а ф. По отношению к тебе в качестве человека я бы их привел в исполнение, ты знаешь сам. Но в качестве принца я тебя боюсь, как рычання молодого львенка.

П р и н ц. А почему не льва?

Ф а л ь с т а ф. Как льва я должен бояться его величества. Неужели ты воображаешь, что я устрасусь тебя, как твоего отца? Пусть лопнет у меня пояс, если я поставлю вас рядом.

П р и н ц. Могу себе представить, как свалится тогда твое пузо тебе на колени! Однако что ты за скотина! В тебе нет ни крошечки благородства. Все занято желудком и кишками. Обвинить честную женщину в том, что она лазила к тебе в карманы! А что в них было, сукин ты сын, бессовестный, ото-жравшийся боров, кроме трактирных счетов, записок из притонов да жалкого грошового леденца против одышки? Или, может быть, я вру? Но ты, конечно, будешь стоять на своем и не признаешься. И не стыдно тебе?

Ф а л ь с т а ф. Слушай, Гарри. Адам пал в царстве невинности. Что же делать бедному Джеку Фальстафу в наше испорченное время? Ты видишь, на мне больше мяса, чем на других, больше, значит, и искушений. Итак, ты признаешься в карманной краже?

П р и н ц. Выходит, что так.

Ф а л ь с т а ф. Трактирщица, я прощаю тебя. Поди приготовь завтрак. Люби мужа, присматривай за слугами, почитай гостей. Ты видишь, я поддаюсь доводам, когда надо. Мир восстановлен. Как, ты все еще здесь? Нет, ступай, ступай, пожалуйста!

Т р а к т и р щ и ц а уходит.

Ну, Гарри, что слышно при дворе? Как там отнеслись к нашему грабежу?

П р и н ц. Ах ты, тушенная говядина, я всегда буду твоим ангелом-хранителем. Деньги возвращены.

Ф а л ь с т а ф. Не люблю я этих возвращений. Двойная работа.

П р и н ц. Я помирился с отцом, и он предоставляет мне делать, что я пожелаю.

Ф а л ь с т а ф. Тогда знаешь что: опорожни государственную казну, а главное, так же безнаказанно.

Б а р д о л ь ф. Да, пожалуйста, милорд.

П р и н ц. Я достал тебе, Джек, место в пехоте.

Ф а л ь с т а ф. Лучше бы в коннице. Порекомендуй мне, пожалуйста, кого-нибудь, кто умеет красть, в адъютанты. Лет двадцати двух, молодого. А то кто будет пополнять в походе мои запасы? Хорошо хоть, что бог послал нам этих мятежников. Они никому не делают зла, кроме честных людей. Молодцы ребята, я их одобряю.

П р и н ц. Бардольф!

Б а р д о л ь ф. Что прикажете, милорд?

П р и н ц. Отнеси это письмо моему брату лорду Джону Ланкастерскому, а это — милорду Уэстморленду.

Б а р д о л ь ф уходит.

Ну, Пойнс, на коней, на коней. Нам нужно проехать с тобой тридцать миль еще сегодня до обеда.

П о й н с уходит.

Джек, приходи ко мне завтра в два часа в Темпл Холл.

Там все узнаешь и получишь должность
Вербовщика и деньги для солдат.
Страна в огне, и Перси манит власть,
И мне или ему придется пасть.

(Уходит.)

Ф а л ь с т а ф

Хозяйка, завтрак! Главную квартиру
Я сделал бы из этого трактира.

(Уходит.)

АКТ IV

Сцена 1

Лагерь мятежников близ Шрусбери.

Входят Готспер, Вустер и Дуглас.

Готспер

Вы правы, доблестный шотландец мой:
У нас считают лестью голос правды,
А то бы я про Дугласа сказал,
Что это имя всюду в обращение,
Как деньги признанного образца.
Мне лесть чужда, любезности противны,
Но, кроме вас, никто в моей душе
Еще не занимал так много места.
Я это вам на деле докажу.

Дуглас

Вы — воплощение чести. Нет на свете
Противника, пред кем бы я сробел.

Готспер

Благодарю.

Входит гонец с письмами.

Откуда эти письма?

Готспер, Вустер и Дуглас. Рис. Дж. Джильберта

Г о н е ц

От вашего отца.

Г о т с п е р

Но почему
Он письма пишет, а не приезжает?

Г о н е ц

Он отложил отъезд. Он заболел.

Г о т с п е р

Нашел когда болеть он, в самом деле.
А кто сюда ведет его войска?

Г о н е ц

Не знаю. Он об этом, верно, пишет.

В у с т е р

Скажи, так он в постели?

Г о н е ц

Да, он слег
За день иль два до моего отъезда
И очень плох был, по словам врачей.

В у с т е р

Хотел бы я, чтоб вылечилось время,
Пока нехстати он лежит больной.
Мы никогда им так не дорожили.

Г о т с п е р

Свалиться! Слечь! Теперь! Тогда, когда
Его болезнь для нас зарез и гибель!
Он пишет мне, что внутренний недуг, —
Сейчас, где это место? —

Он мне пишет,
Что он не мог предупредить друзей,
А тайны доверять гонцам боялся.
Но нам, ничтожной горсточке бойцов,
Советует он действовать смелее,
Чтоб на примере нашем испытать,
Насколько нам благоприятно счастье.
Он пишет, что, наверное, король
Осведомлен и медлить невозможно.
Что думаете вы на этот счет?

В у с т е р

Мы без него параличом разбиты.

Готспер

Да, правда, словно руки отнялись.
А впрочем, знаете? Неявка графа,
Я думаю, не столь большое зло.
Мы полагали сразу бросить в дело
Все армии, какие есть у нас,
И всю игру решить одним ударом.
Не дикостью ли было доверять
Такую ставку милости минуты?
Без боевых резервов про запас
Мы б не могли поправить неудачи.

Дуглас

Есть где опять собраться, если б черт
Подставил ногу нам при первом шаге.

Вустер

А все же лучше б твой отец был здесь.
Дела у нас не терпят разделенья.
Подумают, что это неспроста
Он мешкает. Что он не одобряет
Восстанья нашего. Что здравый смысл
И верность долгу удержали графа.
Как это оттолкнет от нас друзей!
Мы напролом идем. Не время людям
Задумываться. В наши тайники

Для рассуждений доступы закрыты,
А неприбытие твоего отца
Приоткрывает уголок завесы.
Не посвященные вообразят,
Что нет у нас уверенности в деле.

Готспер

Ну, выхватили слишком далеко.
Мы на его отсутствии сыграем.
Ведь если без него нас не страшит
Спор с целою страной, то, скажут,
с графом
Мы все перевернули бы вверх дном.
Нет, все пока отлично, все в порядке.

Дуглас

Да, все, как мы не смели и мечтать,
А слова “страх” в Шотландии не знают.

Входит
сэр Ричард Вернон.

Готспер

А, милый Вернон, очень рад тебе!

В е р н о н

Порадуют ли вас мои известья?
Граф Уэстморленд и с ним принц Джон ведут
Сюда к нам семитысячное войско.

Г о т с п е р

Ну, что ж, пускай. Что дальше?

В е р н о н

Дальше то,
Что и король сформировал свой корпус
И быстро приближается сюда.

Г о т с п е р

Что ж, пусть и он. А где его потомство,
Принц Уэльский непоседа сын его,
Который удалился к забулдыгам
И прах мирской отряс от ног своих?

В е р н о н

Он вместе с ними. Я их видел в поле
В роскошных шлемах, в пышном блеске лат.
Слетаясь вместе, как орлы с купанья,
Они сверкали золотом кольчуг,
Как воинство небес в иконостасах,

И были молоды, как месяц май,
И горячи, как середина лета.
Они резвились в преизбытке сил,
Как юные бычки или козлята.
На принце шлем, он весь закован в сталь.
Я любовался грацией, с которой
Он взвился над землей, вскочил в седло
И начал горячить и пятить лошадь
И ставить на дыбы, как некий бог,
Который верховой ездой увлекся.

Г о т с п е р

Оставь. Ты хочешь, чтоб от слов твоих
Меня залихорадило, как в марте?
Они в пути? Тем лучше. Все они —
Обречены, как жертвы, на закланье.
Мы принесем их в дар богине битв
И бросим Марсу на алтарь их трупы.
Я весь горю. Мне ждать их невтерпеж:
Добыча близко, а еще не наша.
Коня сюда! Меня он понесет
Навстречу принцу Уэльскому стрелою.
Сшибемся, Гарри с Гарри, конь с конем,
И с поля в сторону не повернем,
Пока один из нас не рухнет наземь.
О, был бы Глендаур тут!

В е р н о н

Как раз о нем
Я слышал мимоходом в графстве Вустер.
Не скоро, видно, он сберет войска.

Д у г л а с

Вот самая нерадостная новость.

В у с т е р

Мороз по коже от нее дерет.

Г о т с п е р

Народу много в королевском войске?

В е р н о н

Да тысяч тридцать.

Г о т с п е р

Хоть до сорока.
Хоть с нами нет Глендаура и отца,
Мы сильны тем, что бьются в лад сердца.
Протрубим сбор, построимся спокойно,
А надо умереть — умрем достойно.

Д у г л а с

Про смерть ни слова раньше похорон.
Я на год от нее заговорен.

Уходят.

Сцена 2

Большая дорога в Ковентри.

За сценой барабаны и флейты. Входят Ф а л ь с т а ф и Б а р д о л ь ф
в неполном вооружении.

Ф а л ь с т а ф. Бардольф, сходи-ка в Ковентри. Достань
мне бутылку хереса. Мы с солдатами обойдем город кругом.
Нам надо попасть к ночи в Сеттон-Колдфилд.

Б а р д о л ь ф. А деньги, капитан?

Ф а л ь с т а ф. Потрать пока свои. Скажи лейтенанту Пе-
то, чтобы он вышел ко мне навстречу к городским воротам.

Б а р д о л ь ф. Слушаю, капитан. (*Уходит.*)

Ф а л ь с т а ф (*показывая рукою вдаль и смеясь*). Я согла-
сен называться селедкой в уксусе, если я сам не провалива-
юсь от стыда при виде своих солдат. Я сумел извлечь черт
знает какую пользу из своего офицерского патента. Вместо
полутораста солдат, которых я должен был набербовать, я
набрал триста фунтов стерлингов. Указ о рекрутском наборе
я предъявлял только сыновьям богатых хуторян, любящим
молодоженам и незакаленным неженкам, которые чураются
барабанной дроби, как черта, и от треска мушкета падают
замертво, как стреляные утки. Я обращался только к этой

тщедушной породе, и, разумеется, все они откупились. Вместо них теперь моя рота со всеми прапорщиками, капралами и лейтенантами представляет сборище оборванцев вроде Лазаря на картине, где псы богача лижут его струпья. Они никогда не были солдатами. Это слуги без места с волчьими билетами, безнаследные представители младших ветвей в роду, беглые трактирные слуги, прогоревшие трактирщики и прочие отребья мирного времени, более потрепанные, чем старое полковое знамя. Можно подумать, будто это вернулись сто пятьдесят блудных сыновей, которые только еще вчера пасли свиней и питались объедками с помойки. По дороге нам встретился какой-то помешанный и спросил, с каких это виселиц посшибал я столько мертвецов? Свет не видел таких пугал. Сохрани бог показаться с ними в Ковентри, надо будет, ясное дело, обойти его кругом. Кроме того, они не умеют маршировать и так расставляют ноги, как будто на них колодки. Впрочем, действительно, большинство из них набрано по тюрьмам. Белья у меня на всю роту полторы рубашки, и то, что я называл половиной рубашки, это, собственно говоря, пара салфеток, которые сшиты вместе на живую нитку и накидываются на плечи, как безрукавка герольда. Что же касается целой рубашки, то теперь я не помню, стащили ли ее на постоялом дворе в Сент-Олбани или у красноногого кабатчика в Дентри. Ну, да все равно. Белья сколько угодно на каждом заборе.

Входят принц Генрих и Уэстморленд.

П р и н ц. А, Джек — надувайся-не-лопни! Как дела, го-
ра-на-пуху?

Ф а л ь с т а ф. Боже мой, Гарри! Откуда ты, полоумный?
Какой черт носит тебя по Йоркширу? Простите, милорд Уэс-
тморленд, я вас не заметил. Я думал, ваше сиятельство давно
в Шрусбери.

У э с т м о р л е н д. Совершенно справедливо, сэр Джон.
Нам давно пора туда, мне и вам. Но моя армия уже пришла
туда. Король, имейте в виду, нуждается в нас всех. До утра
нам придется шагать, не смыкая глаз.

Ф а л ь с т а ф. Во мне не сомневайтесь. Я могу не спать,
как кошка, если есть где слизнуть сливки.

П р и н ц. Именно слизнуть сливки. От их слизыванья ты
весь и сбился в ком сливочного масла. Однако скажи, из чьей
части эта рвань, которая плетется сзади?

Ф а л ь с т а ф. Из моей, Гарри, из моей.

П р и н ц. Я никогда не видал более плачевного сброда.

Ф а л ь с т а ф. Тише, не кричи. Обыкновенная мишень
для копий. Пушечное мясо, пушечное мясо. Могилу они на-
полнят не хуже других. Полно, милый. Люди как люди,
смертные, дорогой мой, смертные.

У э с т м о р л е н д. Да, но, сэр Джон, отчего у них такой
худой и несчастный вид? Это — голь перекатная.

Ф а л ь с т а ф. Что касается бедности, я не знаю, где они
ее подхватили. А что касается худобы, они ею заразились не
от меня.

П р и н ц. Это во всяком случае, если жир в три пальца толщиной не считать худобою. Но черт побери, поторапливайся! Перси начал расстановку войска.

Ф а л ь с т а ф. Разве король стоит уже лагерем?

У э с т м о р л е н д. Да, сэр Джон, как бы нам не опоздать.

Принц Генрих и Уэстморленд уходят.

Ф а л ь с т а ф

Спеши на вечер стоящий, на праздничный обед
А в шум и гам побоища лететь причины нет.

(Уходит.)

Барабаны и флейты за сценой, как вначале.

Сцена 3

Лагерь мятежников близ Шрусбери.

Входят Готспер, Вустер, Дуглас, Вернон, офицеры
и солдаты со знаменами.

Г о т с п е р

Сразимся с ними ночью.

В у с т е р

Не спеши.

Д у г л а с

Им на руку отсрочка.

В е р н о н

Не согласен.

Г о т с п е р

Они ждут подкреплений.

В е р н о н

Как и мы.

Г о т с п е р

Но их расчеты тверды, наши — шатки.

В у с т е р

Послушайся, мой друг, повремени.

В е р н о н

Сегодня не завязывайте боя.

Д у г л а с

Дурной совет. Он робостью внушен.

В е р н о н

Не говорите так со мною, Дуглас.
Когда мне честь действительно велит
Оставить без вниманья осторожность,
Я тоже забываю всякий страх,
Как вы, милорд, и лучший из шотландцев.
И мы посмотрим в завтрашнем бою,
Кто робок.

Д у г л а с

Нет, в сегодняшнем.

В е р н о н

Согласен.

Г о т с п е р

В сегодняшнем.

В е р н о н

Ума не приложу,
Неужто вы, такие полководцы,
Не видите, что надо подождать?
Еще не прибыл брат мой с конной группой,
Вустер только что привел свою.
Насилу дышат лошади и люди.

Усердья требовать от них нельзя:
Отряд чуть жив и спит наполовину.

П е р с и

В таком же виде конница врага.
Но там устали все от перехода,
А кое-кто из наших отдохнул.

В у с т е р

Они числом сильнее. Ради бога
Не выступай, пока не стянем сил.

Труба возвещает прибытие парламентаря.

Входит сэр Уолтер Блент в сопровождении двух офицеров
и солдата с белым флагом.

Б л е н т

Я послан, если вам угодно слушать,
К вам с предложениями от короля.

Г о т с п е р

Сэр Уолтер Блент, мы вам сердечно рады.
Прискорбно только то, что вы не наш.
Вы пользуетесь общею любовью,
Но даже ваши лучшие друзья

Досадуют, что вы чужого толка
И мы стоим пред вами, как враги.

Б л е н т

Не дай мне бог смотреть на вас иначе,
Пока вы преступаете закон
И спорите с помазанником божьим.
Итак, король послал меня узнать,
Чем недовольны вы, что вы расторгли
Гражданский мир и подали стране
Пример разнузданности и бесчинства?
Он заявляет: если чем-нибудь
Он недооценил заслуги ваши, —
А он их ставит очень высоко, —
Он просит вас назвать свои желанья.
Он их мгновенно удовлетворит
И обещает полное прощенье
Кружку зачинщиков и остальным.

Г о т с п е р

Король так добр! Он знает срок посулам
И исполненью обещаний срок.
Он это доказал отцу и дяде.
Свой сан он получил из наших рук.
В те дни он был еще юнцом безусым.
Забытый, одинокий, он бежал

На родину из ссылки за границу.
 Отец мой ждал его на берегу
 И встретил беглеца со всем радушьем.
 Когда ж он от него узнал, что тот
 Приехал только за своим наследством,
 За герцогством Ланкастерским, когда
 Услышал клятвы и увидел слезы,
 Отец поверил и пообещал
 Ему поддержку, что он и исполнил.
 Едва дошло до знати и вельмож,
 Что граф Нортумберленд — его сторонник,
 К нему стекаться стали стар и мал.
 Наперебой устраивали встречи
 В полях, поместьях, селах, городах,
 Стояли на мостах и на дорогах.
 Шли на поклон, несли ему дары,
 Тянулись бесконечной вереницей
 И отдавали сыновей в пажи.
 Тогда, уверившись в любви народа,
 Он стал без страха отступать от клятв,
 Отцу когда-то данных в дни гонений
 На голом Ревенспергском берегу.
 Он брался преобразовать законы,
 Стеснительные для простых людей,
 Он говорил про злоупотребленья
 И плакал над невзгодами страны.
 Игрою и притворством он добился,

Чего хотел. Он покорил сердца
И сделал дальше шаг: он предал казни
Людей Ричарда, всех, кому Ричард
Доверил внутреннее управление,
Пока в Ирландии он воевал.

Б л е н т

Я здесь не для того, чтоб это слушать.

Г о т с п е р

Дойдем до главного. Он низложил
Несчастливого, а там лишил и жизни,
Большим налогом обложил весь край
И в довершение зла теперь отрекся
От графа Мортимера. Мортимер
Имеет больше прав быть государем,
А он дает страдальцу гнить в плену
И в этом деле умывает руки.
Он обращается со мной не так,
Как с победителем, и шлет шпионов,
Чтобы меня запутать и сгубить.
Он дядю с бранью выгнал из совета
И приказал отцу покинуть двор.
Все время нарушая обещанья,
Он так нам постоянно досаждал,
Что нас теперь заставил взбунтоваться.

Нет, царствование его ничем
Возложенных надежд не оправдало!

Б л е н т

Все так и повторить мне королю?

Г о т с п е р

Нет, что вы, Блент! Ответ без вас обсудим.
Покамест возвращайтесь к королю.
Пусть обеспечит неприкосновенность
Парламентерам нашим, а ответ
Мой дядя вам доставит завтра утром.

Б л е н т

Как мне бы вас хотелось помирить!

Г о т с п е р

Быть может, тем и кончим.

Б л е н т

Дай-то боже.

Трубы и барабаны.

Все расходятся: Б л е н т со своими — в одну сторону,
Г о т с п е р — в другую.

Сцена 4

Йорк. Комната в архиепископском дворце.

Входят архиепископ и сэр Майкл.

А р х и е п и с к о п

Спешите. Вот лорд-маршалу письмо,
А это брату Скрупу, милый Майкл.
На остальных прочтете адреса.
Когда бы знали вы, как это важно!
Поторопитесь.

С э р М а й к л

Я, милорд, легко
Угадываю важность содержания.

А р х и е п и с к о п

Да, угадать нетрудно. Завтра — бой,
Который многим будет пробным камнем.
Под Шрусбери, как мне передают,
Король, командующий сильным войском,
Сойдется с лордом Перси. Я боюсь,
У Перси недостаточные силы.
Во-первых, заболел Нортумберленд,
Отсутствие которого с войсками —
Ущерб невозместимый. Во-вторых,

Подвел и Глендаур, обещавший помощь.
Он не явился, видимо боясь
Каких-то скверных предзнаменований.

С э р М а й к л

Все будет хорошо. Там Мортимер
И Дуглас.

А р х и е п и с к о п

Мортимера нет.

С э р М а й к л

Ну что же.

Зато там Вернон, Вустер и отбор
Прославленного рыцарства и знати.

А р х и е п и с к о п

Но и король собрал весь цвет страны.
С ним Джон Ланкастерский, и принц Уэльский,
И славный Уэстморленд, и храбрый Блент,
И лучшие герои с именами,
А также люди с опытом в войне.

С э р М а й к л

Их наши отразят, не сомневайтесь.

А р х и е п и с к о п

Хочу, по крайней мере, уповать.
Однако не вредна и осторожность.
И чтобы худшее предотвратить,
Я принимаю меры. Если Перси
Постигнет неудача, то король,
Узнавши про мою причастность к бунту,
Из Шрусбери направится сюда.
Мне надо вовремя вооружиться.
Все это в письмах. Развезите их.
Я новые пойду писать. Прощайте.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Лагерь короля под Шрусбери.

Входят король Генрих, принц Генрих, принц
Джон Ланкастерский, сэр Уолтер Блент
и сэр Джон Фальстаф.

Король

Кровавый отблеск пасмурной зари
Лег на холмы. Рассвет, как от предчувствий,
Нерадостен.

Принц

А ветер, как трубач,
Предвозвещает бушеваньем леса
Большую бурю и тоскливый день.

Король

Он веет побежденным. Победитель
Не знает ни предчувствий, ни тоски.

Труба в знак прихода парламентера.

Входят Вустер, Вернон и офицер с белым флагом.

А, это вы? Нехорошо, лорд Вустер,
Что мы встречаемся таким путем.
Мы верили вам. Вы нас обманули,
Заставили нас снять просторный плащ
И старческое тело втиснуть в латы.
Нехорошо, милорд, нехорошо.
Послушайте, скажите откровенно,
Согласны ль вы немедленно прервать
Свои военные приготовления
И возвратиться в свой законный круг,
Как мирная звезда в свою орбиту,
А не пугать, как грозный метеор,
Недобрыми предвестьями потомство?

В у с т е р

Мой государь, отвечу за себя.
Свой век я с удовольствием бы дожил
В покое и тиши. Я не искал
Разрыва этого.

К о р о л ь

Вы не искали?
А как же он тогда произошел?

Ф а л ь с т а ф. Он его не искал. Мятеж подвернулся ему под ноги, он нагнулся и подобрал его.

П р и н ц.

Замолчи, сорока!

В у с т е р

Вы сами отвернулись, государь,
Он нашего семейства, а когда-то
Имели в нас испытанных друзей.
Я ради вас во времена Ричарда
Оставил службу и сломал свой жезл.
Чтоб вам поцеловать при встрече руку,
Без отдыха я мчался день и ночь,
Хотя был выше вас по положенью.
Ведь это я, племянник мой и брат
Доставили домой вас под охраной.
Вы нам клялись в Ланкастере, что вы
Не домогаетесь верховной власти,
Но требуете только для себя
Оставшегося после смерти Гонта
Ланкастерского герцогства, чему
Мы обещали клятвенно поддержку.
Как вдруг на вас нахлынул град удач.
Все стало складываться в вашу пользу.
Король отсутствовал. За вас горой

Стояли мы. Подготовлялась смута.
Вас окружал высокий ореол
Невинной жертвы, а противный ветер
Держал так долго в море короля,
Что в Англии его сочли умершим.
Вы улучили время. Круг друзей
Вам предложил венец. Вы согласились,
Поправ ногами данный нам обет.
Для дома нашего вы оказались
Кукушкою в гнезде у воробья
И на хлебах у нас достигли скоро
Такой чудовищной величины,
Что к вам опасно стало приближаться
Из страха быть проглоченным. Побег
Подальше с ваших глаз, самозащита —
Вот все, что оставалось нам в ответ.
Вы сами дали в руки нам оружие
Не благодарностью, забвеньем клятв
И вашим нелюбезным обращеньем.

К о р о л ь

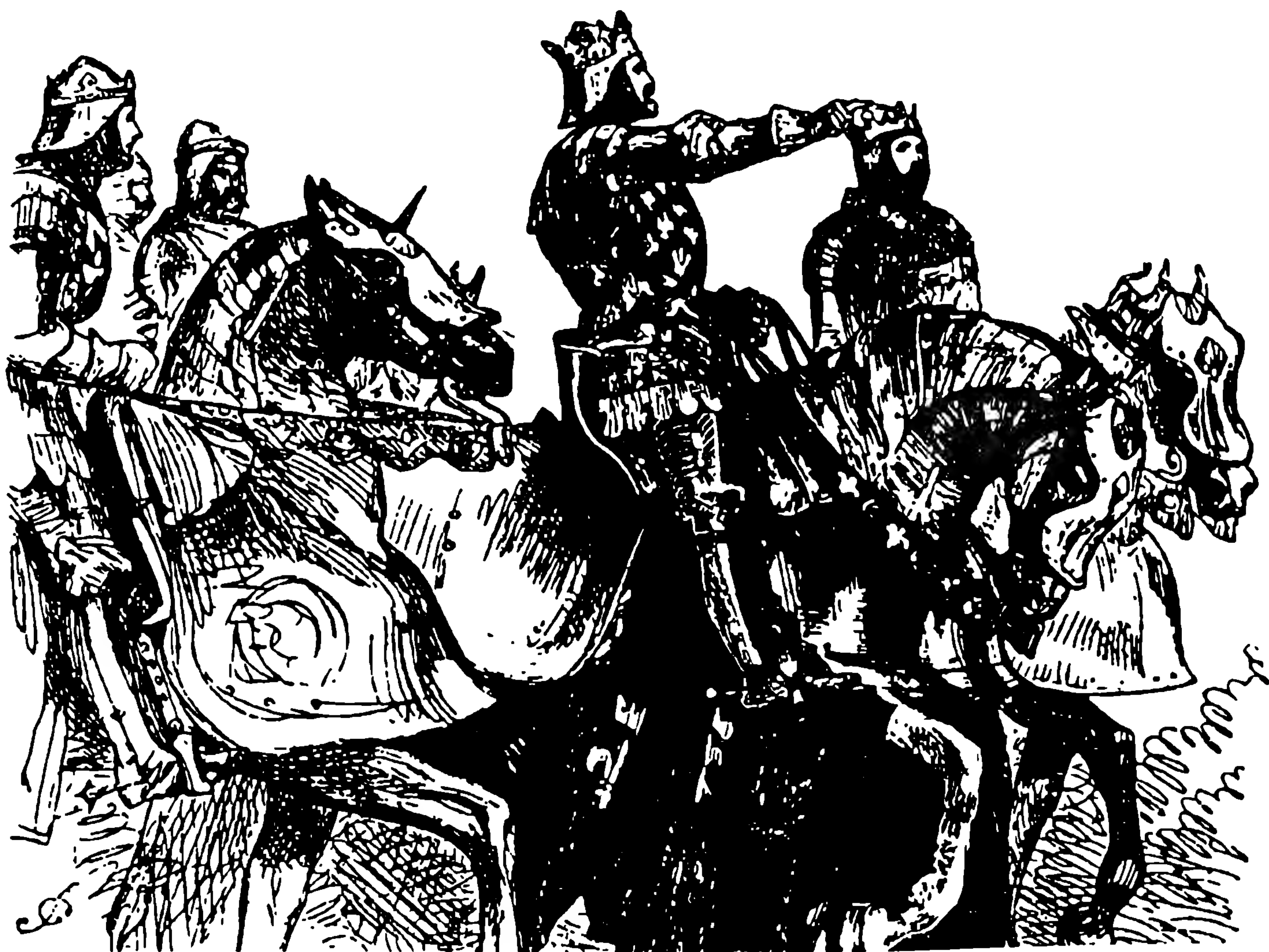
И вы поторопились раззвонить
По ярмаркам все это и с амвонов,
Чтоб бунт облечь подобьем правоты
В глазах любителей переворотов,
Которые их вечно ждут толпой,
Друг друга в бок подталкивая локтем?

Для мятежей ведь недостатка нет
Ни в полчищах бродяг, ни в побужденьях.

П р и н ц

В обеих станах дорого заплатят
За эту распрю, если будет бой.
Пожалуйста, племяннику скажите:
Принц Уэльский так же, как и целый свет,

Король Генрих IV и войско. Рис. Дж.Джилберта

Поклонник Гарри Перси. Исключая
Его участия в этом мятеже,
Он подлинное украшение века
По беззаветной смелости, огню,
Возвышенности чувств и благородству.
Сознаться должен, к своему стыду,
Я к рыцарским делам был равнодушен, —
Мне это Перси ставит сам в укор.
И тем не менее я объявляю
Пред повелителем моим, отцом:
Ввиду такого превосходства Перси
Легко мне бескорыстно предложить,
Чтоб избежать кровопролития в войске,
Решить весь спор единоборством с ним.

К о р о л ь

(поднимаясь)

На это мы тебя благословляем,
Невыгодам несчетным вопреки.
Нет, милый Вустер, свой народ мы любим.
Мы любим даже сбившихся с пути
И перешедших к вам и предлагаем:
Давайте вы, племянник ваш и я,
И все, кто с вами, будем вновь друзьями.
Скажите это Перси и затем
Уведомьте нас о его решении.

Но знайте, если он неисправим,
Все строгости возмездья в нашей власти,
И мы их пустим в ход. Счастливый путь.
Нет, ничего пока не отвечайте.
Вам руку протянули не шутя.
Подумайте. Ответите спустя.

Вустер, Вернон и офицер с белым флагом
уходят.

П р и н ц

Они не примут ваших предложений.
Для Дугласа и Готспера весь мир —
Лишь повод, чтобы обнажать оружие.

К о р о л ь

Тем хуже. Полководцы, по местам!
На их отказ ответим мы атакой.
Мы боремся за правду. С нами бог.

Король Генрих, принц Джон Ланкастерский,
офицеры и солдаты уходят.

Ф а л ь с т а ф (*останавливая принца*). Гарри, если ты меня увидишь на земле, заслони собою мое тело. Это — долг дружбы.

П р и н ц. Для этого требуется великан. Молись и будь здоров.

Ф а л ь с т а ф. Ах, как хорошо было бы, если бы все было спокойно и можно было бы лечь спать!

П р и н ц. Долг каждого — отдать когда-нибудь богу душу.
(Уходит.)

Ф а л ь с т а ф. Но срок платежа еще не наступил! Куда мне спешить, если он не торопит? Хорошо, мне скажут, это, мол, дело чести, честь подзадоривает меня? Ну, а если на этом задоре я сломаю себе шею? Может ли честь приставить новую ногу? Нет. А руку? Не может. А ушивать рану? Тоже нет. Значит, честь не хирург? Нет. Что же она такое? Слово. Что в нем содержится? Воздух. Подумаешь, какой клад! Для кого она предназначается? В четверг ее удостаивается тот, кто умер ради нее в среду. Чувствует ли он ее? Нет. Слышит ли ее? Нет. Но, может быть, она предназначена для живых? Нет, тоже нет. Почему? Злословье сотрет ее в порошок. Ну так не хочу я ее. Честь — это род надгробной надписи. Вот мое ученье.

(Уходит.)

Сцена 2

Лагерь мятежников.

Входят В у с т е р и В е р н о н.

В у с т е р

Нет, Вернон, нет, не должен знать племянник
О мирных предложениях короля.

В е р н о н

Нет, рассказать о них необходимо.

В у с т е р

Тогда нам всем конец. Не может быть,
Немыслимо, чтоб он остался верен
Своим теперешним словам любви.
Король нам больше не вернет доверья.
Он нам всегда припомнит этот бунт
Не под одним, так под другим предлогом.
За нами будут вечно наблюдать.
Изменнику не верят, как лисице.
Как ни корми ее, как ни учи,
Задатки хищницы должны сказаться.
Теперь что хочешь, смейся мы иль плачь,
Нас все равно перетолкуют дурно.
Чем будет нам привольней и сытней,
Тем ближе к смерти, как скоту на бойне.
Племянника, быть может и простят.
Его оправдывает пылкость крови.
На то ему и прозвище дано
Души без удержу, Горячей Шпоры.
За Перси отдуваться будем мы,
Отец и дядя, мы-де подбивали,
Мы корень зла, нам двум и отвечать.

Вот отчего племяннику, считаю,
Не надо знать условий короля.

В е р н о н

Тогда придумывайте что хотите.
Я подтверждаю. Однако вот и он.

Входят Готспер и Дуглас, за ними офицеры и солдаты.

Г о т с п е р

Вернулся дядя. Можно Уэстморленда
Освободить. Что вы нам принесли?

В у с т е р

Король готов нам дать сейчас сражение.

Д у г л а с

Пусть даст от нас согласие Уэстморленд.

Г о т с п е р

Да, Дуглас, поручите это лорду.

Д у г л а с

С великим наслаждением передам.

(Уходит.)

В у с т е р

Король прощать нас вовсе не намерен.

Г о т с п е р

А вы просили? Боже упаси!

В у с т е р

Я упрекнул его в измене слову.
Он отрицает это и теперь
Отказ от клятвы подкрепляет клятвой.
Кричит: “Предатели, бунтовщики!”
И нас грозит мечом казнить за это.

Возвращается Д у г л а с.

Д у г л а с

К оружию, к оружию, господа!
Я королю отправил дерзкий вызов.
Его снесет заложник Уэстморленд.

В у с т е р

При всех, во всеуслышанье принц Уэльский
Тебя на поединок вызвал с ним.

Готспер

О, если бы в одних нас было дело
И жизнь не жертвовал никто!
Скажите, как держался он при этом?
Презрительно? Презрительно?

Вернон

О нет.

Не слышал в жизни вызова скромнее.
Так брата брат позвал бы фехтовать.
Он честно отдавал вам справедливость
И славословил так, как будто вас
Увековечивал, как летописец.
Но в чем он проявился до конца,
Так это в той стыдливости, с какою
Он горько с вами сравнивал себя,
Как строгий, осуждающий учитель
И как вину сознавший ученик.
И тут мой долг сказать пред целым светом,
Что если он останется в живых,
То будущее Англии ни разу
Не подавало нам таких надежд,
Напрасно подвергаясь искаженьям.

Готспер

Ну, вы влюбились, видимо, мой друг,
В его безумства. Никогда не слышал,
Чтоб кто-нибудь дурил, как этот принц.
Но кто б он ни был, я с такою силой
Сумею сжать его в своих руках,
Что только кости затрещат, поверьте.
К оружию, к оружию, господа!
Друзья мои, товарищи, солдаты,
Вы сами лучше знаете свой долг,
Чем это можно выразить словами,
Да красноречьем я и не блещу.

Входит гонец.

Гонец

Вот письма к вам, милорд.

Готспер

Читать не время.

Друзья мои, жизнь наша коротка.
Но даже будь она короче часа,
Она должна была бы надоесть,
Когда б мы тратили ее бесславно.
Мы в жизни не боялись королей
И будем умирать по-королевски.

Оружие у нас освящено
Сознанием нашей справедливой цели.

Входит второй гонец.

Второй гонец.
Пора, милорд. Король недалеко.

Готспер

Я рад, что он меня перебивает.
Смолкаю. Я не мастер говорить.

Пусть каждый совершит, что будет в силах.
Я вынул меч. Я обагрю его
Ценнейшей кровью, лучшею, какая
Пролиться может в нынешнем бою.
Трубите в трубы, бейте наступленье.
Подхватывайте: “Перси! Esperance!”
В последний раз обнимемся друг с другом,
Из нас иные больше никогда
Уже не будут обнимать друг друга.

Трубы

Все обнимаются и уходят.

Сцена 3

Поле битвы близ Шрусбери.

Единичные стычки. Вдали сигналы к наступлению. Сталкиваются
Дуглас и сэр Уолтер Блент, одетый королем.

Б л е н т

Кто ты, что попадаешься все время
Мне на глаза? Что привязался ты?

Д у г л а с

Я — Дуглас. Я ищу тебя в сражение,
Затем, что ты — король, как говорят.

Б л е н т

Ты не ошибся.

Д у г л а с

Только что за сходство
С тобой лорд Стеффорд жизнью заплатил.
Я принял за тебя его и кончил.
Сдавайся, так же будет и с тобой.
Погибни, если ты мне в плен не сдашься.

Б л е н т

Я сроду никому не уступал
И отомщу, заносчивый шотландец,
Тебе за Стеффорда.

Бьются. Б л е н т падает. Входит Г о т с п е р.

Г о т с п е р

Когда б при Гольмдоне ты так же дрался,
Я б ни за что тебя не одолел.

Д у г л а с

Мы победили. Выиграна битва.
Вон на земле зарубленный король.

Готспер

Где?

Дуглас

Вон.

Готспер

Вот этот, Дуглас? Ты ошибся.
Лицо я это знаю хорошо.
Убитый этот — Блент, отважный рыцарь,
В бою переодетый королем.

Дуглас

Ах, шут тебя возьми! Заемный титул
Купил ты слишком дорогой ценой.
Напрасно королем ты притворился.

Готспер

На поле битвы много подставных,
Одетых в королевские доспехи.

Дуглас

Весь этот королевский гардероб
Тогда я перебую поочередно,
Пока не доберусь до самого.

Готспер

Начало дня сулит нам торжество.

Уходят. Вдали крики идущих в атаку. Входит Фальстаф.

Фальстаф. Здесь тебе не Лондон, где я увиливаю от любого расчета, здесь орудуют без рассрочки, и все больше по голове. Однако тише, кто это? Сэр Уолтер Блент! Вы ушли с честью. Мирская суета больше не коснется вас. Но, черт возьми, я вспотел в панцире, как расплавленный свинец, и стал такой же тяжелый. Кстати сказать, пронеси господи свинец мимо меня! Я вполне удовлетворен тяжестью собственных кишок и не хочу добавочного веса. Бедные мои оборванцы! Я поставил их в самое пекло. Из ста пятидесяти уцелели только трое, но так искалечены, что теперь им весь век придется протягивать руку у городских ворот. Но кто это?

Входит принц Генрих.

Принц

Ты здесь без дела? Одолжи мне меч.
Вон стынут наши павшие. Их топчут
Подковы вражьей конницы. Они
Не отмщены. Дай мне свой меч на время.

Фальстаф. Гарри, лучше дай мне передохнуть. Турецкий султан Григорий не совершил на своем веку столько

славного, сколько я за один нынешний день. С Перси у меня все кончено. Он обезврежен.

П р и н ц. То есть ты хочешь сказать, он невредим. Он жив и разыскивает тебя, чтобы убить. Одолжи мне свой меч.

Ф а л ь с т а ф. Ну, если он жив, меч понадобится мне самому. Возьми, если хочешь, мой пистолет.

П р и н ц. Давай. Что это, он в чехле?

Ф а л ь с т а ф *(вынимает из чехла бутылку)*. Да. Смотри не обожгись. Он разогрелся от работы. Хересу в нем достаточно, чтобы похерить целый город.

П р и н ц. Время ли паясничать? *(Бросает бутылку в Фальстафа и уходит.)*

Ф а л ь с т а ф. Ладно. Да умрет Перси, если вздумает наткнуться на мой меч! Если же я буду так глуп, что сам на него полезу, пусть он накажет меня и сделает из меня котлету. Не люблю я шуток с этой честью, чтоб ее черт побрал, — вот чем они кончаются. Полюбуйтесь на мертвого сэра Уолтера. Как он оскалился! Нет, мне жизнь дороже. Если она совместима с честью, что ж, пожалуйста, я не возражаю. А если нет, то почетного конца все равно не избежать, незачем и беспокоиться.

Рожки горнистов.

Ф а л ь с т а ф убегает.

Сцена 4

Другая часть равнины. Клики нападающих. Отдельные стычки.

Входят король Генрих, принц Генрих,
принц Джон Ланкастерский и Уэстморленд.

Король

Ты весь в крови, уйди отсюда, Гарри.
Джон, уведи, пожалуйста, его.

Ланкастер

Я тоже не уйду, пока не ранен.

Принц

Скорей вернитесь к войску, государь.
Всех удивит исчезновение ваше.

Король

Ты прав. Сию минуту. Уэстморленд,
Прошу, в палатку принца отведите.

Уэстморленд

Я отведу вас, принц.

Принц

Кого? Меня?

Я в помощи покамест не нуждаюсь.

Не дай господь, чтоб принц Уэльский мог
С пустой царапиной покинуть поле,
Где цвет страны растоптан лошадьми
И торжествует знамя негодяев.

Л а н к а с т е р

Пора. Мы отдохнули, Уэстморленд.
Нас долг зовет. Скорее, ради бога.

Принц Джон Ланкастерский и Уэстморленд уходят.

П р и н ц

Ланкастер, как меня ты обманул!
Не думал я, что ты такой ретивый!
В тебе любил я брата до сих пор,
А с этих дней любить героя буду.

К о р о л ь

Я видел, как он Перси отражал.
Вот молодец! А ведь еще подросток!

П р и н ц

О, этот мальчик далеко пойдет!

Уходят.

Боевые клики. Входит Д у г л а с.

Д у г л а с

Еще один король! Они плодятся,
Как головы у гидры. Кто ты? Знай:
Я — Дуглас, смертоносный всем, носящим
Такие знаки. Кто ты, лжекороль?

К о р о л ь

Я истинный король. Мне жалко, Дуглас,
Что столько встретил ты моих теней,
А не меня. Моих два сына ищут
Тебя и Перси по полю. Я рад,
Что ты мне подвернулся так счастливо.
Давай сшибемся. Отбивай удар.

Д у г л а с

Боюсь, и ты окажешься подделкой,
Хотя ведешь себя ты, как король.
Но кто б ты ни был, ты — моя добыча.

Сражаются. Король в опасности. Возвращается п р и н ц Г е н р и х.

П р и н ц

Злодей шотландец, оглянись назад
Или погибнешь от удара в спину!
Меня шлют тени павших отомстить
За Блента, Шерли, Стеффорда и прочих.

Я принц Уэльский. Я грожу тебе.
Угрозу привожу я в исполнение.

Сражаются. Д у г л а с отступает и скрывается.

Милорд, как чувствуете вы себя?
Сэр Никлас Гоузи просит подкрепленья,
А я на помощь к Клифтону спешу.

К о р о л ь

Постой. Передохни. Моею жизнью
Ты дорожишь, как видно, не шутя?
Ты это доказал сейчас на деле.

П р и н ц

Вы разве сомневались? До чего
Меня оклеветали! Говорили,
Что будто бы я смерти вам желал.
Вы видели, какая это правда?
Тогда б я Дугласу не помешал,
Он устранил бы вас без всяких ядов
И сын подлец остался б без пятна.

К о р о л ь

Разъедемся: ты — к Клифтону, я — к Гоузи.

(Уходит.)

Входит Готспер.

Готспер

Ты — Гарри Монмут, если только я
Не ошибаюсь.

Гарри Монмут (принц Генрих). Средневековая миниатюра

П р и н ц

Я не отрицаю.

Готспер

Я — Гарри Перси.

П р и н ц

Значит, предо мной
Храбрейший из мятежников на свете.
Я — принц Уэльский. Больше, Перси, знай,
Нам не судьба делиться в жизни славой.
Двум звездам не ходить в одном кругу.
И Англии в одно и то же время
Моею и твоею не бывать.

Г о т с п е р

Не будет этого. Пора настала
Уйти кому-нибудь из нас двоих.
Мне жаль, что ты мне уступаешь в славе.

П р и н ц

Сегодня постараюсь наверстать
И срежу на венок себе все лавры,
Которые на шлеме ты взрастил.

Г о т с п е р

Твое бахвальство непереносимо.

Сражаются. Входит Ф а л ь с т а ф.

Ф а л ь с т а ф. Правильно, Гарри. Так его, так его! Тут
вам не детские игрушки, я говорил вам.

Возвращается Д у г л а с. Он завязывает схватку с Фальстафом, который падает, притворившись мертвым. Д у г л а с уходит. Готспер ранен и падает.

Г о т с п е р

Ты у меня взял молодость мою.
Мне легче перенести утрату жизни,
Чем то, что блеск мой перейдет к тебе.
Сознание этого мне ранит душу
Сильней, чем меч вонзился в плоть мою.
Но мыслью управляет жизнь, а жизнью
Играет время, время же со всем,
Что временно, должно остановиться.
О, как бы мог теперь я прорицать,
Когда б мне языка не тяжелила
Землистой ледяной рукою смерть!
Теперь ты, Перси, прах. Теперь ты пища...

(Умирает.)

П р и н ц

“Червей”, — хотел ты, видимо, сказать?
Прощай, храбрец, прощай, большое сердце!
Заносчивость — непрочный матерьял:
Она, как стираная ткань, садится.
Пока держалась в этом теле жизнь,
Ему, казалось, царства было мало,
И вдруг хватило двух аршин земли.

В стране, где ты сейчас лежишь без жизни,
Уже тебе нет равных средь живых.
Воспользовавшись тем, что ты не слышишь,
Пою тебе хвалы, а то б не стал.
Дай, я лицо тебе укрою шарфом.
Мне вдруг послышалось, вообрази,
Что ты меня благодаришь за это.
Уйди в лучах побед на небеса,
А горечь поражения скрой в могиле.
Его не вставят в надпись на плите.

(Замечает на земле Фальстафа.)

Как, старый друг! И эти телеса
Спасти крупицы жизни не сумели?
Прощай, покойся с миром, бедный Джек.
Есть люди много лучше, смерть которых
Я легче перенес бы, чем твою.
Ты оживлял мои часы веселья.
Мне жаль тебя, хвастун и пустомеля.
Средь множества сегодняшних потерь
Ты вымершее диво, редкий зверь.
Тебя мы вскроем, смажем благовоньем,
Набальзамируем и похороним.
Пока же рядом с Готспером лежи.

(Уходит.)

Трубы и барабаны.

Ф а л ь с т а ф (*поднимаясь*). “Тебя мы вскроем”! Если ты будешь сегодня потрошить меня, то можешь завтра засолить меня и съесть. Черт возьми, я вовремя прикинулся мертвым, а то бы этот шотландец сделал из меня шотландскую селедку. Прикинулся? Неправда. Совсем я не прикинулся. Мертвые — вот это притворщики. Они притворяются людьми, когда перестают быть ими. А прикинуться мертвым, будучи живым, — это не притворство, а сама искренность. Одно из украшений храбрости — скромность. это украшение и спасло меня. Что за чертовщина! Я боюсь этого разбойника Перси, хотя он и убит. А вдруг он тоже прикидывается, как я, и встанет. А вдруг окажется, что он прикидывается еще лучше, чем я? Нанесу-ка я ему для верности еще два-три удара. Можно будет сказать, что это я убил его. Что же тут удивительного? Его оглушили, он обмер и упал, а потом ожил, как я. Поэтому не взыщите, получайте новую рану в ляжку (*подкалывает его*) и извольте следовать за мной. (*Взваливает Готспера на спину.*)

Возвращаются принц Генрих, принц Джон Ланкастерский и четыре солдата, которые становятся позади.

П р и н ц

С успешным боевым крещеньем, братец!
Мечом ты поработал хорошо.

Л а н к а с т е р

Послушай. Верить ли глазам? Не ты ли
Мне говорил, что твой толстяк убит?

П р и н ц

Ну да. Я видел сам его убитым.
Он на земле лежал не шевелясь.
Ты жив? Нас не обманывает зрение?
Ты то, чем кажешься? Уверь нас сам.

Ф а л ь с т а ф. Конечно, то. Я не двойник. Но пусть я буду
Джек черт знает кто, если я не Джек Фальстаф. Вот вам ваш
Перси. *(Бросает тело на землю.)* Если вашему папаше
угодно будет чем-нибудь отблагодарить меня, хорошо. Если
нет, пусть следующего Перси он потрудится убить сам. Я
рассчитываю теперь стать графом или герцогом, не меньше.

П р и н ц. Вздор. Я сам убил Перси и видел тебя мертвым.

Ф а л ь с т а ф. Вот как? Господи, господи! До чего доходит
человеческая бессовестность! Правда, я лежал бездыханный,
точно так же, как и он, но потом мы оба вскочили в одну и ту
же минуту и дрались еще добрый час по шрусберийским ба-
шенным часам. Верьте мне, если я достоин веры, а если не ве-
рите, на вас ложится позор неблагодарности, что моя доблесть
остается невознагражденной. Я готов отдать жизнь, доказывая,
что нанес ему эту рану в ляжку. Если бы он был жив, у него не
хватило бы наглости отрицать это, а то я загнал бы в него еще
раз этот меч по рукоятку.

Л а н к а с т е р

Диковинней не слышал в жизни сказки.

П р и н ц

Диковинней не видел хвастуна.
Ну, что ж, ступай, гордись своею ношей.
Когда тебе помочь способна ложь,
Готов я подтвердить ее как правду.

Трубы.

Трубят отбой. С победою тебя!
Пойдем, с холма кругом посмотрим в поле,
Кто жив из наших, кто убит.

Принц Генрих
и принц Джон Ланкастерский
уходят.

Ф а л ь с т а ф. Пойду за ними. По-видимому, меня награ-
дят. Награди бог всякого, кто наградит меня. Если я теперь
пойду в гору, надо будет сбавить жиру. Буду лечиться, бро-
шу пить херес, заведу правильный образ жизни, как поря-
дочный человек.

Трубные сигналы.

Ф а л ь с т а ф дает знак солдатам поднять тело Готспера
и уходит с ними.

Сцена 5

Палатка короля Генриха.

Трубы и барабаны.

Сидит король Генрих. Стоят принц Генрих,
принц Джон Ланкастерский,
Уэстморленд, офицеры и солдаты
Вводят Вустера и Вернона под стражей.

Король

Так воздавали всем, кто бунтовал.
Злой Вустер, разве не с тобой в ваш лагерь
Послали мы свою любовь и мир?
Ты извратил преступно смысл посланья,
Племянника доверье обманув.
Три рыцаря и граф, теперь убитый,
И множество других могли бы жить,
Когда б ты договаривался честно,
Как добрый рыцарь и христианин.

Вустер

Я это сделал из самозащиты
И покорюсь тому, что заслужил.
Я сам пошел на это.

К о р о л ь

Отведите
И Вустера и Вернона на казнь.
Других виновных выслушаем после.

Стража уводит Вустера и Вернона.
Какие вести с поля?

П р и н ц

Вот какие.
Когда шотландец Дуглас увидал
Измену счастья, гибель Перси, ужас
Своих бегущих в беспорядке войск,
Он сам пустился в бегство с их остатком,
Но конь его упал на всем скаку,
Седок расшибся и попал нам в руки.
Он у меня в палатке. Я прошу
Отдать его в мое распоряжение.

К о р о л ь

Пожалуйста.

П р и н ц

Тогда, брат Джон, ступай
И соверши благое это дело.
Дай Дугласу свободу. Пусть идет.

Скажи, мне выкупа его не надо.
Ударами по нашим черепам
Он научил нас уважать отвагу
И во врагах.

Орнамент эпохи Ренессанса

Л а н к а с т е р

Благодарю. Я рад
Пойти с таким приятным порученьем.

К о р о л ь

Нам остается разделить войска.
Ты, Джон, и вы, лорд Уэстморленд, направьтесь
В Йорк, где граф Нортумберленд и Скруп
Готовят, я слыхал, сопротивление.
А я и Гарри двинемся в Уэльс
На усмирение Глендаура и Марча.
Еще удар последний по злодеям,
И мы их окончательно рассеем.
Но не дремать, как ни велик успех,
Покамест мы не проучили всех.

Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

“Король Иоанн”

Среди хроник Шекспира “Король Иоанн” стоит особняком. Другие драмы из истории Англии складывались у Шекспира в серии пьес. “Король Иоанн” остался одиноким. Если в других случаях Шекспира увлекла идея создания серии драм, широко и полно охватывающей целую полосу в истории страны, то здесь он ограничил себя рамками сравнительно узкого сюжета. Он не воспользовался возможностью изобразить предшественника Иоанна Безземельного, его старшего брата, прославленного Ричарда Львиное Сердце, история которого по-своему была не менее драматична. Даже и в рамках царствования Иоанна драматург счел возможным опустить не только второстепенные эпизоды, но и такое широко известное событие, как прокламирование великой Хартии вольностей и создание парламента.

У Шекспира об этом ни слова, и это всегда вызывало удивление тех английских критиков, для которых парламентаризм является идеалом государственности. Однако в эпоху Шекспира парламент не играл сколько-нибудь значительной роли в жизни страны. Зато другие факты царствования Иоанна имели для Шекспира и его современников вполне актуальное значение. Таковы были: вопрос о престолонаследии, проблема внутреннего мира, внешние войны, борьба королевской власти против политических притязаний римско-католической церкви. Это и вошло в круг тем, охватываемых сюжетом пьесы Шекспира.

Хроника была написана между 1594-1597 годами. Ряд исследователей склоняются к сравнительно раннему возникновению ее и датируют пьесу 1594-1595 годами, тогда как Э.К. Чемберс считает, что она была создана зимой 1596/97 года.

Обычно, создавая пьесы-хроники, Шекспир пользовался в качестве источника собранием летописей Холиншеда. На этот раз, однако, в этом не было необходимости. Уже существовала драматическая обработка сюжета о царствовании Иоанна, и она послужила источником для Шекспира.

Эта пьеса была опубликована в 1591 году в двух частях. Первая называлась: “Беспокойное царствование короля Иоанна, с открытием того, кто был незаконным сыном короля Ричарда Львиное Сердце (в просторечье именуемый Фо-конбриджем), а также со смертью короля Иоанна в Суинстедском аббатстве”. На титуле второй части стояло: “Вторая часть Беспокойного царствования короля Иоанна, содержащая смерть Артура Плантагенета, высадку Людовика и отравление короля Иоанна в Суинстедском аббатстве”.

В 1611 году обе части “Беспокойного царствования” были напечатаны вместе, причем издатель поставил на титульном листе слова: “Написано У.Ш.” Третье издание, вышедшее уже после смерти Шекспира, в 1622 году, не ограничивалось инициалами. На титульном листе полностью стояло: “У. Шекспир”.

Известно, что Шекспиру при жизни не раз приписывались пьесы, которых он не писал. Но в данном случае нельзя

считать, что у издателей не было никаких оснований приписать пьесу Шекспиру. Известно было, что драматург действительно написал хронику о короле Иоанне. Она шла на сцене, и ее упоминает в своем списке пьес Шекспира Ф. Мерес в 1598 году. Опираясь на это, издатели и могли выдать “Беспокойное царствование” за шекспировскую пьесу, тем более, что по сюжету они совпадают.

Шекспировский “Король Иоанн” был впервые напечатан в фолио 1623 года. Сравнение текстов показывает, что пьеса Шекспира представляет собой сокращенный вариант “Беспокойного царствования”. Здесь две ранние пьесы сведены в одну. Некоторые эпизоды при сокращении Шекспиром были опущены, но он точно следовал порядку сцен и развитию действия “Беспокойного царствования”, переписав, однако, заново весь стихотворный текст и развив некоторые характеристики персонажей.

Вопрос об отношении пьесы Шекспира к “Беспокойному царствованию” вызвал большие споры среди шекспироведов. Нам представляется наиболее вероятной точка зрения, которую высказал Э.К. Чемберс: “Беспокойное царствование” — произведение одного или нескольких предшественников Шекспира, по конве которых Шекспир создал новую пьесу.

Усовершенствовав разработку данного сюжета, Шекспир не создал шедевра, который получил бы такое же признание, как некоторые другие его хроники. “Король Иоанн” уступает в цельности и концентрированности действия “Ри-

чарду III", в широте охвата действительности и ее контрастов — "Генриху IV". В группе хроник эта пьеса является произведением переходного типа, как и "Ричард II". Образы героев здесь более индивидуализированы, чем в предшествующих хрониках, и не трудно заметить, что Шекспир расширил несколько рамки жанра, в частности, введением комических мотивов, что особенно проявляется в юморе Фоконбриджа, частично и пока еще отдаленно предвосхищающем фальстафовский юмор "Генриха IV".

Как и в других пьесах-хрониках, Шекспир заостряет в сюжете политические мотивы, представляющие интерес для его современников. Он увязывает их с проблемами этическими, и это получает концентрированное выражение в образе центрального персонажа драмы — короля Иоанна.

Иоанн является узурпатором. По праву престолонаследия королем должен был стать после смерти Ричарда Львиное Сердце молодой принц Артур. Но Иоанн захватил власть и царит по праву сильного. Он, однако, сознает непрочность своего положения. Ему грозят разные враги, и его подстерегает много опасностей. Перед лицом всех хитросплетений политики Иоанн вначале держится как человек, намеренный отстоять свою власть от всех опасностей и посягательств. Он мужественно сражается против Франции, защищая одновременно интересы свои и английского государства. Однако создание государственных интересов не является преобладающей чертой его как короля. Личный интерес для него гораздо важнее. Стремясь удержать власть, он решает устра-

нить силой слабого соперника — принца Артура. Что же касается противников сильных, то с ними он хочет замириться.

Преобладание личных интересов над государственными особенно проявляется тогда, когда Иоанн ради закрепления своих прав покупает поддержку Франции ценой уступок территории. Это вызывает гнев даже у Фоконбриджа, самого преданного из сторонников Иоанна.

Все ухищрения Иоанна ни к чему не приводят. Он теряет друзей, сторонников, союзников и в конце концов падает жертвой заговора собственного духовенства.

В лице Иоанна Шекспиром изображен монарх, недостойный править страной. И дело здесь не столько в отсутствии законных прав на владение престолом, сколько в нравственном облике Иоанна. Убийца невинного ребенка, он ничем не доказал своего морального права на то, чтобы быть главой государства. Более того, своими действиями он обнаружил, что готов в любой момент предать интересы страны ради личного благополучия.

Как и в других хрониках Шекспира, в “Короле Иоанне” коренным является вопрос о благе государства. И если Иоанн оказался недостойным монархом, то в пьесе есть другой персонаж, который выступает как носитель принципов государственности и патриотизма. Это — Фоконбридж.

Незаконнорожденный сын Ричарда Львиное Сердце, он был воспитан знатным лордом, которого считал своим отцом. Когда обнаруживается действительное происхождение Фоконбриджа, перед ним возникает необходимость выбора:

признать своим законным отцом покойного Фоконбриджа и получить от него богатое наследство, либо согласиться с тем, что он будет признан незаконным сыном короля и лишиться при этом каких-либо имущественных прав. Фоконбридж выбирает второе, ибо честь быть сыном, хотя бы и незаконным, такого славного воителя, как Ричард Львиное Сердце, ему дороже всех земель, какие он может получить в наследство от старого Фоконбриджа.

Однако Фоконбридж отнюдь не идеальный “рыцарь без упрека”. Воинственный сын сурового века, он спокойно будет разить людей, сражаясь за своего короля. А когда король приказывает ему взять деньги у духовенства для пополнения отощавшей казны, Фоконбридж с веселым задором грабит монастыри.

И все же у этого грубоватого вояки есть инстинктивная нравственность, состоящая в том, что он признает для себя обязательным служение королю и своей стране. Они для него одно и то же. И даже если король окажется недостойным или неспособным быть защитником своей страны, то Фоконбридж возьмет эту миссию на себя, действуя именем короля, хотя бы он и знал, что король совсем не тот человек, который заслуживает поклонения и повиновения. Так оно и происходит в пьесе. Даже осуждая короля, когда становится ясной его вина в гибели принца Артура, Фоконбридж не отступает от него. Он продолжает борьбу, — теперь уже не столько за короля, сколько за Англию.

Рядом с двумя центральными образами пьесы стоят другие персонажи, причем некоторые из них очерчены с большей рельефностью. Такова властолюбивая мать Иоанна — королева Элеонора; мать принца Артура — Констанция, не уступающая Элеоноре в честолюбивом стремлении к власти, но также показанная как скорбящая мать; патетическая фигура юного принца Артура, чья гибель является наиболее трагическим эпизодом пьесы; хитрый и беспощадный политик-макиавеллист — кардинал Пандольф; воинственные французские феодалы король Людовик и дофин Филипп.

Сложная интрига пьесы развивается динамически, но заключительная часть хроники скомкана из-за того, что при сокращении выпали эпизоды, предшествовавшие смерти короля, которая оказывается несколько неожиданной, не подготовленной закономерным развитием действия.

А. Аникст

Примечания к тексту “Короля Иоанна”

К с. 52. *Ни дать ни взять — монета!* — Имеются в виду монеты с очень плоскими профилями королей.

К с. 54. *Сэр Ричард, признанный Плантагенет.* — При посвящении в рыцари и члены королевского дома меняется личное имя Бастарда: Ричард вместо Филипп.

К с. 56. *Приходит со своею зубочисткой...* — Зубочистки были принадлежностью всех благовоспитанных людей.

Щеголи ходили обязательно с собственными зубочистками, которыми ковыряли у себя в зубах, часто без всякой надобности.

К с. 58. *Кольбранд-великан* — могучий витязь, датчанин, герой многих английских баллад.

Какой Филипп? — Он уже теперь не просто “Филипп”, как его звал до сих пор запросто слуга, он теперь носит королевскую фамилию Плантагенет (о чем слуга еще не знает).

К с. 59. *Базилиско* — персонаж трагедии Кида “Соломон и Персида” — хвастун, утверждающий, что он рыцарь.

К с. 63. *...бледнолицый берег...* — Побережье Англии, обращенное к Франции, покрыто меловыми скалами.

К с. 70. — *Потише!* — *Он глашатай..* — Глашатаи всегда начинали свои речи возгласом: “Потише!” (Внимание!).

К с. 71. *Алкид* — Геркулес.

...как ослу пристала обувь славного Алкида. — “Как башмаки Алкида на детской ножке” — довольно распространенная в то время поговорка. Бастард искажает ее, чтобы сильнее оскорбить эрцгерцога.

К с. 80. *Святой Георгий... учи нас биться!* — Святой Георгий считался патроном английского рыцарства.

К с. 86. *Взяв за пример иерусалимских граждан во дни их мятежа...* — Во время осады Иерусалима императором Титом (в I в. н.э.) две партии, враждовавшие в городе, временно объединились для борьбы с римлянами.

К с. 95. ...вели, чтоб сын и дочь соединили руки. — С момента обручения принцесса становится как бы дочерью французского короля.

К с. 105. *Свой трофей позоришь ты.* — Трофей — львиная шкура, которую эрцгерцог носит после того, как отнял ее у Ричарда, убив его.

К с. 115. ...огнем огонь врачи смягчают при ожогах. — В XVI веке раны от ожогов лечили прижиганиями.

Святая вера есть опора клятвы. Твоя же клятва не согласна с ней. — Смысл этого места, довольно темного в подлиннике, таков: “Если, давая клятву, ты не уверен в ее законности, то ты можешь соблюдать ее лишь постольку, поскольку она не противоречит другой, данной тобой ранее клятве”.

К с. 118. ...как тебе — опора он. — Возможно, что в это мгновение Людовик поднимает Бланку с колен, что дает повод Констанции назвать его ее опорой.

К с. 123. *Ангел* — старинная монета.

К с. 128. ...суда одной эскадры разделяя. — В подлиннике: “*A whole armado*” — намек на Великую Армаду, испанский флот, посланный Филиппом II в 1588 году на завоевание Англии и уничтоженный бурей и английскими морскими силами.

К с. 135. *Вы проиграли день?* — День — в военном смысле: “проиграв сегодня битву”.

К с. 158. *Первого апреля скончалась ваша царственная мать. А за три дня до этого... Констанция.* — На са-

мом деле Элеонора умерла в июле 1204 года, а Констанция — не за три дня, а за три года до этого, в августе 1201 года.

К с. 159. *Питер из Помфрета* — лицо историческое. Как сообщает Холинshed, он предсказал около 1 января 1213 года, что король Иоанн “в будущий праздник Вознесения” будет низложен, за что король предал его вместе с его ни в чем не повинным сыном мучительной казни.

К с. 162. *Дух времени...* — выражение, часто встречающееся у Шекспира и означающее: стечение обстоятельств, условия эпохи и т.д.

К с. 165. *...в страшный час последнего расчета меж небом и землей...* — то есть в день Страшного суда.

К с. 168. *В Сент-Эдмондсбери я с ним встречусь...* — Речь идет о дофине, который вступил с английскими лордами в переговоры через посредство графа Мелена и кардинала Пандольфа.

К с. 175. *...и вы меня не делайте убийцей...* — То есть не заставляйте меня, защищая свою честь, обнажить меч и пролить вашу кровь.

К с. 187. *...с нуждою слишком властной!* — В смысле не личной его потребности, а принудительной потребности общих политических обстоятельств.

“Ричард II”

“Ричард II” был создан не позже 1597 года. Основным источником Шекспира при написании этой хроники был Хо-

линшед. Однако не во всем. Некоторые детали, отсутствующие у Холиншеда, он заимствовал у других авторов.

Наибольший интерес представляет вопрос об отношении пьесы Шекспира к поэме его современника Сэмюэля Денъела “Гражданские войны” (1595), где в стихотворной форме излагается история царствования и падения Ричарда II. У Шекспира и Денъела есть совершенно одинаковые отклонения от исторических источников. В частности, это касается образа королевы Изабеллы, жены Ричарда II. Во время изображаемых событий ей было всего двенадцать лет. И Шекспир и Денъел изображают ее взрослой женщиной. Замечен также ряд других текстуальных совпадений. Возникает вопрос: кто у кого заимствовал — Шекспир у Денъела или Денъел у Шекспира?

Накануне восстания Эссекса (1601) один из заговорщиков заказал труппе, в которой состоял Шекспир, поставить “Ричарда II”, за что обещал актерам дополнительное вознаграждение в сорок шиллингов. Актеры пробовали отговориться тем, что пьеса устарела и едва ли привлечет публику, но, уступая настояниям заказчика, все же поставили ее. После неудачи восстания, во время следствия один из заговорщиков признался, что постановка “Ричарда II” имела целью “возбудить чувства народа изображением на сцене отречения одного из английских королей”. Труппе Шекспира было предложено дать свои показания по этому поводу. Ответ держал актер Огастин Филипс. Его показания убедили

следователей, что труппа была непричастна к заговору, и Филипса отпустили с миром.

Весь этот эпизод хорошо объясняет нам, почему в первых изданиях пьесы сцена низложения Ричарда II отсутствовала. Мнение, будто она написана позже, явно опровергается показаниями на следствии по делу о заговоре Эссекса. Совершенно очевидно, что сцена низложения Ричарда II существовала в рукописном тексте, по которому играли актеры.

Рассматривая историю создания “Ричарда II”, необходимо отметить что в начале своей драматургической деятельности Шекспир испытал влияние корифея тогдашней драмы Кристофера Марло. О влиянии Марло мы можем говорить также и в связи с “Ричардом II”. У Марло была историческая драма “Эдуард II”. Ее сюжет и образ главного героя во многом сходны с тем, что мы видим в пьесе Шекспира.

Однако при несомненной близости этих двух произведений все же сравнение их показывает, что Шекспир здесь был гораздо более самостоятелен, чем, скажем, при создании “Генриха IV” и “Ричарда III”. Для Марло тема “Эдуарда II” была связана с постоянно волновавшим его вопросом о правах личности. В отличие от Марло для Шекспира центральной является не проблема личности, а вопрос о судьбах государства. Именно это определяет композицию шекспировского “Ричарда II”. Конечно, и вопрос о личности короля имеет для Шекспира существенное значение, но эта проблема ставится Шекспиром совсем в ином плане, чем Марло. С четкостью, не оставляющей места для недоговоренности, в

“Ричарде II” поставлен вопрос, являются ли наследственное право и так называемое “божественное право” короля незыблемыми. Ричард II представлен в пьесе носителем феодального принципа “божественного происхождения королевской власти. Он глубоко убежден, что его сан имеет своим источником санкцию самих небес. Ему представляется, что божественное право накладывает отпечаток на самую его личность и что человек и король в нем неразделимы. Мы слышим из его уст патетическую речь о божественности его королевского достоинства (III, 2). Принципы божественного происхождения королевской власти поддерживает и епископ Карлейль. Но епископ считает, что божественное право короля не исключает его определенных обязанностей по отношению к государству. Однако Ричард настолько упоен своей властью, что не считает необходимым заботиться о каких бы то ни было обязанностях.

Этому взгляду Шекспир на протяжении пьесы противопоставляет другую точку зрения, выражающую политическую концепцию гуманизма. Согласно этой точке зрения, средоточием всего является не личность монарха, а государство. Соответственно этому королевская власть представляет собой не самоцель, а функцию, которая должна обеспечить благосостояние страны. Именно эту идею выражает старый Джон Гант.

Принцип государственности утверждается Шекспиром с такой настойчивостью, что для большей ясности своего тезиса он вводит в действие пьесы сцену, в сущности, никак не

связанную с сюжетом и имеющую откровенно дидактический характер. Мы имеем в виду сцену в саду Йорка (III, 4), где Шекспир выводит садовника, беседующего с двумя слугами. Их беседа представляет собой рассуждение о государстве, облеченное в форму аллегии. Садовник уподобляет государство саду, а короля — садовнику, который обязан заботиться о процветании сада, выпалывая ненужные растения, обрубая засохшие ветки и всячески ухаживая за полезными растениями. По мнению садовника, король Ричард допустил паразитическим растениям расцвести за счет полезных. Тем самым он нарушил свой долг, за что и понесет кару.

Всем ходом пьесы, логикой развивающихся в ней событий опровержение “божественного” права монарха подкрепляется обоснованием права на восстание против короля и свержение его с престола. Вопрос о том, имеют ли право подданные низлагать монарха, неоднократно рассматривается Шекспиром в его хрониках. Шекспир в принципе считал восстания ненужным нарушением порядка в государстве и осуждал мятежи, поднимаемые во имя частных интересов отдельных лиц или даже целых сословий. Именно с этой точки зрения Шекспир осуждает как восстание феодалов, так и крестьянский бунт в трилогии “Генрих VI”. Но уже в “Ричарде III” утверждается право на восстание против короля.

Такова политическая концепция, лежащая в основе пьесы. Однако политические вопросы не заслоняют для Шекспира проблем нравственных и задачи создания живых образов участников политической драмы, разыгрывающейся

перед нами. Сравнивая “Ричарда II” с предшествующими хрониками, можно заметить, как углубляется мастерство Шекспира в изображении характеров.

Это заметно уже в обрисовке второстепенных фигур. Однако, все участники разворачивающейся перед нами драмы служат лишь фоном для двух центральных фигур, конфликт между которыми составляет главное содержание пьесы. Это — Ричард II и Болингброк, будущий Генрих IV.

Ричард II весь сосредоточен на своей личности, представляющейся ему как бы центром всей жизни. Поэтому он очень любит говорить о себе, своих чувствах и настроениях. Он склонен поэтизировать себя и все свои переживания, о которых всегда говорит с большим вдохновением. И даже тогда, когда наступает время, требующее решительных действий, он предпочитает рассуждать о себе и своем трудном положении.

Этот изнеженный и сибаритствующий монарх, однако совсем не безобиден. Он может быть жестоким и беспощадным. Если ему это нужно, он не остановится и перед преступлением.

Переменчивость, капризность, присущие Ричарду II, не ограничиваются только сферой его личной жизни и личных отношений. Эти качества он проявляет и как король. Будучи человеком в достаточной степени мужественным, он, однако, не способен действовать целеустремленно. Так, он затевает ирландский поход, тратит на это массу государственных средств и человеческих жизней, в то время как ему

следовало бы позаботиться об упрочнении своей власти внутри страны. С присущей ему беззаботностью он необдуманно назначает на время своего отсутствия правителем страны герцога Йорка, который по мягкости своей не способен оградить владения Ричарда II от грозящей им опасности. А когда его престол нуждается в защите, он, вернувшись из Ирландии, не прибегает сразу к решительным действиям, давая противнику возможность собрать все силы для удара против него, Ричарда II.

Все эти личные качества Шекспиром раскрываются для того, чтобы наглядно показать, что Ричард не способен быть королем и не достоин им быть.

Характер Болингброка во всех отношениях противоположен характеру Ричарда II. Если все качества короля являются, так сказать, внутренней Немезидой, с неизбежностью приводящей его к поражению, то Болингброк — человек, успех которого обусловлен его волевым и целеустремленным характером.

Умный и расчетливый политик, он умеет завоевать симпатии народа. Его поведение по отношению к другим крупным феодалам отличается тактичностью. Способный быть и суровым и мягким, он умеет управлять своими чувствами. Поэтому он проявляет суровость по отношению к фаворитам короля, которых предаст казни, но будет достаточно осторожен с теми, кого ему нужно завоевать в качестве союзников для борьбы против Ричарда.

Болингброк в самом точном смысле слова политик. Он умеет рассчитывать обстоятельства, предвидеть события и вместе с тем проявляет способность направлять ход событий в сторону, выгодную для него и соответствующую стремлениям большинства окружающих его людей.

Таким образом, он обнаруживает качества, свидетельствующие о том, что он способен быть монархом, руководящимся интересами страны. Однако Болингброк далек от того, чтобы быть тем идеальным королем, которого Шекспир хотел бы видеть на троне.

Прежде всего уже одно то, что он приходит к власти посредством восстания и, сколь ни справедлива его борьба против Ричарда, все же является в конечном счете узурпатором, — это обстоятельство само по себе противоречит тому понятию государственности, которого придерживался Шекспир в период создания данной драмы. Захват власти Генрихом IV является нежелательным прецедентом, который может вызвать и у других честолюбивых баронов стремление завоевать корону. Такая власть является непрочной, а главное — опасной для государства, ибо если вправе захватить власть один, то утрачивается всякая возможность объявить незаконной подобную попытку со стороны другого лица. В эпоху Шекспира это было вполне актуальной политической проблемой, и передовые слои общества, а в особенности народ, не хотели того, чтобы честолюбивые стремления представителей крупной знати ввергли страну в ужасы гражданской войны.

Но власть Генриха IV становится непрочной еще и потому, что новый король решает навсегда избавиться от опасности восстановления на престоле прежнего монарха. Хотя он уже обезвредил Ричарда II, но это кажется ему недостаточным, и тогда он затевает тайное убийство свергнутого короля. Этой ненужной жестокостью Генрих IV пятнает не только свою личную честь, но и свое королевское достоинство. Точно так же, как началом всех бедствий Ричарда II явилось убийство Глостера, совершенное им для упрочения своей личной власти, так убийство Ричарда II, осуществленное по приказу Генриха IV, является началом бедствий и смут, которые будут сотрясать его царствование.

В первых изданиях эта пьеса именовалась трагедией. Какие основания могут оправдать такое жанровое определение этого произведения? Как и в других хрониках Шекспира, главным субъектом трагедии является не тот или иной отдельный человек, а государство, несправедливо управляемое, не знающее мира и покоя, терзаемое борьбой интересов. И если вначале перед нами — государство, трагичность положения которого определяется тем, что существующая в нем власть не обеспечивает стране спокойного благосостояния, то в конце драмы государство оказывается в таком же положении. Уже первые шаги Генриха IV подрывают основы законности и общественной нравственности, предвещая новые бури и бедствия.

Финал драмы содержит в себе зародыши новых драм, и было совершенно естественно, что Шекспир продолжил ра-

боту над созданием пьес, в которых перед зрителем предстали картины дальнейшей истории Англии. “Ричард II” явился, таким образом, естественным началом цикла исторических драм, посвященных вопросам гражданского мира и внешних войн, власти и ее отношения к народу.

А. Аникст

Примечания к тексту “Ричарда II”

К с. 224. *Залог* (здесь и дальше) — брошенная перчатка.

К с. 225. *Нобль* — старинная монета стоимостью от 5 до 6 шиллингов.

К с. 227. *Его я не убил; мой долг был сделать это...* — Маубрей жалеет о том, что не он убил Глостера, повинного в смерти его брата.

К с. 228. *Ведь в этот месяц не пускают кровь.* — В старых календарях указывалось, какие месяцы благоприятны и какие неблагоприятны для пускания крови.

К с. 229. *Львы укрощают барсов.* — На гербе Ричарда был изображен лев, на гербе Норфолка — барс.

К с. 247. *Раз мы отринули ваш долг пред нами...* — Ричард уже не может налагать на изгнанников обязанностей по отношению к самому себе.

К с. 251. *...с вами я помчусь до рубежа земли...* — до берега моря.

К с. 253. ...*Что я ходил в поденщиках у скорби.* — В подлиннике игра слов: *journeuman* значит и “поденщик” и “путешественник”.

К с. 257. *Придется сдать в аренду королевство.* — В последние годы царствования Ричарда II, как отмечено в хрониках Холиншеда, в народе ходили слухи, что государственные имения сданы в аренду любимцам короля. На этом построена в пьесе вся характеристика Ричарда — как разорителя страны, а Уилтшира, Буши, Бегота и Грина — как гнусных хищников.

К с. 262. *Я, вдохновленный свыше, как пророк...* — Этот патристический монолог Ганта пользовался огромной популярностью и уже в 1600 году был перепечатан отдельно в сборнике “Английский Парнас”.

К с. 264. *О, мне сейчас так впору это имя!* — Имя *Gaunt* созвучно слову *gaunt* — “худой”, “изможденный”.

К с. 270. *Керны* — легко вооруженные ирландские воины.

...*на острове, где гадов нет других.* — Согласно легенде, святой Патрик, обративший Ирландию в христианство, изгнал из нее всех ядовитых змей.

...*расстройство брачных планов Болингброка.* — Ричард II помешал браку изгнанного им Болингброка с дочерью герцога Беррийского, дяди французского короля.

К с. 275. ...*пожертвованья разные и бланки...* — Под “пожертвованиями” подразумеваются дополнительные налоги по какому-нибудь особенному случаю. “Бланками” на-

зывали письменные обязательства — без обозначения суммы, которая вписывалась затем королевскими чиновниками по их усмотрению.

К с. 282. *Граф Вустер* — Томас Перси, граф Вустер, брат герцога Нортемберлендского. Он появляется как действующее лицо в “Генрихе IV”, часть 1.

К с. 297. *Черный Принц* — сын Эдуарда III, брат Йорка и дядя Болингброка.

К с. 306. *Глендаур* (Оуэн) — один из уэльских князей, который после воцарения Болингброка поднял восстание за независимость Уэльса, притязая на титул принца Уэльского. Борьба короля с Глендауром изображена, между прочим, в “Генрихе IV”, часть 1.

К с. 312. *...гнуть лук из дважды гибельного тиса.* — Дважды — потому, что тис сам по себе уже считался ядовитым деревом.

К с. 315. *...эта жалкая щепотка глины, что служит оболочкою костям.* — Выражение это может иметь двоякий смысл: 1) могила, 2) бречное тело, созданное богом, согласно легенде, из глины.

...припомним предания о смерти королей. — В Англии времен Шекспира были весьма популярны несколько сборников рассказов о падении и смерти великих людей.

К с. 322. *Смотрите, вот и сам король!* — Первые шесть строк этой речи английские издания, на основании данных F и Q, обычно приписывают Болингброку. Но этот хвalebный тон в устах лица, ненавидящего Ричарда, крайне

неправдоподобен. Наоборот, он вполне понятен в устах лояльного Йорка.

К с. 328. ...спущусь, как Фазтон, не удержавший буйных жеребцов. — В мифе о Фазтоне, сыне Аполлона, бога солнца, рассказывается, что, выпросив у отца на один день его солнечную колесницу, он не справился с конями, которые понесли и разбили колесницу.

К с. 331. Сыграем, государыня, в шары. — Игра в шары, состоявшая в том, чтобы попасть пущенным шаром в цель, была весьма популярна в Англии.

К с. 339. Тронный зал в Уэстминстерском дворце. — В залах Уэстминстерского дворца уже в те времена происходили заседания парламента. В данной сцене слиты вместе два исторически различных заседания парламента двух различных созывов. Низложение Ричарда произошло 30 сентября 1399 года в парламенте, созванном им самим. Суд над Беготом состоялся 16 октября того же года в парламенте, созванном уже новым королем. Ни на том, ни на другом заседании сам Ричард не присутствовал.

К с. 344. ...прославиться мечтаю я в этом мире, новом для меня. — Намек на молодость Фицуотера.

К с. 347. Избави боже! Нет! — и далее. — По свидетельству Холиншеда, подобная речь была действительно произнесена епископом Карлейльским после отречения Ричарда и провозглашения Болингброка королем.

К с. 365. Помфрет — замок в Йоркшире.

Тауэр (tower значит “башня”) — старинная лондонская крепость, по преданию сооруженная Юлием Цезарем. Первоначально она была резиденцией английских королей, но уже при Ричарде II была превращена в политическую тюрьму.

К с. 379. ...*Беспутный сын* — принц Гарри, молодость которого изображена в “Генрихе IV”, части 1 и 2.

К с. 385. “*Король и Нищенка*” — намек на народную балладу о короле Кофетуа и нищенке Зенелофон.

К с. 388. *Нет, от игры словами нас уволь!* — Приведенное выше французское выражение помимо своего прямого смысла (просьбы о прощении) имело еще второй смысл: “увольте меня”, и именно он был в Англии обычным.

К с. 390. *Вернейший братец* — граф Эксетер, в пьесе не фигурирующий, один из участников заговора. Причем, “братцем” он назван иронически, так как Эксетер не брат, а шурин Ричарда II.

Аббат — уэстминстерский аббат.

К с. 394. *Я долго время проводил без пользы, зато и время провело меня.* — Время (time), как нередко у Шекспира, имеет здесь широкий смысл: условия эпохи или момента.

К с. 395. *Мы вместе стоим фартинг, не дороже.* — Фартинг — грош. В подлиннике неперевожимая игра слов: перед этим конюх назвал Ричарда “королевским принцем” (royal prince). Но royal есть также название старинной монеты. Ричард хочет сказать: “я не стою сейчас и десятой доли рояла”.

К с. 398. *Экстон поражает короля Ричарда*. — В хрониках сообщается три версии относительно смерти Ричарда II: согласно одной — он уморил себя голодом, согласно другой — его уморили голодом по приказанию Болингброка, согласно третьей — он был убит Экстоном по приказанию того же Болингброка.

К с. 402. *Ричард Бордоский* — титул, который Ричард носил, еще не будучи принцем, по месту своего рождения — в Бордо. (В XIV в. значительная часть Франции принадлежала англичанам, в том числе и город Бордо.)

“Генрих IV”

Несомненно, что замысел “Генриха IV” возник у Шекспира тогда, когда он завершил хронику о Ричарде II, продолжением которой являются две пьесы о царствовании Генриха IV.

Героический образ короля-воина рано привлек внимание английских драматургов эпохи Возрождения, и его история была инсценирована еще до Шекспира. Когда над Англией нависла опасность испанского вторжения, театры, поддерживая патриотический дух народа, ставили пьесы, прославлявшие прошлые победы англичан над чужеземцами. Тогда-то и появилась первая пьеса на данный сюжет — “Славные победы Генриха V”, написанная неизвестным автором.

“Славные победы Генриха V” — примитивная инсценировка известных исторических фактов и легенд об этом короле. Это откровенно пропагандистская пьеса биографического характера, с невыразительной обрисовкой персонажей. Но при всем том ее неизвестный автор проявил некоторую выдумку, создав беглый и местами живой сценический рассказ о жизни и деяниях Генриха V. Не приходится сомневаться в том, что Шекспир воспользовался пьесой своего предшественника. Он не только заимствовал из нее отдельные детали, она в целом послужила ему канвой и для двух частей “Генриха IV” и для “Генриха V”.

Ничто так наглядно не свидетельствует о творческой зрелости, достигнутой в это время Шекспиром, как свежесть и смелость, с какой он обработал материалы своих предшественников.

Особенно стремился Шекспир к рельефности фигур главных персонажей, сочетая их по признаку контраста. Для этого он не постеснялся отступить от хронологии. Возраст Генриха IV Шекспир значительно увеличил, представив его человеком на склоне лет, приближающимся к могиле, тогда как на самом деле в год битвы при Шрусбери ему было всего тридцать шесть лет. Готспер был старше короля, а Шекспир сделал его намного моложе, сравнив по годам с принцем Генрихом, и разница в характере и поведении их от этого стала особенно выразительной. А во второй части “Генриха IV”, где уже нет Готспера, Шекспир для сохранения контраста ввел фигуру другого сына короля, Джона Ланкастерского,

которого ни Холинshed, ни другие историки не упоминают в связи с данными событиями. В летописях в связи с данными событиями женщины не упоминаются. Шекспир создал образы леди Мортимер и леди Перси. Наконец, из слегка намеченных эпизодов с собутыльниками принца Шекспир создал бесподобные фальстафовские сцены, принадлежащие к лучшим образцам его юмора.

Первая часть “Генриха IV” была напечатана в 1598 году без имени автора и переиздана в 1599 году с указанием на авторство Шекспира.

В “Ричарде II” преобладает трагическая тональность, в “Генрихе V” — тональность эпико-героическая. И здесь и там с предельной ясностью проводится определенным политический тезис: в “Ричарде II” — критика “божественного права” королей, в “Генрихе V” — воинственный патриотизм. Определить “идею” “Генриха IV” в такой же тезисной форме едва ли возможно. Эта пьеса вообще меньше всего поддается определениям в духе традиционных рубрик.

Начать с того, что она уже по своему объему превосходит любую из пьес Шекспира. Если каждая из частей “Генриха IV” представляет собой законченное драматическое произведение, то этого нельзя сказать о двух частях “Генриха IV”. Верно, что каждая из них требует отдельного спектакля, но тем не менее идейно и художественно они образуют единое целое. В этом сходится большинство критиков.

“Генрих IV” — грандиозная историческая драма, содержание которой столь обширно, что оно не уместилось в рамки одного спектакля, и Шекспир, никогда не считавшийся с формальными правилами, написал пьесу в десяти актах. Художественная задача, взятая им на себя, была тем труднее, что в сюжете не было такого стержня, как, например, в “Ричарде II”, и Шекспир нашел новые средства, чтобы держать внимание публики в напряжении. В других хрониках Шекспира драматизм определялся в первую очередь тем, что происходит. В “Генрихе IV” Шекспир покоряет изображением того, как совершаются события, как творится история. Справедливости ради скажем, что в предшествующих хрониках Шекспир уже стремился к этому, но в полной мере он решил данную художественную задачу впервые именно в “Генрихе IV”.

Поэтому-то каждая часть “Генриха IV” интересна сама по себе. Но и отдельные эпизоды внутри каждой из частей тоже обладают качествами, придающими им самостоятельный интерес. Более того, некоторые из них обладают своей внутренней законченностью. Все сцены, связанные с ограблением куниц на большой дороге, нападением принца и Пойнса на грабителей, и, наконец, рассказ Фальстафа об этом происшествии составляют законченную комедию фарсового типа, точно так же, как эпизоды Готспера составляют трагедию, вкрапленную в общую композицию “Генриха IV”. Это не просто линии действия, а драматически завершенные сюжеты.

Самое изумительное в драматургической композиции “Генриха IV” — это, однако, то сложное единство, которое создается сплавом всех разнообразных элементов, входящих в драму. Из малозначительных баронских восстаний XV века Шекспир извлек материал для создания исторической драмы большого социального смысла. Может быть, именно то обстоятельство, что, взятые сами по себе, данные события не отличались большой красочностью, и позволило Шекспиру сосредоточить внимание на характерах, показать их в живой связи с историей.

Конфликт между Генрихом IV и его феодалами раскрывается в такой живой конкретности, что это типичное противоречие эпохи обретает неповторимо индивидуальный облик. Участники конфликта предстают перед нами каждый с своеобразными чертами, и именно эта индивидуализация их таит глубочайший смысл, создавая в конечном счете ощущение поражающей жизненной полноты действия. Максимальная степень достигается благодаря тому, что Шекспир не создает прямого соответствия между моральным обликом персонажа и той государственной, политической идеей, носителем которой он является.

В этом смысле, с точки зрения композиционной, ясно выявляется, что цель драмы — утвердить принцип централизованной монархии. Но король Генрих IV, являющийся живым носителем этого государственного принципа, далеко не идеальный монарх. Более того, он несет в себе противоречие этому принципу, ибо сам достиг власти посредством

свержения законного монарха. Это противоречие между личностью короля и принципом, который он отстаивает, делает для нас живой и исторически правдивой картину процесса, изображаемого Шекспиром. Сознал ли Шекспир это, или такое изображение явилось результатом, не предусмотренным автором, но в его изображении обнаруживаются двойственность и противоречивость абсолютистской государственности, утверждающей, с одной стороны, законность, а с другой — подчиняющей эту законность индивидуальной воле и, в конечном счете, произволу одного человека.

Сам король ощущает противоречивость своего положения. Его душу постоянно терзает сознание вины в убийстве Ричарда II. Он полон недоверия к окружающим феодалам, особенно к тем, кому обязан был своим возвышением. Неумолимая логика властолюбия побуждает его в первую очередь укротить именно своих наиболее энергичных пособников, ибо они представляют для короля главную опасность.

Слишком поздно понимают бывшие соратники Генриха IV по бунту, что они ошиблись. В их руках, правда, остается прежнее оружие — бунт против короля, которого они сами поставили у власти. Но самый их мятеж обнаруживает главную внутреннюю и, мы бы сказали, исторически предопределенную слабость их позиции.

Лагерь мятежников как в первой, так и во второй части изображен Шекспиром с поразительным многообразием. Все они — носители принципа феодального сепаратизма.

Каждый из них движим эгоистическими соображениями, но сколь различны они между собой! Вот Нортумберленд, старый прожженный политик, хладнокровный в своих расчетах, а рядом — его брат Вустер, беспокойный, подозрительный и беспощадный интриган. За ними наследственный опыт бесчисленных феодальных склок, мятежей, придворных интриг. Они, так сказать, носители “цивилизованного” интриганства. С ними заодно феодалы иной, исторически более низкой и примитивной ступени — шотландец Дуглас и уэльский бунтарь Глендаур. В Дугласе мы видим сочетание храбрости горца с хитростью политика, привыкшего к сложным отношениям вечно враждовавших кланов. Поэтому он выбирает, когда пускать в ход воинственный задор и когда — выжидать. Наконец, Глендаур — феодал самого примитивного варварского склада. Воинственный и хвастливый, он то ли в самом деле верит в колдовство, то ли устрашает врагов и друзей своим знанием магии и умением заставить служить себе таинственные силы стихий природы, во всяком случае, он одновременно храбрец и шарлатан.

Итак, два лагеря противостоят друг другу на авансцене истории: лагерь короля и лагерь мятежных баронов. Как богато и многообразно показан конфликт между ними через раскрытие живых образов людей, составляющих обе партии! Общий антагонизм между ними дополняется бесчисленными мелкими антагонизмами внутри каждого лагеря. Мы уже очертили разнообразие облика и нравственного склада мятежников. В королевском лагере главный антагонизм —

между Генрихом IV и его сыном, принцем Генрихом. Принц живет в атмосфере, где интересы власти непрестанно душат человечность. Власть требует от своих носителей непреклонности, жестокости. Давая человеку в руки огромное могущество, она в то же время лишает его элементарных человеческих удовольствий — веселья, дружбы, возможности по желанию распоряжаться собой. Принц видит, что его отец, в сущности, не принадлежит себе. А молодому Генриху хочется быть самим собой, не втискивать свое тело и душу в корсет придворных условностей и обязанностей, связанных с королевским званием. По контрасту он выбирает себе общество людей, совершенно отвергнувших какие бы то ни было нравственные принципы и обязательства в жизни.

Но если он бежал от двора и нашел прибежище в таверне, то это еще не значит, что он признал своим этот низменный мир. С самого начала мы слышим речь принца (I, 2), ясно свидетельствующую о том, что душой он не принадлежит и этому миру.

Яснее всего нравственная проблема, над решением которой бьется принц, раскрывается в троекратно повторенном мотиве отношения к чести. Для Готспера честь — фетиш, принцип, которому он слепо подчиняет всю свою жизнедеятельность (монолог Готспера о чести, I, 3). Для Фальстафа понятие чести — пустой звук (V, 1). Ригористическое следование принципу чести приобретает у Готспера несколько аскетический оттенок. У Фальстафа, наоборот, отрицание

чести доходит до потворства самым низменным животным инстинктам.

Принц Генрих хочет сохранить верность “природе”, но в нем живет и сознание своего личного и общественного долга: личного — перед отцом и общественного — перед государством. Когда наступает критический момент — отцу грозит потерять корону, может быть, даже жизнь, а государству угрожает анархия, — принц бросает забавы, проникается сознанием своего долга и борется за честь семьи, государства, но — и это Шекспиром подчеркнуто — не за личную честь. Одержав победу над самым страшным и сильным противником, Готспером, он даже не протестует, когда Фальстаф пытается приписать эту заслугу себе. Принцу Генриху не важно, узнают ли другие о его подвиге, для него существеннее сознание выполненного долга.

Во второй части хроники положение принца становится иным. Здесь всячески подчеркивается близкая перспектива возведения его в королевский сан. Принц Генрих и сам все более осознает, что он не простое частное лицо, а наследник престола.

И вот умирает Генрих IV. Глядя на его корону, принц размышляет о “золотом бремени”, каким она является для ее обладателя. Но он готов принять его на себя, и теперь принц Генрих отлично сознает, что став королем, он должен отречься от прежней свободы. Отныне у него будут только обязанности. Напрасно опасается умирающий Генрих IV, будто

воцарение его сына приведет к разгулу беззакония. Принц будет еще вернее следовать закону, чем его отец.

Со свойственной ему способностью резко обнажать противоречия действительности Шекспир остро поставил проблему “естественной” человечности и ее отношения к существующей государственности. Примирить их было нельзя, ибо природа того государства, которое Шекспиру хотелось увидеть как идеал, была такова, что она неизбежно вступала в противоречие с человечностью. В пределах личной жизни Шекспиру еще видится возможность некоего среднего пути, компромисса. В государстве этот компромисс оказывается невозможным.

Рассматривая обе хроники “Генрих IV” под этим углом зрения, мы можем сказать, что в “Генрихе IV” Шекспир еще старается удержаться на позициях гуманистического оптимизма. Вот почему для него все конфликты, изображенные в пьесе, являются отходящей в прошлое историей. Процесс ее развития, как думается Шекспиру, дает основания для веры в торжество лучших начал. Но сам реализм Шекспира подтачивает этот оптимистический вывод, формально утвержденный в финале пьесы, но художественно опровергаемый обеднением личности того, кто искал этот идеал, — принца Генриха.

Шекспир соединил в одном потоке и трагедию гибнущего феодального рыцарства, и драму несправедливой власти, и духовные искания героя (им мы считаем принца Генриха), и

неподражаемую комедию нравов лондонского дна, историю и быт.

Большие исторические события уже самим своим драматизмом всегда в чем-то театральны. Эта театральность истории была почувствована уже молодым Шекспиром, когда он еще только начинал свой драматургический путь. Чем глубже проникала мысль великого художника в сущность исторического процесса, тем яснее становилось для него, что за величественным фасадом истории кроется многое, чего нельзя упускать из виду. В “Генрихе IV” Шекспир полностью отказался от какой бы то ни было парадности в изображении истории. Театральная эффектность, на которую явно рассчитывают такие люди, как Готспер, снимается иронией других, а сам исторический процесс в целом предстает в своей реалистической наготе благодаря обнаружению не идеальных, а действительных и вполне практических стремлений борющихся друг с другом людей.

Шекспир показал не только то, что творилось на авансцене истории, но и то, что происходило на ее задворках. Фальстафовские сцены, справедливо считающиеся главным украшением пьесы, являются самым ярким выражением шекспировского реализма. Недаром они затеняют все остальное, особенно во второй части, где читатель или зритель только и ждет, когда на сцене снова появится Фальстаф.

В “Генрихе IV” критика давно увидела смелейший пример сочетания возвышенного и комического. Надо при этом заметить: то, что формально следует считать возвышен-

ным (рыцарские и придворные сцены), Шекспиром снижено до уровня, когда маски внешнего благородства падают с представителей знати, а комические сцены, изображающие “низменную среду”, подняты на такую художественную высоту, что иные из “высоких комедий” кажутся мелкими и низменными по сравнению с огромным человеческим содержанием, вложенным Шекспиром в самый, казалось бы, грубый фарс — “фальстафиаду”. Здесь с наибольшей силой выразил Шекспир дух Ренессанса, отразил противоречия старого и нового в своей эпохе, пока еще в том же оптимистическом духе, которым проникнута и “серьезная” часть хроники.

А. Аникст.

Примечания к тексту “Генриха IV”

Часть 1

К с. 409. ... до сих пор волнениям нет конца. — В течение всего правления Генриха IV (1399-1413) междоусобные столкновения шли непрерывно. Два из них упоминаются ниже. Одно — это восстание в Уэльсе, возглавленное прямыми, хотя и незаконными потомками Ричарда II, прежде всего Оуэном Глендауром. Второе — схватка с шотландцами, когда отличился их жесточайший противник Генри Перси — Го-

рячая Шпора. В данном случае Генри Перси, ненавидевший род Арчибальда Дугласа, выступил пособником короля, но вскоре он же стал его свирепым противником. “Будущая война”, о которой говорит король, уже заморская, с Францией, но она ляжет в основном на плечи его сына Генриха V.

К с. 415. ...*неужели... не отменят... вешанья*. — Это и есть “кровавые законодательства”, направленные против так называемых “бродяг и упорных нищих”, в числе которых оказывались и форменные лодыри, и обездоленные крестьяне. Здесь это тоже своего рода анахронизм, поскольку во времена Генриха IV таких законов еще не было, они появились позднее, именно при Тюдорах, а в шекспировские времена свирепствовали с необычайной силой, ибо вынужденное и добровольное бродяжничество приобрело устрашающие размеры. “Нищие везде”, — не могла не признать королева Елизавета после поездки по стране. Как раз в 1597 г., когда Шекспир работал над данной пьесой, был принят “Акт о наказаниях”, где говорилось: “Всякий, кто этим актом признается бродягой, должен быть раздет догола выше пояса и бит кнутом, пока его или ее спина не покроется кровью; если окажется, что кто-либо из этих бродяг представляет опасность для простонародья, то судьи могут заключить такого бродягу в исправительный дом или тюрьму; если кто-либо из сосланных бродяг вернется обратно в какую-либо местность, не имея на то законного разрешения, то такое преступление будет караться смертной казнью”.

К с. 418. ...на Гедских холмах... в Рочестере... в Истчипе. — Рочестер — городок неподалеку от Лондона на Геддских холмах. Истчип — улица, идущая на восток от лондонского Сити, известная харчевнями.

К с. 427. ...проклятый Болинброк. — Все они, в том числе и сам король, хорошо помнят, что нынешний Генрих IV это герцог Болинброк, далеко не первый по родовитости среди прочих дворян. Например, те же Мортимеры — потомки не третьего, как он, а второго сына короля Эдуарда III, от которого они все ведут свою родословную. Готспер называет Болинброка “неблагодарным”, потому что тот стремился управлять, опираясь не на родовитую (и непокорную) аристократию, а на своих непосредственных приспешников.

К с. 440. ...Черинг-Кросс — центральный район Лондона, до которого от Рочестера — двадцать восемь миль.

К с. 442. Папоротников цвет — невидимый цветок.

К с. 446. ...Джона тонкого. — Джон Гонт — высокий и сухопарый дед принца Генри.

К с. 448. ...читая письмо. — Письмо от Марча, его сообщника.

К с. 455. ...в трактире “Кабанья голова”. Ремарка более позднего времени, но в тексте пьесы есть слова о том, что “старый кабан кормится на прежнем месте, в Истчипе”. В музее лондонского Сити даже сохранялась вывеска этой таверны, как существовала изустная традиция рассказов о том,

что Шекспир с друзьями-актерами и драматургами бывал в этой таверне.

К с. 460. ...херес с известью. — Известь добавляли, чтоб вино, так сказать, било в нос.

...ткач? Распевал бы я псалмы. — Ткачи были известны своей привычкой петь за работой церковные гимны.

К с. 471. ...как в “Царе Камбизе” — в духе старой трагедии “грома и крови”.

К с. 476. ...Два галлона — около восьми литров.

Бангор — город в Уэльсе.

К с. 482. Шрусбери — город на границе Западной Англии с Уэльсом.

К с. 487. ...волшебников Мерлинов. — По преданию, Уэльс снова станет свободным, когда вернется в мир легендарный волшебник Мерлин.

К с. 491. ...за Финсберийский вал... — район воскресных гуляний горожан.

К с. 598. ...молодость мою. — Если Генрих IV изображен в пьесе старше своих лет, то Генри Перси, напротив, моложе, чем он был на самом деле в это время, — сорока лет. В битве при Шрусбери он сражался с обычной для себя отвагой и яростью, имея целью убить короля. Но ему удалось сразить лишь его знаменосца, на котором были точно такие же доспехи, как и на Генрихе IV. Возможно, он просто обознался. Битва была необычайно длительной и жестокой, потери с обеих сторон — велики. Принц Генри (шестнадцати лет) был ранен стрелой в щеку, но поля не покинул, продолжая бить-

ся. Однако честь поединка с Готспером и победы над ним является все же лишь предположительной и, скорее всего, легендарной: Перси просто пропал без вести, его не могли найти среди убитых.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Аникст. Вильям Шекспир.....</i>	<i>7</i>
<i>Король Иоанн. Перевод Мих.Донского.....</i>	<i>39</i>
<i>Ричард II. Перевод Н.Рыковой.....</i>	<i>215</i>
<i>Генрих IV. Перевод Б. Пастернака</i>	
<i> Часть 1</i>	<i>405</i>
<i>Примечания и комментарии</i>	<i>567</i>

Вильям Шекспир
Полное собрание сочинений
в 14 томах
Т о м 1

Редактор К. Поповский
Художественный редактор И. Сайко
Технический редактор Р. Попов
Корректор И. Левтонова

Подписано в печать 10.07.92. Формат 70х108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,6. Усл. кр.-отт. 53,2. Уч.-изд. л. 21,44. Тираж 20 000 экз. Заказ 1965.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций. Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

**Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации Российской Федерации.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.**

